

Дженна Джей

Сва

принимает участие

в...

Их история не знает любви, нежности и здоровых отношений. Вместо этого она пропитана ненавистью, злобой и болью. Если вас это не устраивает, просьба не читать эту книгу.

Айзек находит в лесу девушку, лежащую без сознания. Ухаживая за ней, мужчина становится одержим ею. Он привык быть королем своего леса, и теперь сделает всё, чтобы удержать её рядом с собой. Но по мере того, как они сближаются, она начала понимать, что под суровой внешностью Айзека скрывается что-то темное и извращенное.

... Но что если это всё не правда? Неужели девушке всё почудилось? Как быть когда грань между воображением и реальностью полностью смылась?

Пролог. Часть 1

«У вас бывает ощущение словно вы застряли в порочном кругу?

Вы чистите зубы, завтракаете, идёте на работу...

Иногда вы решаете заказать еду вместо того, чтобы приготовить её дома и это может быть самым разнообразным решением за весь месяц.

Возможно вам приходит в голову идея поменять завтрак с яичницы на кашу, но вот теперь вы кушаете её каждый день и теперь даже каша стала рутиной.

Тренды меняются, но если приглядеться, это все одно и то же. Просто приподнесенно по-другому.

Вы покупаете новое пальто и думаете, что это было ваше решение, а не работников маркетингово отдела, который поставлял одежду актёрам вашего любимого шоу.

А задумываетесь ли на что вообще вы тратите жизнь?

Чтобы директор вашей компании отдыхал сейчас на Карибах, вы пашете весь год. Вы пашете весь год, чтобы оставить на черный день, чтобы вложить в квартиру, в которой вы не будите жить, а купили вы её, чтобы можно было уснуть спокойно и не думать о будущем кризисе.

«Ты крутишься как белка в колесе.» — говорят вам потом они. Вот только мы никогда не станем белками!

Мы не животные, которыми движет только инстинкт. Мы разумные существа, обладающие способностью рассуждать, создавать и изменять. Тем не менее, мы предпочитаем жить в мире рутины и предсказуемости, где нашим самым большим достижением является количество часов, которые мы проводим на работе.

А жаль, а жаль, а жаль!

У них простая жизнь, с простыми удовольствиями. Они живут, чтобы есть, спать, просыпаться и снова есть! О, как я им завидую.

А почему бы и нет? Я видел ужасы этого мира. Я сражался на войне и видел жестокость людей. Я потерял друзей и товарищей, и ради чего? Вернуться в этот мир, в это бессмысленное существование, где мы всего лишь крысы в лабиринте?

Вы живёте в мире, где всё вокруг вас создано, чтобы отвлечь вас. Вас засыпают постоянной стимуляцией — рекламой, социальными сетями, видеоиграми, телешоу — и все это борется за ваше внимание. Они хотят, чтобы вы отвлеклись, забыли об окружающем мире, затерялись в море бессмысленной информации.

Кто вы? В чем смысл вашего существования? Вы хоть иногда об этом задумываетесь?

Самая маленькая частица общества — это статус и роль. Понятие статуса и роли было важнейшим аспектом общества с самого начала человеческой цивилизации. Каждый человек в обществе имеет определенный статус и играет определенную роль в формировании структуры этого общества. Осознаем мы это или нет, но эти роли и статусы оказывают глубокое влияние на нашу жизнь, формируя нашу идентичность, определяя наши отношения с другими людьми и влияя на наше поведение.

Наш статус — это не просто ярлык, он несет в себе набор ожиданий, обязательств и ответственности. Наша роль в обществе определяет нашу цель, наш вклад и нашу ценность. Вместе наш статус и роль создают динамическое взаимодействие между нашей индивидуальной идентичностью и более широкой социальной структурой, в которой мы

существуем.

Почему никто не хочет менять эту систему? Вы настолько погружены в неё, что вас окутал страх соответствовать ожиданиям общества и боязнь не выполнить свои обязательства.

Дорогая Вселенная, если ты меня слышишь заведи к черту абстрактное мышление обратно. Верни меня в лес и на четыре ноги!

Пошло всё это к черту!

Я устал смотреть, как люди износят себя, чтобы казаться лучше в глазах других!

Вы очернили слово "человек" и стали хуже свиней! Вы — не что иное, как пустые оболочки, плывущие по течению жизни, не проживая её по-настоящему. Вы убили Бога. Да, вы, с вашим высокомерием, гордостью и эгоцентризмом. Разрушили любое подобие смысла и цели жизни и заменили его бессмысленными занятиями. Вы создали мир иллюзий, где все фальшиво, где все лжецы, где нет ничего реального.

Если похитить человека и лишит его коммуникации с внешним миром — это преступление! Нельзя пугать человека, морально насилловать, манипулировать, заставлять или склонять чему-то. Тебя могут привлечь к уголовной ответственности. А то, что общество делает тоже самое с нами, только с нашим разрешением — это позволительно?

Как же вы не понимаете, что пленник станет освобожденным как только выйдет на природу! Нет, кому я это всё говорю?! Это всё равно что писать письмо слепому человеку. Вы не можете видеть реальность нашего мира. Вы живете в фантазии, заблуждении, и вы довольны этим. Вы как овцы, слепо следующие за стадом, ни о чем на свете не заботящиеся.

Это она, матушка природа, порадила человека — наделила его умениями, научила добывать пищу, дала кров... Разве вам не стыдно кем вы стали, разумные существа?

Вы отказываетесь открывать глаза на правду!

Мне стыдно быть одним из вас!

Называйте меня сумасшедшим, обреченным, вышедшим из ума. Говорите, что я проклят, околдован или чёрт меня попутал.

Нет, всё гораздо легче. Если для сделки с дьяволом, нужно продать душу — Земля это куда мы попали после успешной транзакции.

Я устал!

Устал жить среди имбицилов, выросших на ГМО! Я устал общаться с людьми, у которых мозг атрофировался ещё до того как успел созреть.

Я боролся за вас, физически и морально! Я рисковал своей жизнью, чтобы вы могли жить в мире и достатке. Но кем вы стали?

Ваша правда такова: вы совсем одни в этом мире, и нет для вас спасения от пустоты. И жизнь для вас — это жестокая шутка, просто бессмысленное существование.

Не ищите меня, не смейте этого делать!

Дайте хоть кому-то стать настоящим человеком.

— Айзек.

20.02.11.»

Записка была найдена на столе главного бухгалтера компании «Джойфул Дайс».

Информация о человеке:

В последний раз Айзека Харрисона видели в пятницу вечером. Он был запечатлен камерами наблюдения своего дома, выходящим из парадной двери с большой черной сумкой в руках. На нем была поношенная кожаная куртка, которая принадлежала ему много лет.

Куртка была темно-коричневого цвета, почти черного, с потертыми краями и несколькими разрывами по швам. Кожа облегла широкие плечи и мускулистые руки мужчины.

Большая черная сумка, которую он нес, выглядела тяжелой, как будто была наполнена чем-то очень важным. Он шел целеустремленно, его шаги были длинными и уверенными.

У Айзека Харрисона не было ни семьи, ни соратников. Ему было 35 лет, и он несколько лет служил в армии Соединенных Штатов, включая службу в Афганистане. После службы в армии он работал в известной компании, занимая уважаемую должность.

Несмотря на годы службы в армии, свои профессиональные достижения и ужаса, с которым он встретился на войне, у Айзека Харрисона не было криминального прошлого, и он никогда не был обвинен в совершении каких-либо преступлений. Он жил относительно спокойной жизнью и избегая ненужного внимания.

Пролог. Часть 2

" — Я убегу!

— А я поймаю тебя. Снова и снова."

За мной следят, дышат в спину и ходят по пятам.

Я его жертва и цель. Он мой опасный хищник, похититель и пленитель.

Я чувствую его взгляд по всему телу, словно он всегда рядом со мной. Даже когда я одна.

Он знает меня и знает он меня лучше, чем я знаю сама себя.

Каждый мой вздох, каждое моё моргание, каждое бьение моего сердца — он легко предусматривает.

Мой самый страшный ночной кошмар выглядит как прекрасный ангел, но является он исчадием самого ада.

Я для него как маленький зайчонок, убегающий от охотника, я — добыча, а он — хищник.

Мне нужно бежать куда подальше! Скрыться от него и не смотреть назад. Но смысла нет — он найдёт меня во чтобы это не стало.

Самое ужасное? Я хочу, чтобы он меня нашёл. Куда бы я не бежала, я жду, чтобы он нашёл меня.

Я прощу всё этим зеркально голубым глазам, за которыми прячется тьма.

Но не стоит забывать, что даже одомашненное животное все равно останется животным.

Где кончается наша маленькая игра и начинается безумие?

Возможно там где игрок нарушает правила или покидает игру.

— Кристал Мартинез.

Последний раз девушку засекали камеры наблюдений у газовой колонки в Лос-Анджелес.

Это был прекрасный день: светило солнце и таял оставшийся лёд. Несмотря на это в воздухе всё ещё стоял мороз. Животные медленно выбирались из зимовки. И если прислушаться можно было услышать тихое щебетание птиц.

Мужчина, проснувшись рано, утром решил сходить на рыбную охоту. Распорядок его дня был простым, но жизненно важным для его выживания. Увидев заранее собранные бревна, он решил вначале покончить с делом, которое осталось со вчерашнего дня.

Его звали Айзек и со стороны он выглядел как настоящее дитя матушки природы. Грубые черты лица Айзека были как специально подобранные, с пронзительными голубыми глазами, которые, казалось, видели человека насквозь. Его длинные, черные как смоль волосы с осветлёнными на солнце прядями, были собраны сзади в небрежный пучок, что придавало ему дикий, необузданный вид. Это был волк в человеческом облики. С тех пор как он стал жить в лесу, он набрал огромную мышечную массу: его плечи стали шире, руки сильнее, а мускулистое накаченное тело словно было создано, чтобы и выжить в дикой среде. Если оборотни существовали — он был бы подлинным доказательством.

Айзек сел на бревно и стал вырезать из куска дерева охотничий нож. Его сильные, грубые руки двигались с привычной легкостью, когда он строгал дерево, тщательно придавая ему форму смертоносного оружия.

Его глаза были сосредоточены на своей работе, но время от времени Айзек останавливался, чтобы оглядеться по сторонам. В лесу было тихо, если не считать шелеста листьев на легком ветерке.

Пока он работал, мягкий свет восходящего солнца подчеркивал его суровые черты лица, заставляя морщина от прямого контакта с солнечными лучами. Его сильная и точеная челюсть была сжата от усиленной концентрации.

Несмотря на его грубоватую внешность, в нём было что-то бесспорно привлекательное. Возможно, дело было в атмосфере таинственности, которая окружала его, или в том, как он двигался уверенно и целеустремленно.

Пока его руки работали в монотонном движении, он, нахмутив лоб, пытался вспомнить, сколько угля у него осталось. Для этого надо было знать сколько он использовал за последние два дня.

Поразительно, как недостоверна наша память.

Это привело его к другой, не менее важной мысли, что в бесконечной вселенной возможно случайное возникновение мозга с ложными воспоминаниями о жизни, которой на самом деле никогда не было.

Вот так вот просто.

А ведь не исключено, что он сам мог бы быть просто мозгом Больцмана, случайной конфигурацией частиц и энергии, которые случайно обрели сознание. Эта мысль вызвала у него странную смесь удивления и страха. Айзек покачал головой, отмечая эту мысль как чистую глупость. Но, тем не менее, это не давало ему покоя. Как он мог быть в чем-то уверен? Откуда он мог знать, что его собственные воспоминания и переживания не были просто продуктом случайной флуктуации в бесконечном хаосе вселенной?

Нет-нет.

В своих руках он создавал что-то осязаемое. Он верил в силу своей воли и в выборы,

которые он делал, даже если они часто были сомнительными.

Наконец, спустя, как показалось, несколько часов, Айзек отложил нож и полюбовался делом своих рук. Деревянное оружие было острым и идеально выточенным, что свидетельствовало о хорошей работе. Он встал, разминая уставшие мышцы и осматривая окружающий лес, пошёл дальше.

Сегодня был новый день, полный неизвестных вызовов и возможностей, но мужчина был готов ко всему, что встретилось бы на его пути.

Айзек направился к близлежащей реке, которая кишела всевозможной рыбой. По дороге он собрал мелкие, едва созревшие ягоды. Ему нравилось, как солнце пробивается сквозь листву, пение птиц и то, как прохладный и свежий воздух ощущался на его коже.

Он стоял на берегу реки, пристально глядя в воду, осматривая поверхность в поисках каких-либо признаков движения, любой ряби, которая могла бы указывать на плавающую внизу рыбу. Мужчина был опытным рыбаком, потратившим бесчисленное количество часов на совершенствование своего ремесла. Некоторое время он терпеливо ждал, выжидая удобного момента, пока рыба не подплыла достаточно близко. Вскоре это случилось, и мужчина поймал даже несколько штук.

После долгих часов рыбалки мужчина устал и проголодался. Он решил сесть в тени дерева и ненадолго отдохнуть. Посмотрев на небо мужчина заметил, что начинает темнеть, на часах показывало почти пять часов и ему стоило бы возвращаться домой.

По дороге домой, он увидел странную фигуру на траве. Решив, что это может быть раненое животное, он поспешил на помощь. Всем было известно, что лес листьями и грязью, вместе с некоторыми кусочками веток. Её кожа была бледной и шелковистой, без пятен или шрамов, за исключением некоторых маленьких частей покрытыми небольшими царапинами от веток, которые касались её пальцев. Несмотря на всё её лицо оставалось невероятно красивым. Губы девушки были полными и имели поразительный малиновый оттенок, а длинные ресницы еле заметно двигались при моргании. Её длинная шея торчала из-за растрепанной гривы волос. Одежда девушки изодралась от долгого ношения; на ней было только тонкое длинное ночное платье, подол задрался ей до колен, а ноги были босыми и покрытыми грязью, что указывало на то, что она бродила уже некоторое время. Её колени были покрыты багровыми синяками, которые намекали на возможное падение. Она была похожа на ангела, спящего в лесу, но отпавшего от благодати, а не самого неба.

Будто она была произведением искусства, которое было потеряно в лесу

Айзек не мог понять была ли она без сознания или просто спала, поэтому он проверил её пульс. Она была жива. Мужчина сразу взял её на руки, она ощущалась на удивление очень легкой в его руках. Он быстро побежал домой оказать помощь.

Он метался в поисках чего-нибудь, что мог бы использовать, чтобы помочь потерявшей сознание бедняжке и пытался не поддаваться панике. Незнакомец схватил подушку и бросился обратно к ней, осторожно уложив её на диван и приподняв её голову. Мужчина сбегал на кухню, схватил стакан воды и несколько полотенец и вернулся к ней.

Опустившись рядом с ней на колени, мужчина заметил её прерывистое дыхание и запаниковал ещё больше. Айзек быстро поднял её ноги и положил их на подлокотник дивана, надеясь улучшить кровообращение. Схватив с ближайшей полки флакон нашатырного спирта, Айзек помахал им у нее перед носом. Она закашлялась, отплевалась, и Айзек испустил тихий вздох облегчения.

Он завернул её в теплое одеяло и протянул кружку горячего чая, пытаясь успокоить свои

бешено скачущие мысли. Когда она начала шевелиться, то попыталась что-то сказать, но не успев и пробормотать несколько слов, Айзек прервал её.

— Ты ещё очень слаба. Приходи в себя, поговорить ещё успеем.

Осмотрев её повнимательнее, Айзек заметил засохшую кровь у неё на затылке — явный признак серьезной травмы.

Хоть и в первый день она ещё была в сознании, её состояние резко ухудшилось, и в конце концов она впала в кому. Целых шесть недель подряд Айзек был рядом с ней, ни на секунду не оставляя её одну. Он наблюдал, как её грудь поднимается и опускается с каждым вдохом, и молился, чтобы она очнулась и выжила. Ему была невыносима мысль о потере этого нежного и загадочного существа, на которое он наткнулся в лесу. Красота, которая когда-то украшала её лицо, теперь казалась хрупкой и уязвимой, как фарфоровая кукла, которая в любой момент может разбиться вдребезги.

Она стала приходить в себя. Он прислушался к её нуждам, нежно промывая её раны и поддерживая её покой. Айзек ей часто помогал менять одежду, давал теплые грелки, и горячие напитки вместе с лекарствами. И даже кормил её он хорошо: свежая рыба, овощи и фрукты. Девушка стала меняться на глазах. Её кожа стала румяней, а мешки под глазами слегка осветлились. Вскоре стало ясно, что она частично потеряла память — что было ожидаемо в её состоянии.

***

— Привет. — тихо произнесла девушка слабым хриплым голосом.

Айзек обернулся посмотреть на неё, его лицо озарилось нежной улыбкой. Он не мог не почувствовать облегчения от того, что она наконец проснулась.

— Извини, я кажется тебя разбудил. Как ты? Голова болит? — спросил он, кидая дрова в камин.

Девушка попыталась сесть, но поморщилась от боли, схватившись за голову. Айзек быстро подошел к ней и осторожно помог сесть, подложив подушку ей под спину для поддержки.

— Полегче, не торопись, — сказал он, предлагая ей стакан воды.

Она сделала несколько глотков и оглядела комнату, оценивая обстановку.

— Мне намного лучше, спасибо.

Мужчина оставил свои дела и сел с краю дивана. Он выглядел уставшим, суточное ухаживание за девушкой порядком утомили его.

— Ты помнишь как тебя зовут?

— М-меня зовут Кристал.

— Приятно познакомиться, Кристал. Я Айзек. — мужчина улыбнулся девушке.

Что-то в лице мужчине было до боли знакомое для девушки. В принципе и место, в котором она находилось, хотя и не знала где это. Странное чувство вроде дежавю заставляло её волосы вставать дыбом. Она не могла точно определить что именно, но что-то в лице этого человека, в его голосе и окружающем лесу показалось ей чересчур знакомым.

И хоть ей было не по себе, его блондинистые локоны, мило выбивались из неряшливого пучка, а голубые глаза были полны заботы, искренняя улыбка и аккуратные прикосновения...

Сложно было не доверять человеку с такой красивой внешностью. И хотя она была благодарна ему за то как он за ней смотрел, в душе был сильный необъяснимый страх, который был с ней с первого момента как её глаза встретили его. Живя в детдоме Кристал

потеряла чувство наивности, её самым первым уроком было то, что тебя могут предать даже самые близкие тебе люди. Но в данной ситуации нельзя было сделать ничего, ей оставалось лишь идти наперекор своим инстинктам. Кристал закрыла глаза и глубоко вздохнула, пытаясь успокоить свои бешено скачущие мысли. Сейчас она должна была довольствоваться тем, что осталась в этом теплом и безопасном убежище, вдали от внешнего мира и всех его опасностей.

— Где мы находимся? — тихо спросила девушка.

— Неподалеку от Руньон каньон. В Лос-Анджелесе. Какое было твоё последнее воспоминание?

Она задумалась.

— Автобус... Я села в него после высадки с поездка в Сан Диего. Я кажется помню всё до этого, — Кристал схватилась за голову.

— Ладно, не делай себе больно. Память вернется к тебе сама, — ответил Айзек, хлопая девушку по ноге.

Девушка заметила книгу на маленьком деревянном столике рядом со своей кроватью. Это был толстый том с потертой обложкой и названием «По ту сторону добра и зла», написанным золотыми буквами. Она потянулась за ним дрожащей рукой, почувствовав внезапное желание пролистать его страницы. При этом она заметила, что некоторые части текста были выделены, а на полях аккуратным почерком были сделаны пометки.

Айзек заметил, что она смотрит на книгу, и улыбнулся

— А, я вижу, ты нашла мою любимую книгу. Я часто читаю, когда у меня есть время, — Его голос был мягким и успокаивающим, как ласковый ручей.

Девушка удивленно посмотрела на него.

— По ту сторону Добра и Зла? Я никогда о ней не слышала, — сказала она, вертя книгу в руках.

— Ну, моя дорогая, это не совсем сказка на ночи, — Айзек посмотрел на девушку и иронично усмехнулся.

— Неужели?

Он на мгновение замолчал, задумчиво глядя на книгу:

— Читать его это все равно что смотреть в бездонный колодец, понимаешь? Пугающе, но в то же время и волнующе.

Айзек снова обратил своё внимание на девушку:

— Тебе не обязательно это читать, если ты не хочешь. Но именно эта книга составляет мне компанию долгими ночами.

Кристал неосознанно прочла вслух, рассматривая страницы:

— Тот, кто сражается с монстрами, должен следить за тем, чтобы сам не стал монстром. И если ты долго смотришь в бездну, бездна тоже смотрит в тебя. Интересно, — пробормотала она себе под нос, испытывая жутковатое чувство знакомости этих слов. Она не могла точно определить, что именно, но ей показалось, что она слышала их раньше.

Айзек осторожно взял книгу из рук Кристал и положил ее обратно на стол. Девушка не заметила как застыла размышляя.

— Думаю пока достаточно, — мягко сказал он, — тебе нужно отдохнуть и набраться сил.

Кристал кивнула, чувствуя, как её охватывает чувство разочарования. Она не могла объяснить, почему её так тянуло к этой книге, в частности, к этому отрывку. Девушка не

была особым любителем литературы, как истинный технарь, всё свое время она проводила за изучение точных наук, и тем не менее книга имела на ней какой-то удивительный эффект.

Он натянул одеяло до ее подбородка и подоткнул его.

— А теперь спи, — сказал он. — Я буду здесь, если тебе что-нибудь понадобится.

Кристал закрыла глаза, ощущая тепло камина и уют мягких одеял, она стала медленно засыпать.

Я не знаю кто он. И что собственно происходит. Проснуться ничего не помня в лесу со взрослым мужчиной — звучит как начало какого-то фильма ужасов.

Учитывая то, что я никогда не выходила за границы детдома, который находился в переполненном городе — моё нахождение здесь является для меня полной загадкой.

Я ехала в Лос-Анджелес, чтобы начать новую жизнь в центре. Как вообще меня забросило сюда, оставалось полной загадкой.

— Я принёс тебе ягоды, — Сказал Айзек, который вошёл в комнату и оторвал меня от моих мыслей.

Мелкие капли пота блестели на его покрасневшем лице, что означало, что он только, что вернулся из леса.

— Спасибо. — ответила я, когда мужчина протянул мне миску со свежими ягодами.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, раздеваясь.

От тяжелой физической нагрузки, его белая кофта была постоянно влажной и просвечивала пресс мужчины.

Я нервно сглотнула и опустила голову, чтобы не пялиться.

— Лучше. Уже могу вставать и держаться на ногах сама, — я подсознательно старалась держаться от него отстранено из-за чего чувствовала себя неблагодарной.

— Это же замечательно, — он сел на полу, чтобы сравниться по росту со мной.

— Если тебе что-то нужно, не стесняйся. Скажи мне, — он взял мою руку в свою. Она была значительно большей. От одной мысли, что он может с легкостью раздавить мою, холодок по спине прошелся по моей спине.

— Спасибо большое. Вообще-то у меня была одна просьба... Ты pomoжешь мне выйти на воздух, пожалуйста?

Он ободряюще улыбнулся, показывая свои очаровательные ямочки.

— Ты уверена? Может мне окно открыть или вывести на балкон? На улице очень холодно сейчас, и я не хотел бы, чтобы ты простудилась пока всё ещё не пришла в себя.

— Ты прав. У меня просто иногда словно клаустрофобия начинается от того, что я постоянно нахожусь на одном месте.

Айзек кивнул в знак понимания и встал, чтобы открыть везде окна. Он подошёл ко мне и протянул свою твердую как камень руку вперед, чтобы я могла опереться за неё и пойти.

Находиться так близко к нему пугает меня. Это напоминает про разницу в наших силах и возможностях. И хотя я твержу себе и понимаю, что если бы он собирался что-то сделать со мной, то сделал бы пока я была совсем слабая и беспомощная — это не помогает при виде его больших рук с татуировками.

Я прислонилась к подоконнику, и когда Айзек открыл окно в комнату ворвался холодный воздух. Аромат сосен наполнил комнату сразу, перенося меня в мир дикой природы. Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как ледяной воздух обжигает мои легкие. Закрыв глаза, я отдалась этим мощным порывам, представляя себя парящей на крыльях ветра.

Ветер. Своевольный ветер. Я завидовала его свободе, его способности идти, куда ему заблагорассудится, без каких-либо ограничений. С каждым порывом он, казалось, манил меня, искушая присоединиться к его дикому танцу.

На мгновение я забыла обо всём остальном, потерявшись в красоте этой неукротимой силы. Ветер был напоминанием о том, что за пределами детского дома, за пределами многолюдного города, где я провела всю свою жизнь, есть мир. Это был мир несказанных чудес, ожидающий, когда его откроют. И в тот момент мне страстно захотелось стать частью этого.

Бинго. Кажется я поняла.

— Может вернемся в постель? Простынешь ведь. — аккуратно спросил меня мужской голос.

Я молча повиновалась.

— Когда ты меня нашёл, возле меня были какие-то мои вещи?

— Нет, но если честно, я не смотрел особо. В следующий раз когда выйду в лес, осмотрю участок.

Мне осталось лишь улыбнуться в благодарность.

Окно всё ещё было открыто. Мне нравились звуки природы и то, какими успокаивающими они были. Достаточно было сделать один долгий вздох и твою голову кружило от такого количества свежего воздуха.

Айзек ушел переодеваться, и я вновь осталась одна. Он пугал меня и поэтому расслабиться рядом с ним мне было сложно. А с другой стороны, я никогда не была одна. В детдоме рядом всегда были другие дети, всегда было с кем поговорить или поиграть. Но теперь, в этом необузданном месте с незнакомцем, который спас мне жизнь, я была предоставлена своим собственным мыслям.

Я постоянно думала, как я оказалась в такой ситуации. Как я могла заблудиться в лесу? Кто-то оставил меня там? Неужели я сбежала? Воспоминания были расплывчатыми, и у меня начинала болеть голова, когда я пыталась копать глубже.

Я посмотрела на Айзека, который вернулся и сел напротив меня возле камина и что-то усердно писал на компьютере. Это было его утренним ритуалом.

Мне оставалось лишь наблюдать за ним. Его сильные и мужественные черты были подчеркнуты мерцающим пламенем, и на мгновение я потерялась в некоем трансе, осматривая его.

То, как он двигается, то, как он говорит, — все это так завораживает. Его присутствие одновременно было как волнующее, так и приятное. Каждый раз, когда он рядом со мной, я чувствую, как колотится моё сердце и потеют ладони, несмотря на это то, что я не чувствовала прямой угрозы от него.

Я никогда раньше не встречала такого человека, как он, того, кто излучает такой уверенностью и силой. И всё же в нем есть некая нежность, которая так подкупает. Он терпелив со мной, и пытаются сделать всё для меня, что только можно.

Это странное чувство: испытывать такое влечение к кому-то, кто до сих пор остается для меня полной загадкой. Но я не могу отрицать того, как мое тело реагирует на него.

Каково это — быть рядом с ним, чувствовать его сильные руки, раствориться в интенсивности его взгляда.

Опасная мысль.

Но иногда я ничего не могу поделать со своими чувствами.

Айзек слишком добрый и понимающий, и это заставляет меня усомниться в его намерениях. Как будто он ждет, что я совершу ошибку или оступлюсь, и тогда он набросится на меня.

Может быть, у меня просто паранойя, но я ничего не могу с этим поделать. Я знала, что должна быть настороже, что я не могла ослабить бдительность рядом с ним. Потому что в этом странном и незнакомом месте могло случиться все, что угодно.

Но, с другой стороны, могу ли я вообще доверять себе?

Погрузившись в свои мысли, я вдруг почувствовала на себе его взгляд. Я подняла глаза, и наши глаза встретились. Я быстро отвернулась, почувствовав прилив нервозности.

— Все в порядке? — спросил он мягким и нежным голосом.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он продолжал смотреть на меня ещё несколько секунд, затем снова повернулся к своему компьютеру.

Я глубоко выдохнула и попыталась успокоиться. Может быть, я просто слишком много думаю. Он был исключительно добр ко мне с тех пор, как я тут, и не было никаких причин подозревать его в чем-либо.

Но все же в нем было что-то такое, что заставляло меня чувствовать себя неловко. Может быть, дело было в том, что он, казалось, знал обо мне все, хотя мы только что познакомились. Или, может быть, это был способ, которым он мог заставить меня чувствовать себя такой комфортней.

И в то же время такой уязвимой.

Айзек встал со своего места и подошел ко мне. Я почувствовала прилив паники, задаваясь вопросом, почувствовал ли он мой дискомфорт и собирается ли противостоять мне по этому поводу. Но вместо этого он просто взял с полки книгу и протянул её мне.

— Я подумал, что тебе это может понравиться, — сказал он, тепло улыбаясь.

Я взяла у него книгу, мои руки слегка дрожали.

— Спасибо тебе, — прошептала я.

Он кивнул и вернулся на свое место, снова оставив меня наедине с моими мыслями. Я открыла книгу, но мой разум был слишком отвлечен, чтобы сосредоточиться на словах. Я не мог избавиться от ощущения, что что-то было не так, но я не знала, что с этим делать.

Возможно это просто моя травма и лекарства.

Через некоторое время он закончил своё занятие и сел рядом со мной.

— Что что-то вспомнила? — спросил Айзек.

— Ничего, что помогло бы мне понять, что со мной случилось.

Он понимающе кивнул и посмотрел в сторону о чём-то размышляя. Я попыталась прочитать его выражение лица, но это было бесполезно.

— Ты сказала, что жила в детдоме. Как давно ты там находилась?

Я почувствовала комок в горле, когда он задал мне этот вопрос. Я знала, что должна ответить честно, но насколько я могу доверять незнакомцу.

— Достаточно долго, — ответила я, пожав плечами, стараясь говорить небрежным тоном.

Выражение лица Айзека оставалось нейтральным, но я чувствовала, как его глаза ищут в моих большем. Я отвела взгляд, внезапно почувствовав себя незащищенной под его пристальным взглядом.

Я попытался взять себя в руки и спросил небрежным тоном:

— Когда я это сказала?

Он на мгновение заколебался, прежде чем ответить:

— Э-э, я думаю, это было позапрошлой ночью. Ты разговаривала во сне.

По моей спине пробежала дрожь. У меня не было никаких воспоминаний об этом.

Что ещё я могла сказать неосознанно?

— Должно быть, это было тяжело, — сказал он, прерывая молчание. — Жить в детском доме.

Я кивнула, благодарная за смену темы. Я не хотела больше копаться в своем прошлом. Это была темная и болезненная глава моей жизни, которую я хотела бы держать под замком.

Айзек, казалось, понял мое нежелание говорить об этом и не стал настаивать на этом. Вместо этого мы погрузились в уютную тишину, единственным звуком в комнате было тихое потрескивание камина и постукивание пальцев Айзека по клавиатуре.

Что же он пишет?

Его пальцы двигались со скоростью и точностью, свидетельствующими о том, что он делал это часто и много.

— Над чем ты там работаешь? — спросила я, кивнув в сторону его компьютера.

— Ничего такого. Мне надо вернуться в лес, закончить начатое. Тебе что-то нужно?

— Помоги мне пойти на кухню, я сделаю салат пока ты вернёшься.

***

Айзек ушел работать в лес, оставив меня наедине со своими мыслями.

Он вошел и в дом сразу ворвался запах древесного дыма и зелени. Он выглядел измученным, но его глаза загорелись, как только он увидел меня.

— Ты уже вернулся? Как прошел твой день? — спросила я.

— Хорошо. Много успел сделать, — ответил он, потирая руки.

Когда мы сели ужинать, атмосфера стояла неловкая. Это было так, как будто я была на свидании с незнакомцем. Айзек, казалось, слишком старался завязать разговор, но между нами чувствовалось скрытое напряжение. Я решила спросить как давно он живет в лесу и почему.

Айзек поднял взгляд от своей тарелки.

— Уже несколько лет, — говорит он. — Что касается причины, ну, это потому, что я нахожу здесь покой. В городе слишком шумно, слишком многолюдно. Там трудно услышать свои собственные мысли.

Я киваю, внимательно слушая.

— Где-то я могу это понять, — говорю я. — Город порой может быть изматывающим. Хотя будучи в контакте со столькими людьми и такое долгое время — привыкаешь. Порой даже скучаешь.

Айзек улыбнулся. Казалось, что он хотел сказать что-то, но в последний момент передумал и просто согласился:

— Я рад, что ты понимаешь,

Несколько мгновений мы продолжаем есть в тишине, прежде чем я заговорила снова.

— А что ты делаешь здесь, то есть в лесу, весь день?

Айзек пожал плечами:

— Я колю дрова, добываю еду на охоте и иногда работаю дистанционно, — говорит он. — Это простая жизнь, но она мне подходит.

Когда мы закончили ужинать и убрали со стола, он предложил нам прогуляться на улице. Я радостно согласилась, надеясь, что глоток свежего воздуха прочистит мне голову.

Пока мы шли, небо потемнело и начало падать несколько капель дождя. Айзек снял свою куртку и накинул её мне на плечи. Я почувствовала, как по моему телу разливается тепло. Несколько мгновений мы шли молча, наслаждаясь шумом дождя, барабанищего по

листьям.

Нам пришлось возвращаться на балкон дома, чтобы я не простыла. Айзек решил внезапно нарушить молчание.

— Я чувствую, тебя что-то беспокоит. Ты можешь сказать мне.

Я колебалась, неуверенная, как облечь свои мысли в слова. Но взгляд его глаз был таким теплым и обнадеживающим, что я, наконец, открылась ему.

— Я не знаю, что со мной не так. Я чувствую, что постоянно нахожусь на взводе, и я не знаю, могу ли я доверять себе или даже тебе, — сказала я, мой голос был едва громче шепота.

Айзек остановился и повернулся ко мне лицом.

— Я понимаю. Учитывая, через что тебе пришлось пройти, это не удивительно. Но ты можешь мне доверять. Я не причиню тебе вреда, обещаю, — сказал он низким и напряженным голосом.

Мы молча зашли внутрь.

— Итак, чем ты любишь заниматься ради развлечения? — спрашивает он, его глаза осматривают комнату, словно в поисках вдохновения.

Я пожимаю плечами, не совсем уверенная, что ответить.

— Я не знаю, например, слушаю музыку, смотрю фильмы, гуляю, — говорю я, перечисляя некоторые из обычных занятий.

— Звучит заманчиво, — говорит он с улыбкой. — Может быть, мы сможем сделать что-нибудь из этого вместе, пока ты здесь.

Я молча кивнула.

Не уверена, что это такая уж хорошая идея.

Если проводить с ним больше времени, это может только всё усложнить.

Он выделил для меня небольшую комнату с отдельной ванной наверху, пока что там я там не сплю, потому что мне всё ещё сложно передвигаться. Пока я переодевалась и сушила волосы, Айзек зашел и предупредил, что собирается ненадолго выйти на улицу, пообещав скоро вернуться.

Прошло некоторое время, и я, свернувшись калачиком на диване, читала книгу, которую он мне дал.

Под звуки дождя меня стало медленно клониться спать, как вдруг меня разбудил внезапный шум. Звук был похож на треск ветки снаружи, но это был слишком громкий звук, чтобы быть она просто сломалась. Моё сердце бешено заколотилось, и я села прямо, пытаясь прислушаться к ещё каким-нибудь звукам.

Низкое рычание, донеслось рядом с окном. Я ничего не могла разглядеть в темноте, но я знала, что что-то было там и оно скрывалось в лесу.

В этот момент страх перерос в панику.

Бац.

От резкого звука я вскрикнула, быстро встала с дивана и как могла побежала к окну, пытаюсь разглядеть, что же это случилось. Летучая мышь. Точнее раненная летучая мышь.

Мое сердце не прекращало бешено колотиться в груди.

Внезапно я услышала звук шагов и, обернувшись, увидела входящего в комнату Айзека.

— Я услышал крик, ты в порядке? — спросил он, глядя на меня с беспокойством.

— Да, всё в порядке, — ответила я, чувствуя себя немного смущенной из-за того, что меня напугала летучая мышь.

— Что случилось? — спросил он, подходя к окну.

— Это была просто летучая мышь, — сказал я, указывая на окно. — Она ударилась о стекло.

Айзек подошел к окну и выглянул наружу.

— Бедняжка, — сказала я, разглядывая её поближе. — нам надо что-то сделать.

Она неподвижно лежала на земле.

— Я позабочусь о ней.

Он вышел на улицу, чтобы забрать раненную, и я наблюдала из окна, как он осторожно поднял её и покачал в руках.

— Жить будет, с крыльями всё нормально. Видать свет из дома её запутал. Я отнесу её на ближайшую ветку.

Некоторое время я всё ещё в замешательстве смотрела, как он исчезает в ночи, и только позже стала медленно приходить в себя. Эти недели были невыносимыми. Мигрени, кошмары, постоянные боли — всё просто изнывало меня каждый день, и я не могла ничего с этим сделать. А самое ужасное, что в голове была пустота.

Вскоре Айзек вернулся. Он сделал нам горячий травяной чай, и мы сели пить его возле камина.

— Тебе не холодно? — спросил он.

— Нет.

— Кристал, я не собираюсь спрашивать про твоё самочувствие. — сказал он аккуратно, следя за моей реакцией.

Я посмотрела на него вопросительно.

— Я имею в виду, что совершенно ясно, что с тобой не все в порядке, — сказал он, пристально глядя на меня.

— И я не собираюсь притворяться, что ничего не замечаю. Выскажешь — станет легче.

Айзек некоторое время пристально смотрел на меня, видимо ожидая, что же я скажу.

А что же мне было сказать? Нечего.

Пожалуй, надо найти правильные слова, чтобы выразить охватившее меня смятение...

Но таковых не было.

Торнадо, пройдя по моей душе, не оставило ничего, кроме хаоса и разрушения. Как я могла передать тяжесть пустоты, страха и боли, которые так долго давили на меня какими-то словами?

Слова состоят из одних и тех же 33 букв, которые просто расставляют по-разному. Как они могут что-то вообще означать?

Детдомовские не верят в слова. Если тебе что-то не нравится, меняй это. Мы не делимся своими чувствами и не раскрываем свои слабости, потому что это может привести к уязвимости, которая может сделать нас легкой мишенью хищников.

Айзек опустил стакан на стол, возвращая моё внимание к нему.

По спине пробежал холодок. Некогда завораживающие голубые глаза потемнели, а точеная линия подбородка напряглась, придавая ему суровый и устрашающий вид.

— Ты что, не услышала вопроса? — потребовал он, его голос прорезал тишину.

Я с трудом слотнула, чувствуя, как тяжесть его слов давит на меня. Мой разум лихорадочно работал, но губы онемели.

— Я... Я услышала, — пробормотала я, изо всех сил пытаюсь обрести дар речи.

— Тогда отвечай, — твердо сказал он. — Ты не можешь просто сидеть в своей скорлупе и ожидать, что все будет хорошо.

Голос Айзека был холодным, жестким и непреклонным.

Таким его я ещё не слышала.

— Если у тебя есть какие-то беспокойства, а они у тебя явно есть, ты должна их озвучить. Я ясно выразился?

— Д-да, — заикаясь, выдавила я.

— Тогда говори, — потребовал он, сверля меня взглядом.

Меня охватила паника, и я не могла подобрать слов.

— Я не знаю как, — наконец смогла прошептать я, чувствуя себя маленькой и беспомощной перед ним.

Айзек смотрит на меня, и выражение его лица немного смягчается.

— Что ты чувствуешь? Скажи первое слово, которое пришло на ум.

— Пустота.

— Пустота, это то, что ты чувствуешь? — повторяет он низким и размеренным голосом.

Словно тяжелый груз давит мне на грудь, выдавливая из меня дыхание. Мне сразу хочется забрать сказанное обратно.

— Не знаю...

Айзек вздыхает.

— Ты не знаешь? А кто знает? — недоверчиво повторяет он. — Как ты можешь не знать? Ради бога, ты взрослая девушка. Ты должна знать, что ты чувствуешь и почему ты это чувствуешь.

Во мне поднялась волна гнева, и я неосознанно сжала руки в кулаки.

— Я пытаюсь, ладно? — огрызаюсь я, слегка повышая голос.

— Что ж, это начало, — говорит он более резким тоном, чем раньше. — Но этого недостаточно. Ты не можешь просто сидеть и жалеть себя, ожидая, что кто-то другой все исправит. Тебе нужно принять меры.

— Легко сказать, — я разозлилась. — я нахожусь бог знает где с незнакомцем! И я совершенно не помню, что со мной случилось!

— Тогда, милая, продолжай заикливаться на прошлом или на том, чего ты не знаешь. Надо акцентировать внимание на настоящем и будущем. Тебе нужно взять свою жизнь под контроль.

Я угрюмо усмехнулась.

— Да я даже не знаю, кто я такая! И дело далеко не в потере памяти! — кричу я в разочаровании и чувствую как слезы наворачиваются на мои глаза.

— Это не значит, что ты не можешь начать все сначала. Ты можешь создать для себя новую личность, новую жизнь. Просто нужно быть готовым приложить усилия.

Как же мне хочется закончить этот чёртов разговор.

— Хорошо, а каков твой план? — в этот раз его голос уже менее строг.

— Мой план — просто выжить, проживать каждый день, не сходя с ума! Знаешь сейчас и это не даётся.

Голос Айзека становится тверже, а его взгляд жестче:

— Перестань жаловаться, — говорит он, повышая голос. — Ты можешь начать хотя бы с поиска ответов, — попытками собрать воедино свое прошлое. Но самое главное, тебе нужно начать заботиться о себе, физически и морально. Ты не можешь продолжать так жить.

Его слова обрушиваются на меня, как тонна кирпичей, и я чувствую, что тону в них, опускаясь на дно.

— А что потом? — спрашиваю я, мой голос едва громче шепота. — Что, если я не смогу найти ответы? Что, если я застряну здесь навсегда?

— Тогда ты навсегда застрянешь в этом пустом состоянии, — говорит он по-прежнему твердым, но не резким тоном. — Это то, чего ты хочешь?

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, но его внезапное прикосновение посылает по мне электрический разряд. Его пальцы хватают меня за подбородок и поднимают моё лицо, чтобы я встретила с ним взглядом.

— Смотри на меня, когда я говорю с тобой, — приказывает он низким и хрипловатым голосом. — Ты этого хочешь?

Я качаю головой:

— Нет, — шепчу я.

— Тогда возьми себя в руки, — говорит он, нежно сжимая мою руку. — Ты не одна здесь. Мы разберемся с этим вместе.

Его дальнейшее действие оставляет меня обескураженной.

Айзек заключил меня в объятия.

Сначала я не решалась принять его объятия. Мысль о том, что я могу быть уязвимой перед кем-то другим, была невыносима. Но по мере того, как он прижимал меня крепче, не давая двигаться, я чувствовала, как мое сопротивление медленно тает.

Сила его рук, обнимающих меня, заставляла меня чувствовать себя в безопасности, как будто ничто не могло причинить мне вреда, пока я была в его объятиях.

Я чувствовала тепло его тела, исходящее через одежду, и то как его запах окутал меня. Это была смесь свежей сосны, кожи и свежести.

Он такой крепкий, такой сильный.

Когда его рука нежно погладила мою спину, я почувствовала, как напряжение в моём теле медленно тает. Как будто он точно знал, что мне нужно, и мне не нужно было произносить ни единого слова. С каждым мгновением мое тело начало расслабляться, и я чувствовала, как тяжесть моих эмоций спадает с моих плеч. Это было так, как будто его тепло проникло в самое мое существо, успокаивая мои нервы и успокаивая мою душу. В голове крутились его последние слова.

Я осторожно обхватила его руками в ответ, крепко прижимаясь к нему, как будто он был единственным, что удерживало меня.

Возможно, мне просто не хотелось отпускать его.

Я почувствовала, как неудержимо текли слезы. Внутри меня словно прорвало плотину,

и я не смогла сдержать поток эмоций, которые так долго держала в себе.

Сначала я пыталась скрыть свои слезы, уткнувшись лицом ему в грудь и пытаюсь заглушить рыдания. Но вскоре стало невозможно сдерживать их, и мое тело сотрясилось от силы моего плача.

— Выпусти это, — мягко сказал он. — Тебе не обязательно держать все это в себе.

Его слова сильно задели меня, и я почувствовала, как мое сердце наполнилось благодарностью за его понимание.

— Я просто так устала, — плакала я. — Устала все время чувствовать страх и неуверенность. Устала чувствовать, что никому не могу доверять, даже самой себе. Мое тело болит, ломиться просто, Айзек. Я не знаю, как долго ещё смогу так продолжать.

Айзек крепче прижал меня к себе и нежно погладил по волосам, его присутствие успокаивало. — Шшш, все в порядке, — прошептал он.

Его слова заставили меня лишь уткнуться в его грудь и плакать сильнее.

Как бы сильно я не хотела остаться в его объятиях навсегда, я знала, что не смогу.

Это было слишком хорошо, слишком успокаивающе, и я ни в коем случае не могу к этому привыкнуть.

Айзек высвобождается из объятий, когда понимает, что я перестала плакать и смотрит мне в глаза, вытирая слезы большими пальцами.

— Прости, что я надавил на тебя, но ты должна понять, что это был единственный способ заставить тебя открыться.

Он наклонился и нежно поцеловал меня в лоб. Его губы задерживаются на моей коже на пару секунд. Это прикосновение было такое нежное и мягкое.

— Боль неизбежна, страдание необязательно. Боль — это часть жизни, но только от нас зависит как мы будем на неё реагировать. Мы можем либо позволить ему победить нас, либо использовать его, чтобы стать сильнее.

Я не могла не почувствовать некоторого раздражения от его философского ответа. Это казалось банальным ответом на мою самую настоящую боль.

Но раздражение шло от осознания, что он прав.

Айзек продолжил:

— Ты через многое прошла, и это нормально чувствовать себя измученной и недоверчивой к происходящему.

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула, чувствуя утешение в его словах. Он был прав: я пришла так далеко и могла не продолжить идти.

Только сейчас я заметила что-то мокрое на его рубашке. Именно тогда я поняла, что это были мои слезы. Меня охватило смущение, но Айзек лишь тряхнул рукой на это.

— А ты не мог бы переночевать здесь сегодня? — сказала, я раньше, чем смогла осознать сказанное.

Ну после того как я так сильно испугалась, мне же нужен кто-то рядом?

Айзек согласился и застелил себе место на полу рядом с диваном.

Устроившись, он снял рубашку через голову, обнажая подтянутую и мускулистую грудь, крепкую спину, покрытые замысловатыми татуировками. Его богатырские плечи сужались к подтянутому животу, привлекая внимание к мощным рукам и груди.

У меня перехватило дыхание.

Его татуировки тянулись по его плечам и вниз по рукам, обвивая бицепсы и предплечья. Когда он повернулся ко мне лицом, я смогла разглядеть еще больше татуировок, которые

протягивались до пояса брюк.

Парни в детском доме были совсем не похожи на него: они были тощими и бледными, словно едва достигшими половой зрелости.

— Кристал?

— А? Что? — мне сразу стало стыдно, что я залипла.

— Спокойной ночи, — Сказал он, улыбаясь.

— Спокойной — ответила я, чувствуя, как горели мои щёки.

Я долго не могла уснуть и постоянно ерзала по дивану, услышав шум снизу, я поняла, что не единственная кто не мог уснуть.

— Айзек, — тихо позвала я.

— Да?

Я слегка привстала и посмотрела на него.

— Тоже не можешь уснуть? — Спросила я.

Он покачал головой.

— Хочешь, я расскажу тебе историю?

Я смеюсь, и этот звук едва слышен в ночной тишине.

— Сказка? — переспросила я с любопытством.

Он кивает, его губы растягиваются в легкой улыбке.

— Да, сказка. Это могло бы помочь тебе заснуть. — повторил он, и на его губах появилась легкая ухмылка.

— Хочу, — ответила я всё ещё смеясь от абсурдности этой идеи.

Айзек устраивается рядом со мной на диване и стал рассказывать:

— Давным-давно, в далекой стране, жила маленькая девочка по имени Оливия. Оливия была любопытной находчивой девочкой, которая любила бродить по городу и исследовать окружающий её мир. Однажды, бродя по лесу, она наткнулась на прекрасный кристалл. Она была очарована его сверкающими красками и решила взять его с собой.

Я сильно засмеялась.

— Ты реально собрался рассказывать?

— Не хочешь и не надо.

— Прости, прости. Не буду перебивать.

Мне нравилось слушать его голос.

— Так. Когда Оливия возвращалась домой, она встретила старую мудрую женщину, которая остановила ее и сказала: «Девочка, этот кристалл драгоценен и могущественен. Но с этим на тебя он ляжет с большой ответственностью. Ты должна использовать его силу с умом, иначе это может принести вред и разрушения.

Оливия, взволнованная своим новообретенным сокровищем, не обратила особого внимания на слова старухи и продолжала играть с кристаллом каждый день. Вскоре она обнаружила, что кристалл обладает способностью исполнять желания, и она пожелала многих вещей, таких как игрушки и сладости, новых друзей и даже попросила поменять своего непослушного брата на весёлую сестру.

Но время шло, и Оливия начала понимать, что её желания не делают её такой счастливой, как она думала. На самом деле она чувствовала себя ещё более опустошенной и одинокой, чем раньше. Ничего больше не приносило ей счастья. Она поняла, что была эгоистична и беспечна по отношению к силе кристалла, и это не принесло ей ничего, кроме временного счастья.

Оливия вернулась к старухе и призналась в своей ошибке. Мудрая женщина улыбнулась и сказала: “Моя дорогая, сила кристалла заключается не в том, что он может дать тебе, а в том, что ты можешь дать другим. Используйте это с умом.”

С того дня Оливия использовала силу кристалла, чтобы помогать другим и делать мир лучше. Она обнаружила, что истинное счастье приходит не от получения, а от отдачи. И при этом она усвоила величайший урок из всех: самое большое сокровище в жизни — это доброта. Конец.

— Ты это где-то вычитал или только что придумал?

— Настоящий сказочник не выдает своих секретов.

— Ты не перестаёшь меня удивлять.

— Спи уже.

Перед тем как Айзек ушел, он наклонился и нежно коснулся губами моих щеки, от его прикосновения у меня по спине пробежали мурашки. Я закрыла глаза, наслаждаясь теплом и нежностью его поцелуя.

Неужели у меня действительно появляется симпатия к нему? Чушь собачья. Я уверена это просто временное помутнение разума.

***

На следующий день он ушёл рано утром, сказал, что должен поехать в город за продуктами. У меня болела голова и особо что-то делать не получалось. Айзек показал мне как чистить рыбу и целый день я готовила полуфабрикаты, которые можно будет потом использовать.

Он вернулся поздно ночью и сел у камина, читая книгу. Я разместилась рядом с ним, снова залипая на темные чернила на его руке.

— А что означают твои тату? — спросила я.

Они все были слишком замысловатые и связанные, чтобы делаться просто для красоты. Да и Айзек не был похожим на человека, который делает что-то просто так.

Он посмотрел на меня и сказал:

— Тайна за тайну. Я тебе про тату, а ты мне какой-то свой секрет. Одно тату, одна тайна.

— У меня нет секретов.

Я не умею их хранить.

— У всех они есть.

— Моя жизнь была скучной. Я не делала ничего такого, что было бы неправильно и это нужно было держать ото всех.

Врать я тоже не умею. Но я действительно ничего не делала.

Он смотрел на меня словно искал путь в мою душу, медленно снимая слой моей защиты.

— Кристал, иногда наши секреты, это то, что делает нас уязвимыми. Как раз таки эти вещи кажутся нам самим такими правильными. В конце концов, что неправильно — это вопрос восприятия.

По спине прошли мурашки.

Будто он вселился в мою голову и читает мысли.

— У-у меня складывается впечатление словно ты сам знаешь ответ на это вопрос.

Айзек стал гладить тыльную сторону моей руки кругами.

— Я лишь высказал своё мнение.

Громко, выдохнув, я решила ответить:

— Хорошо. Мне до сих пор снятся кошмары про мою жизнь до детдома.

— Смело. Выбирай какое.

По его глазам было видно, что он хотел задать вопросы, но, к счастью, не стал.

Я на мгновение задумалась и указала на тот, что был у него по правую руку. Это был череп с двумя скрещенными мечами позади него и несколько слов, написанных на незнакомом мне языке.

Айзек улыбнулся и тогда я поняла, что выбрала что-то слишком простое.

— Это из моего времени службы в армии. Меня отправили в Афганистан, и там была одна миссия, которую я никогда не забуду. Мы попали в засаду, устроенную талибами, и нас превосходили численностью и вооружением. Я думал, для нас это конец.

Айзек делает глубокий вдох, прежде чем продолжить свой рассказ.

— Мы были на обычном патрулировании, и вдруг услышали выстрелы из соседней деревни. Мы немедленно отправились на расследование и обнаружили группу вооруженных повстанцев, нападающих на ни в чем не повинных гражданских лиц.

Мы сопротивлялись, но один из моих друзей был ранен и сильно истекал кровью. Мне пришлось отнести его в безопасное место под шквальным огнем. Мне удалось доставить его в безопасное место, но он умер у меня на руках до того, как смогли прибыть медики. Я был опустошен. Я чувствовал, что подвёл его и его семью. Итак, я вытатуировал его имя у себя на руке в качестве напоминания о жертве, которую он принес, и чтобы почтить его память.

Я чувствую недосказанность. Он явно что-то таит в этой истории.

И казалось бы, поделился человек историей, вот только вопрос теперь стало больше, чем ответов.

— Ну, пожалуйстааа...

Я смотрю на него умоляющим выражением лица и надуваю губы как можно сильнее.

Он томно вздыхает и трёт свой лоб, раздумывая.

— Я ещё раз повторяю, Кристал. Я не хочу, чтобы трогала мои волосы.

Горько ахнув, я скрестила руки у груди и отвернулась от него.

— Ну, если хочешь ходить с мочалкой вместо волос то, пожалуйста.

— Как скажешь.

— И вообще ты просто боишься того, как же хорошо будешь выглядеть, если я заплету тебе волосы!

Наступило минутное молчание.

— Чёрт, — Пробубнил он себе под нос. — Один раз, только один раз.

От радости я стала хлопать и вскакивая с дивана, побежала чтобы схватить резинку для волос и расческу.

— Ты не пожалеешь об этом! — Воскликнула я.

— Уже жалею. — Ответил Айзек, надеясь, что я не услышу.

Но я услышала и ударила его расчёской по плечу.

— А теперь сиди смиренно и смотри работу настоящего профессионала!

Он засмеялся.

— Вот что за не благородность, а? Ты знаешь как девочки очередями строились, чтобы я им разные прически делала. И вообще закрой глаза и не открывай пока не скажу!

— Чт-

— Кому сказала, давай!

Ему ничего не оставалось как молча повиноваться.

Его длинные и густые волосы, свободными волнами ниспадающие на плечи. Я стала осторожно расчёсывать его волосы, чувствуя, как мягкие пряди выскользывают у меня из пальцев во время работы. Подумав, что же сделать я решаю заплести одну французскую косу, а потом скрутить её в пучок.

Чтобы этот брутал не жаловался.

Айзек откидывается на спинку дивана с выражением удовлетворения на лице.

— Я беру все слова назад. Это слишком приятно, чтобы не согласиться на это, — бормочет он низким и хрипловатым голосом.

Я краснею от его комплимента и чувствую, как вся горю.

Используя шанс, во время того, как я поправляю его волосы смотря в зеркало, иногда я бросаю взгляд на него. Его точеный подбородок и сильные скулы в сочетании с длинными волосами и татуировками делают его похожим на греческого бога.

Заканчивая, я закрепляю это всё резинкой для волос и люблюсь делом своих рук. Айзек открывает глаза и поворачивается, чтобы посмотреть на меня, на его губах играет мягкая улыбка.

— Спасибо, Кристал. — Его голос наполнен теплотой и признательностью.

— Иии?

Он недовольно цокает.

— Ты была права?

— Другое дело! Всегда пожалуйста. — Я улыбаюсь ему в ответ, чувствуя, как чувство радости наполняет мое сердце.

***

За последнюю неделю все мои раны почти зажили и теперь я могла сама свободно передвигаться. Наши отношения с Айзеком тоже улучшились, я осознала, что он действительно обо мне заботится и перестала отстраняться от него.

Он стал такой важной частью моей жизни, и было странно думать, что всего несколько месяцев назад я даже не знала его. Но теперь мне казалось, что он был моим домом.

Дело было не только в физическом комфорте от пребывания с ним, хотя это определенно было плюсом. Но больше от того, что он заставлял меня чувствовать эмоционально. То, как он всегда проверял меня, убеждаясь, что со мной все в порядке. То, как он слушал меня не просто для того, чтобы ответить, а чтобы попытаться понять. Он был таким добрым и заботливым, и порой это были мелочи, которые, казалось, не имели значение — он приносил мне мои любимые закуски, или держал меня за руку, когда мы гуляли вместе. Как будто он точно знал, что мне нужно, еще до того, как я это могла сама понять.

Так долго я искала свое место в мире, пытаюсь забыть прошлое и начать новую жизнь. И как же иронично, что это сбылось просто другим путём. Может быть, это было суждено так и случиться?

С Айзеком все это, казалось, отошло на второй план.

Да, он был таинственным, и всегда держит дистанцию, когда вопросы касаются его самого, но я решила дать себе возможность на какое-то время забыть на всё и просто наслаждаться жизнью.

Я всегда так боялась остаться одна, не вписаться в общество. Мне хотелось бы частью чего-то большего. Я помню, как с трепетом выбирала большие компании и подавала туда документы... Но сейчас я понимаю, что мной руководил страх не состояться. Нам всегда твердили, что первым делом нам надо найти своё место. Нашёл работу, которая прокармливает тебя? Теперь иди стремительно по карьерной лестнице. Обучился? Этого мало, никогда не забрасывай учёбу. Постоянно совершенствуйся и никогда не соглашайся на меньшее. Токсичная мотивация, привитая нам с детства, привела только к неуверенности к себе. Нас заставили поверить, что, если мы на постоянной основе не будем доказывать свою полноценность — мы никто.

Пришло время избавиться от этих страхов и осознать, что нам не нужно одобрение общества, чтобы быть кем-то. Мы уже являемся кем-то, просто существуя. И я очень благодарна Айзеку, что он помог мне осознать это.

***

Айзек ехал в город раз в три недели, чтобы закупить продуктов, и когда он вошел в гостиную с большой картонной коробкой в руках, меня это удивило.

— Что в коробке? — спросила я с любопытством, разглядывая его.

— Это телевизор! — гордо объявил он, ставя коробку на журнальный столик.

Я была удивлена, зная, что Айзек не был поклонником телевидения.

— Но я думала, ты был против того, чтобы в доме был телевизор? — спросила я, приподняв бровь.

— Да, но кто-то сказал, что любит смотреть фильмы. Что за человеком я буду, если тебе не предоставлю хоть какое-то развлечение?

— Спасибо тебе большое, но тебе правда не стоило. Мне здесь и так не скучно.

— Это середина леса, из самого интересного тут война белок, которые желуди не могут поделить.

Я громко засмеялась.

— Зачем ты так? Я правда ни разу не находила себя скучающей.

— Тебе точно 19? Не 49? Может принести пряжу и нитки принести? Будешь взять?

— Ой можно подумать ты у нас дедушка!

Мы ещё долго дразнили друг друга, пока настраивали телевизор.

Мы решили посмотреть фильм как услышали сильные порывы ветра. Айзек решил принести больше дров, чтобы утеплить помещение.

Когда он закончил, то устроился возле меня на диване. Я заметила, что он потирает шею и выглядит напряжённым.

— Ты в порядке? — спросила я, заметив его дискомфорт.

— Да, это просто чертова боль в шее. На дороге упало дерево, пришлось поднимать. Видимо тогда и перенапрягся. — ответил он, поморщившись, когда повернул голову.

— Давай, я разомну тебе её немного. Это поможет. — предложила я, уже вставая со своего места и направляясь к нему.

— Нет, все в порядке. Оно само пройдет скоро, — запротестовал Айзек, но я видела боль в его глазах.

— Да ладно тебе, Айзек. Я обещаю, что после тебе станет намного лучше, — настаивала я, вставая позади него.

Айзек на мгновение заколебался, но в конце концов сдался:

— Ладно,

Расположившись так, чтобы дотянуться до его шеи и плеч, я потянула его футболку вперед, чтобы она не мешала. Как только мои пальцы коснулись его кожи, я почувствовала напряжение в его мышцах. Я начала с осторожного разминания, медленно продвигаясь вверх по его шее. Его дыхание стало глубже и расслабленное, и я не могла не испытывать чувство гордости от того, что помогла ему почувствовать себя лучше.

Мои мысли стали невольно блуждать.

Мне хотелось опустить руки ниже к его спине.

Пальцами пройти по линии чернила и невидимой линией прочертить дорогу по всем узорам. Скользя к его накаченным мышцам и почувствовать эту твёрдость руками.

Айзек внезапно издал тихий стон, заставив меня замереть.

— У тебя так хорошо получается, — пробормотал он.

— Спасибо, — ответила я, чувствуя, как краснеют мои щеки. — Я рада, что могу помочь.

Глаза Айзека встретились с моими, и на мгновение я подумала, что он собирается поцеловать меня. Но вместо этого он отстранился и встал со своего места.

— Мне, наверное, стоит пойти спать, я понял, что очень устал. А ты можешь смотреть одна, завтра я к тебе присоединюсь, если ты не против. — сказал он, избегая моего взгляда.

Я кивнул, чувствуя разочарование, но в то же время и облегчение.

Так будет лучше.

О чём я вообще думала?

На следующее утро, Айзек предложил мне пойти с ним в лес и прогуляться по частям, немного дальним от его дома. Я решила надеть новое платье, которое он купил мне вчера.

Не похожее ни на что, что я раньше одевала — оно казалась таким легким и воздушным, а цвета были такими яркими, они заставляли меня чувствовать себя живой.

Мое сердце наполнилось радостью, и я по-детски кружилась в этом сарафане. Это могло показаться так глупо, но выросшая в детском доме со строгим дресс-кодом, у меня никогда не было возможности надеть что-нибудь, что хотелось мне самой. Особенно, что-то такое яркое и нежное.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он, его голос был едва громче шепота.

Я так радовалась, что не заметила его появление. Айзек встал, оперившись косяк двери и смотрел на меня с мягкой улыбкой на лице.

Я покраснела и опустила взгляд на свои ноги, почувствовав себя смущенной.

— Спасибо большое тебе за такой подарок.

— Ну что ты? Я не мог позволить себе, чтобы ты ходила в моих мешковатых вещах. Если ты готова, пошли скорее!

Солнце пробивалось сквозь кроны деревьев и отбрасывала пятнистые тени на лесную подстилку. Воздух был свежим и бодрящим, легкий ветерок шелестел листьями. Чувствовалось медленное наступление весны.

— Как же здесь красиво! Я готова теперь здесь всегда гулять.

— Здесь действительно невероятно. — Ответил Айзек, осматривая территорию словно в первый раз.

Мы прогуливались по извилистой тропинки и невольно стали спорить:

— ... когда приходит идея построения своей собственной доктрины, выбора своего собственного пути и жизни на своих собственных условиях, в какой-то момент всегда происходит столкновение с обществом.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, заинтригованная его словами.

Глаза Айзека были глубокими и задумчивыми.

— Ну, когда ты решаешь прожить свою жизнь по-своему, общество не всегда может согласиться с твоим выбором. Они могут судить тебя, критиковать или пытаться унижить. Но, в конце концов, ты должен оставаться верен себе, независимо от того, что думают другие.

Я кивнул в знак согласия, обдумывая свой ответ.

— Да, но... — сказала я, улыбаясь ему. — Но знаешь, что говорят: «Если ты не можешь победить их, присоединяйся к ним».

Будучи довольной своим ответом, я уверенно пошла вперед, за эти недолгие месяцы Айзек научил меня правильному способу рассуждения.

— То есть ты собираешься присоединиться к ним и игнорировать свои желания?

— Вовсе нет, если общество собирается конфликтовать с нами, что бы мы ни делали, почему бы просто не принять это и не извлечь из этого максимум пользы? — Я оказалась стоять впереди него и заблокировала ему дорогу.

Айзек повернулся ко мне с серьезным выражением лица.

— Дело не в том, чтобы просто принять это, Кристал. Речь идет об отстаивании того, во что ты веришь, и бороться за это. Общество может быть деспотичным и ограничивающим, но это не значит, что мы должны просто сдаться и мириться с этим. — Он стоял возле меня и наклонился немного вперед, чтобы сравниться со мной взглядами.

— Я не говорю, что мы должны просто сдаться, — ответила я, мой тон стал более напряженным. — Но иногда проще работать внутри системы и пытаться вносить изменения

изнутри, а не постоянно конфликтовать с ней.

Айзек покачал головой.

— Это просто играет на руку угнетателям. Нам нужно бросить вызов системе, подвергнуть ее сомнению и потребовать перемен. В противном случае ничто и никогда не улучшится. И к тому же не факт, что тебе не захочется оставаться в этой удобной системе.

— Поспешу не согласиться, — сказала я, — Перемены требуют времени. Не всегда легко или даже возможно внести большие, радикальные изменения в одночасье. Иногда лучше делать маленькие шаги и постепенно прогрессировать.

Я снова эта разница в наших размерах. Он такой большой и сильный, как настоящий зверь. Я просто была какой-то миниатюрной возле него. Но почему-то мне начинает это нравиться.

— Я просто не хочу, чтобы ты так просто сдавалась.

— Я и не собираюсь.

— Вот и правильно.

Наши лица находились в миллиметрах от друг друга. Я нервно прикусила губу и повернулась, чтобы пройти дальше.

***

Было полуденное время и решила позвать Айзека выпить чая. Выйдя за ним на улицу, долго его искать не пришлось. Он сидел под ближайшим деревом и вырезал что-то из дерева. Айзек был без рубашки и выглядел так умиротворенно, что я не могла не залипнуть на него. Он был так сосредоточен — его глаза были прикованы к куску дерева в его руке, который он стругал.

Я откашлялась, надеясь привлечь его внимание, но он даже не вздрогнул. Я наблюдала, как он вырезал, сосредоточенно нахмутив брови. Звук резьбы по дереву действовал успокаивающе, и я поймал себя на том, что теряюсь в его ритме.

Я откинулась назад, опираясь на руки, чувствуя тепло солнца на своем лице. Наблюдая за Айзеком, я не могла не почувствовать, как меня саму охватывает это спокойствие. Как будто его сосредоточенность и самоотверженность были заразительны.

Пока он работал, я могла видеть, как двигаются его мышцы под кожей, и я не могла не почувствовать желание, которое стало поднимется во мне. Я хотела прикоснуться к нему, почувствовать его кожу на своей.

Это был один из таких мирных и спокойных моментов, такой редкий в хаосе моей старой жизни.

И я попыталась запечатлеть его, неважно что с нами случится и где я буду находиться, я буду помнить это всегда — ощущение солнца на моей коже, звук резьбы по дереву и то, как выглядел Айзек, полностью погруженный в свою работу.

— Хочешь попробовать? — Будучи в своих мыслях, я даже и не осознала, что он заметил меня и заговорил со мной.

— А? У меня не получится, я же не умею.

— Иди сюда, я покажу.

Я села возле него.

— А что ты делаешь?

— Лук.

Он протянул мне маленький нож и брусок дерева, и накала повторять за ним. Сначала это продвигается медленно, но под его терпеливым руководством я начинаю осваиваться и

мне даже начинает это нравиться. Мы работаем бок о бок, смеемся и шутим, создавая вместе что-то прекрасное.

— Ну, вот и всё, у тебя хорошо получилось.

— А ты покажешь, как им пользоваться?

Он встал напротив меня и стал настраивать стрелу. Глаза Айзека встретились с моими, когда он держал стрелу, направленную в мою сторону. Его взгляд был напряженным, и на мгновение я почувствовала, как мое сердце пропустило удар.

— Почему ты не двигаешься? — Спросил он.

Я не могла отвести взгляд от его пронзительного взгляда и обнаружила, что застыла на месте, не в силах пошевелиться.

— Я знаю, что не выстрелишь в меня.

И хотя я действительно верила в этой, мой голос прозвучал сдавленно.

Внезапно он выпустил стрелу, и я вздрогнула, когда она пролетела мимо меня и с глухим стуком ударилась о дерево. Мое сердце бешено колотилось, когда я посмотрела на него, не зная, что делать.

Глаза Айзека пылают гневом, когда он делает шаг ближе, его рука все еще крепко сжимает лук. — Откуда ты знаешь? — спрашивает он низким и опасным голосом. — Ты едва знаешь меня, Кристал. Ты понятия не имеешь, на что я способен.

Я стою как вкопанная на своем месте, моё сердце бешено колотится от страха и возбуждения.

— Я знаю, ты бы не причинил мне вреда, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. — Я доверяю тебе.

— Это глупо, — рычит он, его лицо всего в нескольких дюймах от моего. — Ты не должна никому доверять. Не в этом мире.

Через что же он прошёл, что такой недоверчивый?

Я чувствую его дыхание на своей коже, и меня невольно тянет к нему. Он опасен, но в тоже время невероятно притягателен.

— Я доверяю тебе, — повторяю я, мой голос едва громче шепота.

Внезапно он наклоняется ближе, его глаза встречаются с моими. — Почему? — снова повторяет он, его губы почти касаются моих. — Почему ты так уверена в этом?

Прежде чем я успеваю ответить, он резко отступает назад и поднимает лук, целясь в дерево позади меня. Без предупреждения он выпускает стрелу, и она со свистом пролетает мимо меня, вонзаясь в ствол в миллиметре от прежнего выстрела.

В этот раз выстрел словно вытащил меня из транса.

Я в шоке отпрыгиваю назад, мое сердце бешено колотится в груди.

— Какого черта, Айзек?! — кричу я, мой гнев и страх смешались воедино.

Он поворачивается ко мне, его глаза сверкают.

Вот почему, — говорит он, его голос срывается от эмоций. — Вот почему ты не можешь мне доверять. Я опасен, Кристал. Я мог бы причинить тебе боль прямо сейчас.

— Но ты этого не сделал, — говорю я, мой собственный голос дрожит. — Ты мог бы, но не сделал этого.

Выражение лица Айзека смягчается, и он делает шаг ближе, его рука тянется, чтобы прикоснуться к моей щеке.

Я никогда не смог бы причинить тебе боль, — говорит он низким и напряженным голосом. — но это не значит, что ты не должна защищаться.

Я с трудом сглотнула, чувствуя, как в горле образовался комок.

Я не могла отвести от него взгляд, хотя здравый смысл кричал мне бежать как можно дальше.

Он просто играл с моими чувствами и мне никогда так сильно не хотелось убежать в свою комнату и зарыдать в подушку.

Жалко, что и собственной подушки у меня и не было.

Наступление весны чувствуется всё ярче. Морозы потихоньку таят, на некогда бесплодных деревьях и кустарниках распускаются нежные бутоны, и комнаты наполняются солнечными лучами всё быстрее.

Становилось словно бодрее. В воздухе ощущался сладкий аромат распустившихся цветов, который ещё и добавлял больше цвета в пейзаж. А ночью можно было находиться на улице допоздна, не боясь замёрзнуть в ледышку.

Айзек разжёл костёр и этим прекрасным весенним вечером, мы сидели вокруг него, попивая горячий шоколад.

— Как ярко мерцают звёзды. — Отметила я, всматриваясь небо.

— Свет в темноте — это-то, что мы все замечаем. Далёкие звёзды в ночной вышине, луч солнца, пробивающийся сквозь облака... Но что насчет обратного? Ты когда-то думала об этом? Как насчет тьмы в свете? — Сказал Айзек, делая глоток из своей кружки.

— Нет, и не думала. — Призналась я, удивлённая этой мыслью.

— Подумай об этом, — продолжил он. — Когда мы находимся на свету, мы склонны игнорировать боль и страдание, которые все ещё существуют вокруг нас. Они же не могут просто испариться? А в темноте они хотя бы не прячутся. Почему же мы продолжаем верить, что свет лучше?

Я на мгновение задумался над его словами.

— Может быть, потому что мы ассоциируем свет с добром, а тьму — со злом? — ответила я.

— Ты думаешь это правильно?

— Не знаю. К чему ты клонишь?

Айзек посмотрел на меня с напряженной серьезностью, его глаза буквально сверлили меня.

И я почувствовала, как дрожь пробежала по моей спине, когда он заговорил:

— Ты подобна свету, — сказал он низким и размеренным голосом. — Такая жизнерадостная и яркая. Ты же, кристалл, прозрачный и блестящий... — Он посмотрел в сторону и усмехнулся. — Но в тебе так много тьмы. Ты думаешь это потому, что чем больше ты сияешь снаружи, тем больше скрываешь внутри?

— Н-нет. Почему ты это говоришь?

— Я вижу это насквозь. Боль, страх, сомнение. Всё это есть, прямо под поверхностью. — Он придвинулся ближе и заговорил шёпотом. — Кристалл, эта тьма... она прогнила у тебя внутри настолько долго ты её держишь и не выпускаешь. Ты можешь попытаться скрыть это ещё долго, но оно там, и оно гноится.

Слова Айзека ударили прямо в самое сердце. Гнев, обида, желание защититься — всё смешалось в одно.

Как он мог сказать мне что-то подобное?

Слезы потекли по моим щекам, и я сердито вытерла их.

— Как ты можешь так говорить! Ты меня не знаешь, — выпалила я, и почувствовала, как мой голос дрожал от эмоций.

Айзек не отступал.

— Прости, если я причинил тебе боль, но я просто говорю тебе то, что вижу.

Меня трясло.

Его стойкость и уверенность в словах, пристальный и цепкий взгляд — он словно знал, что говорит.

Будто бы он мог доказать это, если его попросить.

— Мне надо прогуляться. — Сказала я и стала уходить быстрым шагом в лес.

Мне нужно было побыть одной и успокоиться. Его слова играли эхом у меня в голове и я, буквально убегая от своих мыслей забрела в совсем далеко.

Я решила свернуть в надежде найти обратную дорогу. Вскоре мои глаза привыкли к тьме и мне стало легче ориентироваться.

Вот бы фонарь был бы в руках.

Резко какие-то видения нахлынули на меня ошеломляя.

Пейзаж вокруг меня расплывается, когда эта картина полностью заполняет мой разум.

Я бегу, мое сердце бешено колотится в груди, и я чувствую, как холодный воздух обжигает мои легкие. Лес вокруг меня темный и незнакомый, и я не знаю, куда я иду и почему я бегу. Страх, паника, побег. За мной кто-то гонится. Запах горелого. Надо бежать как можно дальше.

Затем в моей голове вспыхивает острая боль, заставляющая меня споткнуться и упасть на землю. Мое дыхание становится прерывистым, когда я пытаюсь успокоиться, но боль слишком сильна.

Боль в коленях. Я вижу кровь вокруг. Перед глазами белый свет.

Но чем больше я пытаюсь отогнать воспоминания, тем более яркими они становятся.

Я слышу звук собственных шагов, резкий горловой крик и чувство безнадежности.

Внезапно на меня накатила волна головокружения, и мне становиться плохо от тошнотворного запаха гари.

Это было так, словно я перенесся обратно в тот момент, и меня наполнило чувство ужаса и паники. Я не знала, что со мной случилось и почему я убегала, но страх был непреодолимым. Я упала на колени, хватая ртом воздух, когда воспоминания стали медленно отходить, оставив меня потрясенной и дезориентированной.

Я пытаюсь стряхнуть это с себя, но боль в голове становится все сильнее с каждым мгновением.

Было ли это просто видение, или это было воспоминание о том дне, когда Айзек нашел меня?

Я останавливаюсь у ближайшего дерева, пытаюсь прийти в себя и успокоить свои бешено скачущие мысли. В лесу зловеще тихо, как будто сами деревья затаили дыхание в ожидании. Я кашляю и чувствую вкус крови, когда я пытаюсь успокоиться, напоминая себе, что теперь я в безопасности.

Я не сразу слышу крики, а как только пытаюсь прислушаться в глаза бьёт сильный белый свет.

— Вот ты где! — Кричит Айзек и бежит мне помочь.

***

Айзек наклонился и вытащил апельсин из корзины с фруктами.

— Нет, не добавляй это, — сказал он, хмуро глядя на меня. — Из-за них салат получится мокрым и отвратительным.

Я усмехнулась.

— Как можно без него? Цитрус — лучшее дополнение к любому фруктовому салату. Он

усиливает вкус других сладких фруктов.

Брови Айзека нахмурились в знак несогласия, и он покачал головой.

— Ага, если хоть какой-то вкус остаётся после него.

Я не могла удержаться от смеха над его упрямством.

— Ладно, ладно, поняла. Никаких апельсинов во фруктовом салате, — сказала я, игриво подтолкнув его локтем.

Мы продолжали нарезать и перемешивать фрукты.

Айзек всегда был таким сосредоточенным и серьезным, но в такие моменты, как этот, он терял бдительность, и я могла видеть его мягкую сторону.

Когда мы сели наслаждаться нашим творением, я не смогла удержаться, чтобы ещё немного не подразнить его.

— Знаешь, Айзек, — сказала я, беря ломтик арбуза. — В этом фруктовом салате чего-то не хватает.

— О да? И что же это? — ответил он с ухмылкой на губах.

Я ухмыляясь ответила:

— Апельсинов.

Айзек закатил глаза, но я заметила намек на улыбку на его лице.

Я набрала в ложку кусочек яблока и апельсина.

— Давай, просто попробуй, — настаивала я, вертя ложкой перед ним.

Айзек вздохнул, прежде чем смягчиться и открыть рот для укуса. Протянув ложку ближе, я не намеренно коснувшись пальцами его губ. От этого прикосновения меня бросило в жар, и я покраснела. И пока он жевал, я позволила своему взгляду блуждать по его красивым чертам, пытаясь понять его реакцию.

— Апельсины действительно придают приятный привкус, но всё равно лучше без него. — сказал он.

Я шуточно закатила глаза.

Доев, мы с Айзеком устроились на диване, переключая каналы в поисках чего-нибудь интересного. В конце концов мы остановились на романтической комедии, и Айзек тут же застонал.

— Правда, Кристал? Ты же знаешь, я ненавижу подобные фильмы, — Сказал он с саркастической улыбкой.

Я закатила глаза.

— Да ладно, Айзек, не делай вид, что ты их втайне не любишь. Держу пари, ты плакал во время Дневник Памяти.

Он рассмеялся.

— Я пользуюсь пятой поправкой. Но ты должна признать, что эти фильмы очень уж нереалистичны. Они внушают людям ложные ожидания относительно любви.

Я пожал плечами.

— Может быть, но на них всё равно интересно смотреть. Кроме того, мне нравится думать, что однажды у меня будет такая же история любви, как эта.

Айзек покачал головой.

С тобой.

Стоп.

Неужели я влюбилась в него?

Айзек был такой красивый и мужественный. От его низкого и властного голоса по телу

бегут мурашки. Каждый раз, когда он смотрит на меня, у меня ощущение, что я будто таю. И я не могу перестать думать о нем. Интересно, на что было бы похоже поцеловать его?

Я поворачиваюсь обратно и продолжаю смотреть фильм.

Когда фильм заканчивается, я спрашиваю:

— Ну как тебе?

— Не очень...

— О, да ладно тебе. Признай это. Тебе это немного понравилось.

Айзек усмехнулся.

— Ладно, хорошо. Может быть, чуть-чуть. Но никому не говори об этом.

Я улыбнулась.

— Твой секрет со мной в безопасности.

Айзек откинулся на спинку дивана и удовлетворенно вздохнул.

— Знаешь, я мог бы к этому привыкнуть. Просто расслабляться и смотреть с тобой телевизор.

— Я тоже. Нам следует делать это почаще.

Айзек кивнул в знак согласия.

— Определенно. Но в следующий раз выбираю я.

Я рассмеялась.

— Конечно, конечно.

Пока мы смеялись на телевизоре начались новости. Сказали, что какой-то знаменитый актер недавно умер от рака.

— Ужас. Как будто мы все просто взрываемся от бомбы замедленного действия. — Прокомментировала я.

Айзек кивнул.

— Это ужасно, да, но я верю, что всё происходит по причине. Даже такие болезни, как рак, существуют как необходимость для человека испытать свободу воли. Нам нужны болезни, чтобы напоминать нам о нашей смертности и заставлять ценить время, которое у нас есть на этой земле

— Я не понимаю, как ты можешь говорить, что рак необходим для свободы воли?

Айзек глубоко вздохнул, прежде чем ответить.

— Ну, подумай об этом с другой стороны, — начал он. — Если бы всем нам было гарантировано, что мы будем жить здоровой жизнью, свободной от болезней, нам не пришлось бы делать выбор в отношении нашего здоровья. Нам не пришлось бы заниматься спортом или хорошо питаться, потому что отказ от этого не повлек бы за собой никаких последствий.

— Но это не делает рак необходимым, — возразила я. — Существует множество других заболеваний, которые могли бы существовать, не причиняя таких страданий, как рак.

— Это правда, но рак — всего лишь один из примеров. В жизни есть много болезненных вещей, но нам нужно испытать эту боль, чтобы по-настоящему ценить хорошее. Это как в поговорке: «нет радуги без небольшого дождя».

— Я просто никак не могу согласиться с тем, что рак необходим для свободы воли. Должен же быть способ лучше.

— Кристал, подумай об этом. Если бы мы жили в мире без болезней, чтобы мотивировало нас искать лекарства и решения? Что могло бы подтолкнуть нас к улучшению самих себя и нашего понимания мира? Именно перед лицом невзгод мы обретаем силу и

жизнестойкость. Рак может быть ужасной вещью, но он служит определенной цели. Это напоминает нам о хрупкости жизни и о том, как важно ценить каждое мгновение, которое у нас есть. Без этого мы были бы потерянными, самодовольными и застойными.

Я глубоко вздохнула.

— Ну почему тебе всегда есть что сказать?

Он засмеялся и притянув меня к себе, поцеловал в макушку.

***

Айзек предложил мне пойти на горную часть леса. Поэтому, когда наступила солнечная погода, мы собрались и отправились на путешествие.

Я была в восторге от окружающей нас красоты. Деревья были высокими и пышными, а воздух свежим и освежающим. Журчание близлежащего ручья добавляло безмятежности моменту.

Айзек шел впереди меня, также как и я, разглядывая окрестность.

По мере того, как мы поднимались выше, вид становился все более захватывающим. Я чувствовала себя так, словно нахожусь на вершине мира, окруженный красотой природы.

Но затем моя нога поскользнулась на шатком камне, и я, спотыкаясь, двинулась вперед, протягивая руки, чтобы ухватиться за что-нибудь. Я почувствовала, что падаю, и приготовилась к твердому приземлению, но прежде, чем я успела коснуться земли, сильные руки Айзека подхватили меня.

Он крепко прижал меня к себе, его сердцебиение билось рядом с моим. Когда я раскрыла глаза, то увидела беспокойство, отразившееся на его лице. В при такой близости, его глаза были похожи на глубокий синий океан, приглашающий меня нырнуть и исследовать его глубины. Наши лица разделяли несчитанные миллиметры, и я чувствовала его прерывистое дыхание на своих губах.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я кивнула, чувствуя себя смущенной и полной адреналина. Но Айзек только улыбнулся и убрал прядь волос с моего лица. Его глаза были прикованы к моим губам. Мне кажется, он тоже не смог сдержаться и наклонился, чтобы поцеловать меня. Сначала это был мягкий и нежный поцелуй, но вскоре он стал более интенсивным, и его руки, которые держали меня, стали сжимать меня сильнее, притягивая меня ближе к нему. Наши губы двигались совершенно синхронно, и мне показалось, что время остановилось. У нас обоих перехватило дыхание, и мы пристально смотрели друг другу в глаза. Но Айзек не отпускал меня.

— Ты такая сладкая, Кристал. Я не могу насытиться тобой. — Сказал он, почти шепотом.

Я засмушалась и почувствовала, как по моим щекам разлился румянец.

— Давай продолжим, — сказала я, отстраняясь.

Он протянул мне руку.

Мы ещё долго гуляли, пока не устали и не решили остановиться.

Солнце медленно начинало садиться, заливая пейзаж теплым сиянием. Вдохнув свежий горный воздух, я повернулась к Айзеку, который стоял рядом с ней, тоже любуясь видом.

— Это потрясающе, — сказала я, чувствуя, как по лицу расплывается улыбка.

Он кивнул в знак согласия.

— У природы есть способ напомнить нам, насколько мы на самом деле малы в великой схеме вещей.

Да, — сказала я. — среди такой красоты действительно чувствуешь себя таким

незначительным.

Мы постояли в тишине ещё несколько минут перед тем, как уйти, просто наслаждаясь видом. Это было напоминание о простых вещах в жизни, которые могут приносить столько радости.

— Я такая голодная. Ты тоже?

— Ещё бы.

— Пошли домой тогда.

Как только мы вернулись, я побежала на кухню. Разогревая сковороду на плите, я улыбнулась Айзеку.

— Я собираюсь показать тебе секрет приготовления самого вкусного сыра на гриле, — сказал я.

Он поднял бровь, смотря на меня.

— Я весь во внимании.

Я усмехнулась.

— Дело не только в рецепте, там всё просто, но и в памяти, которая к нему прилагается. Когда я была ребенком, моя мама постоянно готовила мне бутерброды с сыром на гриле. Это была наша маленькая традиция. Она добавляла немного чесночного порошка и паприки в сливочное масло, а затем намазывала это на хлеб. Это было так вкусно.

Айзек прислонился к стойке, наблюдая за тем, как я намазываю хлеб маслом и добавляю сыр.

— Это звучит потрясающе, — сказал он. — и выглядит очень аппетитно.

Я улыбнулась, выкладывая бутерброды на сковородку, масло шипело и таяло

— Что ж, тогда тебя ждёт угощение. Просто подожди, пока ты не попробуешь это на вкус.

Пока мы ждали, пока приготовятся бутерброды, я рассказала Айзеку еще несколько историй о своем детстве. Когда бутербродами были готовы, мы сели за стол и откусили по кусочку.

Глаза Айзека расширились от удивления, когда он попробовал сэндвич.

— Вау, это невероятно, — сказал он. — Твоя мама действительно знала, что делала.

***

После купания, я отнесла все мои полотенца на стирку и пошла просить новые у Айзека. После того как я постучалась, и он не открыл, я решила зайти и самой быстро забрать их. Будучи впервые в его спальню, я поняла, что она отличалась от моей. Стены были покрашены в приглушенный голубой цвет, а кровать была аккуратно застелена белыми простынями. Я заметила стопку полотенец на стуле в углу комнаты и подошла, чтобы взять одно.

Когда я потянулась за полотенцами, то услышала позади себя шорох. Я обернулась и увидела Айзека, стоящего в дверях и смотрящего на меня пристальным взглядом.

— Ты напугал меня, прости что без спросу, мне нужно было только и полотенце, — сказала я, прижимая полотенце к груди.

Айзек ничего не сказал. Он просто шел ко мне, медленно и обдуманно, пока не оказался всего в нескольких шагах от меня. Я чувствовала его дыхание на своей коже, и у меня по спине пробежала дрожь.

Не говоря ни слова, он протянул руку и забрал у меня полотенце, бросив его на пол. Он положил руки мне на талию и притянул меня ближе, прижимаясь своим телом к моему.

— Ничего страшного. Мой дом — твой дом. — прошептал он, его губы коснулись моего уха.

Я почувствовала, как по моему телу пробежал прилив желания, и я больше не могла сопротивляться ему.

Он впивается в мои губы и страстно целует меня. Я запускаю руки ему под рубашку и стаскиваю её через голову. Я чувствую, как колотится его сердце в груди. Он кидает меня на постель, обнимает меня и прижимает к себе, поглаживая мою спину.

— Я больше не могу этого выносить, — шепчет он, когда проводит руками по моим волосам и целует маленькую часть моей груди, которая выглядывает из-под верхней части моей ночной рубашки.

Я полностью теряюсь в этом новом ощущении. Настолько сильно, что я почти не замечаю, как он задирает мою ночную рубашку и обнажает мою грудь. Он снимает с меня ночную рубашку и бросает её на пол рядом со своей рубашкой. Я чувствую тепло его тела рядом со своим обнаженным животом и грудью. Он берет сосок в рот и дразнит его языком. Айзек слегка покусывает зубами мою чувствительную кожу.

Мне чертовски страшно и волнительно.

Мы прижимаемся сильнее, и я чувствую, как его пульсирующий член прижимается ко мне. От чего я начинаю нервничать сильнее.

Айзек взрослый мужчина и я мне стыдно признаваться ему, что я всё ещё девственница.

Желание было слишком сильнее, чтобы терять время на разговоры.

Мои руки блуждают по его мускулистой спине, тянут за пояс брюк и плавно скользят ниже. Он встает на колени и медленно стягивает штаны до конца. Я много раз видела его без рубашки, но никогда полностью обнаженным. Я ловлю себя на том, что испытываю трепет, когда смотрю на него. Его тело выглядит как идеальная скульптура.

Видя, насколько он большой, мои глаза расширяются.

Я сажусь, в то время как он все ещё стоит на коленях между моих ног. Он наклоняется вперед, чтобы поцеловать меня, и я беру его голову в свои руки. Мои пальцы пробегают по его волосам, по заросшей щетиной щекам, вниз по шее, по груди и останавливаются на животе. Мне страшно ласкать его твердый, как камень, член, но я могу быстро преодолеть это чувство и продолжать крепко сжимать его длинными движениями. Она горячая на ощупь и гладкая, как бархат.

Я боюсь быть неловкой и неумелой. Но было странное ощущение лёгкости. Словно я делаю это не впервой.

Мы вместе откидываемся снова на постель. Я пытаюсь быть терпеливой, но чувствую, что подсознательно прижимаюсь бедрами к его бедрам, страстно желая, чтобы он вошёл в меня, не в состоянии больше ждать. Его чувственные, и жадные поцелуи кружат бабочек в моём животе.

Он опускается вниз, облизывания и покусывания спускаются к моему животу. Его руки поднимаются, чтобы обхватить мою грудь. Он сжимает и пощипывает мои соски.

Его действия вскрикивают мою голову. Айзек спускается поцелуями ниже.

Я этого не вынесу. Чёрт.

Внезапно я понимаю, что наступила пауза.

Неужели я сделала что-то не так? Господи, может надо было ему сразу признаться?

Наступает тишина, нарушаемая только нашим тяжелым дыханием. И в то время, когда мне хочется закопаться от стыда, он вводит в меня свой язык, от которого у меня наступает

эйфористический шок. Он лизал нежно и медленно, осторожно проводя по клитору длинными движениями, постепенно увеличивая темп. Я впиваюсь руками в его волосы, не желая его отпускать. Айзек стал нежно пососал клитор и продолжал делать долгие движения языком.

— Чёрт. — Не в состоянии больше держать это в себе, я начинаю стонать, когда подхожу к оргазму.

Он взбирается обратно, в то время как меня все ещё прихожу в себя. Я чувствую свой запах и вкус его губах, когда он целует меня.

Прежде чем успеваю осознать, я нервно выпаливаю:

— Пожалуйста, будь нежен.

Я была уверена, что он будет застигнут врасплох, но вместо этого он смотрит мне в глаза и шепчет:

— Конечно, сладкая. Не волнуйся.

Но как же можно не беспокоиться, когда он, такой большой, собирается входить в меня. Айзек делает это медленно, но устойчиво.

Мое тело напрягается; я крепче сжимаю его плечи, готовясь к тому, что будет дальше. Он замечает, что я напряжена.

Из страха и беспокойства он останавливается.

— Я делаю тебе больно?

— Нет, я в порядке, — отвечаю я тихо.

— Тогда выдохни и расслабься.

С каждым глубоким толчком я чувствую, как начинаю получать больше удовольствия. Я чувствую его дыхание на себе. Он проводит дорожку из поцелуев — мои губы, мочка уха, шея, не оставляя не одну часть без внимания. Я ощущаю тепло и мягкость его губ, которое посылает волны экстаза. Наконец-то я могу полностью расслабиться.

Никакой боли. Удивительно.

Теперь я могу наслаждаться каждым движением, которое наши тела совершают в унисон. Он должно быть тоже это чувствует, ибо его движения становятся быстрее и жестче.

Прежде чем я полностью достигаю своего пика, он хватает меня за бедра, и мы снова становимся совершенно неподвижными, что заставляет меня громко ахнуть.

— Блять, детка, с тобой всегда так хорошо, — говорит он полу стоном.

Он издает удовлетворенный стон, сопровождаемый последним сильным толчком. Мы находимся в полной гармонии с его телом, и я чувствую каждый пульс и движение, взрывающегося внутри меня. Я едва могу сделать вздох, от накатывающего оргазма.

Сейчас я понимаю, как сильно я влюблена в него и как же хорошо мне с ним.

Я так долго переживала по поводу моих чувств, но сейчас я осознала — я хочу быть с ним и никогда не хочу отпускать.

Но не успеваю я открыть и рта как он нежно берет моё лицо в свои ладони. Мы стоим нос к носу, чувствуя дыхание друг друга на своих губах.

— Мне кажешься, я влюбилась. — Признаюсь я, прерывая тишину.

— И я. — Тихо отвечает Айзек.

Мы продолжаем обнимать друг друга, пока наши тела успокаиваются, а мысли бешено бегают от радости. Он ложится на спину, и я прижимаюсь лицом к его шее и вдыхая восхитительный аромат горячего секса и страсти.

***

Когда эйфория случившегося проходит и здравый смысл возвращается ко мне — беспокойство не отпускает меня.

У меня были парни, но до секса это никогда не доходило. Мне всегда казалось это чем-то сакральным. Я всегда мечтала о том, как это будет происходить с моим любимым человеком и невероятно романтично. Идея лишиться девственности в детдоме или на вечеринке, где-то в углу, казалась мне отвратительной.

Но я не была монашкой и не малого знала.

Да, кровь может не пойти в первый раз, но с размером как у Айзека, она может пойти даже если ты далеко не девственница.

Хотя бы можно же ощутить какой-то дискомфорт?

Почему всё прошло так гладко? Почему моё тело словно знало, что делать?

И хотя, наслушавшись разных историй я была рада, что со мной всё прошло так хорошо — меня всё равно это гложет.

Я решила взять его компьютер и посмотреть в интернете. Мне нужно было узнать это, и я была готова открыть интернет-браузер и сразу перейти на поиск, если бы не увидела папку со своим именем. Интерес взял вверх, и я открыла. Мое сердце учащенно забилося, не зная, чего ожидать. Внутри были мои фотографии, сделанные без моего ведома.

Это была смутная и тёмная фотография. Я сижу на заднем сидении его машины, с закрытыми глазами — скорее всего сплю.

Я никогда не ехала с ним на машине.

Открывая информацию о фото, я чувствую, как моё сердце лезет в горло, когда вижу дату.

***

Татуировка, выглядывающая из-под кофты Айзека, меня интересовала уже давно. Это был большой рисунок, который покрывал всю его спину — дизайн был замысловат и полон деталей. Там изображался феникс, восстающий из пепла. Перья феникса были смесью оранжевого, желтого и красного цветов, а его крылья величественно расправлены. Создавалось впечатление, будто феникс стоит на темном дымчатом фоне.

Я провела пальцами по татуировке на спине Айзека, ощущая грубую текстуру чернил под кончиками пальцев. Он вернулся уставшим и лёг на диван. Я сидела на полу возле него.

— Айзек, тату за секрет? — сказала я, поворачиваясь к нему лицом.

— Конечно, что ты хочешь знать? — ответил он.

— Что за история стоит за этим? — спросила я, любопытство взяло верх надо мной.

— В меня стреляли, когда я служил в армии, и это оставило довольно неприятный шрам. Тату, чтобы скрыть это.

— Какой кошмар! Когда это было?

Он сжал губы в линию.

— Около 10 лет назад. И так, каким бы секретом ты бы хотела поделиться?

Было видно, что он не хотел говорить об этом. Я проглотила ком в горле перед тем, как ответить.

— Хочу поделиться чужим секретом.

— Например?

— Твоим.

Айзек поднял брови удивляясь.

— Заинтригован. Рассказывай.

— Мы были знакомы до этого.

Я не могу этого отрицать.

Мне нравится эта новая Кристал.

Она милая и добрая, любит носить платья и заплетает волосы в косы, как лесная нимфа. Она любит проводить со мной время, пытается учиться здешнему стилю жизни и провожает меня, когда я ухожу такими благодарными глазами будто бы я какой-то герой.

И не поймите меня неправильно, я наслаждаюсь её обществом...но иногда я не могу удержаться от тоски по моей Кристал. Той, кто была свирепой и независимой, кто ни не терпел дерьма от меня. Та, кто бросила бы мне вызов и укусила в ответ, когда я этого заслуживал. Она была похожа на дикое животное, неукротимое и непредсказуемое, и именно это делало её неотразимой для меня. Кристал была такой какой я её сделал.

Но теперь она всего лишь тень себя прежней. Она потеряла свою искру, страсть и сущность.

Я скучаю по острым ощущениям наших сражений, по электричеству наших споров.

Но сейчас все, что у меня есть, — это послушное, благодарное создание.

У меня такое чувство, будто я что-то потерял.

Я хотел, чтобы она разозлилась, оттолкнула меня, бросила вызов. Именно тогда она была по-настоящему живой. Это было похоже на наблюдение за диким животным в его стихии, неукротимым и непреклонным. И теперь, с потерей памяти, эта часть её исчезла.

Мне была невыносима мысль о том, чтобы превратить Кристал в послушное существо, которое выполняло бы все мои команды. Это та, кем она была до встречи со мной, а не тем, кем я хотел, чтобы она была.

Блять, я не собирался делать из неё ручного зверка. Кролик должен убегать от волка, сражаться с ним. А не следовать за ним.

Я хотел, чтобы она была самостоятельной личностью, со своими собственными мыслями и мнениями, чтобы она могла постоять за себя. Да, с моей Кристал было трудно обращаться, но, по крайней мере, в ней горел огонь. Она была силой, с которой приходилось считаться, и я восхищался этим в ней. Я просто хотел, чтобы она была верна себе, даже если для этого иногда приходилось сталкиваться со мной лбами.

С новой Кристал пришли новые проблемы.

Я всегда замечал любопытство в её глазах, когда она смотрела на меня, гадая, какие секреты я храню. Она задавала мне вопросы о моём прошлом, о том, как я служил в армии, или о том, что я делаю.

Иногда её вопросы граничили с подозрением, расспрашивая меня о каждой мелочи. Но сложнее всего было когда Кристал просилась поехать со мной в город, спрашивала, что же я храню в гараже, и хотела узнать, что случилось на первом этаже.

Сначала я не придавал этому особого значения. Я был рад, что она была рядом, и охотно отвечал на её вопросы, всегда имея наготове правдоподобное объяснение. Было легко извернуться, особенно когда она сама не помнила некоторые вещи как номер своей подружки или где конкретно она сошла, когда приезжала из Сан Диего.

Мне нравился этот адреналин.

Но время шло, и вероятно, подсознательно она чувствовала, что в происходящем есть несостыковки.

Я, конечно, сохранял хладнокровие. У меня на всё был ответ, и я всегда старался, чтобы мои истории были правдивы. Но в глубине души, я не мог отделаться от ощущения, что она совсем скоро подберётся близко к правде.

***

Чёрт.

На ней не было лица. Я видел, как медленно её глаза расширились от шока и как учащалось дыхание, но не мог проронить и слова.

— Я так и знала! — закричала она, и её голос эхом разнесся по комнате.

Я потянулся, чтобы коснуться её руки, попытаться успокоить, но она отпрянула от меня.

— Послушай-

— Не прикасайся ко мне! — закричала она, пятясь от меня. — Ты мне врал всё это время! Как ты мог?

Я знал, что должен объясниться, рассказать ей все. Но слова застряли у меня в горле, и я не мог найти правильного способа рассказать всё.

Она покачала головой и побежала на кухню. Я последовал за ней.

— Кристал, пожалуйста, — взмолился я, делая шаг ближе к ней. — Позволь мне объяснить.

Но она просто повернулась ко мне спиной, её плечи напряглись. Было ощущение, что единственное, что её держит это стол на который она опиралась.

Кристал резко схватила нож возле себя и закричала, чтобы я не подходил ближе.

— Послушай меня, — сказал я, но она оборвала меня.

Её взгляд был полон гнева и предательства.

— Не подходи ко мне! — закричала она.

Её руки дрожали, когда она размахивала ножом.

— Кто ты на самом деле? — Я слышал боль в её голосе. И это разрывало меня на кусочки.

— Я Айзек, я живу в лесу больше пяти лет и это мой дом.

Мой говор был лишь возможностью отвлечь её. Я сделал резкое движение в её сторону, и перехватил нож с неё рук. Она закричала от страха, зажмурив глаза.

— Посмотри на меня! — Зарычал я и направил нож на себя.

Без колебаний я вонзил острие в свою щёку, ощущая, как кровь струйкой стекает по моему лицу. Глаза Кристал расширились от ужаса. Но я не мог остановиться. Боль была невыносимой, и я хотел, чтобы она знала, как далеко я готов зайти. Поэтому я сделал ещё один глубокий порез ниже предыдущего.

Я чувствовал её страх и нерешительность, смотря как она застыла на месте. Прилив адреналина, пульсирующего в моих венах, только усилил мой трепет, когда кровь стала медленно просачиваться наружу.

— Что ты делаешь?! — Кристал вскрикнула в панике.

Я не мог удержаться от удовлетворенной ухмылки.

— Моя дорогая, ты угрожала мне этим ножом. Разве ты не хотела причинить мне боль? Ну, вот я и здесь. Давай, Кристал. Сделай это. Сделай мне больно. — Я направил кровавый нож на неё.

Она испугано уставилась на меня, сжимая руки вместе.

— Я... я не этого хотела. П-просто

— Просто что? у тебя в руке был нож? Был! И ты махала им в мою сторону, — спокойно

ответил я. — Ну и что с того, что ты этого не хотела? Намерения не имеют значения. Действия делают.

Кристал пыталась в голове обработать происходящее вокруг.

— Ты видишь, до чего ты меня довела? — говорил я, наслаждаясь страхом в ее глазах. — Ты угрожала мне этим ножом, а теперь посмотри, что ты заставила меня сделать.

Она побледнела, пытаясь найти слова для ответа. Её рот был слегка приоткрыт, губы еле заметно дрожали, она пыталась заговорить, но в шоковом состоянии не могла проронить и слова.

— Ты не можешь просто так ходить и угрожать людям ножом, Кристал. — Я опустил нож, тем временем кровь уже начала течь с моего подбородка вниз, пачкая мою одежду. — Это неправильно.

Красная жидкость уже капала на пол.

Её глаза были прикованы к крови, тому как медленно она продолжает свой путь по всей поверхности, которую встречает. В воздухе повисло напряжение.

Кристал потеряла контроль над собой и чуть не упала. Я потянул её за руку и прижал к стене. Она опиралась об меня, крепко держась за мои плечи. Наши тела были так близко, что мы могли ощутить дыхание друг друга на себе. Сердце Кристал колотилось так сильно, что мне показалось, что оно вот-вот выскочит у нее из груди.

— Что за безумие? — Прошептала она про себя, но расстояние между нами позволило мне это услышать.

Я наклонился и прошептал ей на ухо:

— Ты думаешь, это безумие? Ты понятия не имеешь, что такое безумие, моя дорогая.

Когда я наклонился, чтобы поцеловать её, она внезапно повернула голову, не желая отвечать мне. Я впилась в её губ несмотря на отпор, и она зубами вонзилась в мою нижнюю губу. Я издал низкий рык боли и слегка отстранился, чувствуя металлической вкус этой теплой жидкости.

— Что, черт возьми, это было? — потребовала я, горя гневом и возбуждением.

Неужели у нашего тигрёнка выросли клыки?

Очень хорошо.

Злая ухмылка заиграла на моих губах, осматривая её сверху вниз.

Моё желание подпитывалось лишь сильнее.

— Знаешь что, Кристал? Это так чертовски заводит меня, — сказала я низким, хрипловатым голосом.

Я видел этот огонь в её глазах, смесь страха и желания, когда она пыталась отстраниться от меня. Но я не отпускал Кристал. Вместо этого я схватился за её талию и притянул ближе к себе лишь сильнее, заставляя её ахать от неожиданности.

Кристал с силой наступила на мою ногу и попыталась убежать.

Хорошая попытка. Жаль, не получилось.

— Хватит! Перестань трогать меня! — зарычала она.

Да, детка, да. Пусть страх питает тебя. Бери и потребляй всё, что в тебе есть как источник энергии.

Своими такими мелкими по сравнению со мной, кулаками, она била меня в грудь.

— О, не волнуйся, — сказал я, делая шаг к ней и расправляясь, чтобы ей было удобнее. — Я не трону тебя... если ты этого не захочешь.

— Ниогдай!

Последовал ряд оскорблений в мою сторону вместе с ударами.

Вскоре она устала и запыхтела, тогда мне всё это надоело и я в одну руку схватил её оба запястья.

— Что ты знаешь? — потребовала я.

Ответа не последовало.

— Хорошо...

Я сжал её руки лишь сильнее.

— Отпусти меня!

— Ответишь — отпущу.

Она заколебалась, прежде чем ответить.

— Я видела фотографию, на которой я сплю в твоей машине.

— И это всё? — спросил я. — Ты лжешь мне. Скажи мне правду.

— Клянусь, это всё, что я видела. Отпусти, мне больно!

Я отпустил её запястья и вместо этого взяв её за предплечье, притянул к себе. Мои губы оказались в миллиметровой близости к её уху.

— Ты играешь с огнем, — прошипел я. — И ты понятия не имеешь, как это горячо обжигает.

Отпустив её, мгновение я изучал её лицо, ища хоть какой-нибудь намек на обман.

Её брови нахмурились, а губы задрожали. Слезы текли по щекам, оставляя блестящие дорожки на коже. Она вцепилась в свои волосы, в отчаянии дергая их за пряди. Тело Кристал сотрясалось от рыданий, а грудь вздымалась при каждом неровном вдохе. Несмотря на своё состояние истерики, она хорошо держалась, прикусив нижнюю губу, чтобы подавить рыдания, которые грозили вырваться наружу.

С глубоким вздохом я отступил назад.

— Я верю тебе, — сказала я.

Кристал стояла, не сводя с меня глаз. Напряжение в воздухе было густым и осязаемым.

Я наблюдал, как она рухнула на пол и сотряслась животным рыданием. Часть меня хотела подойти к ней, обнять и успокоить, но другая часть меня знала, что я не могу.

Ещё нет.

Мне лишь оставалось стоять на месте и наблюдать за её хрупкой фигуры.

Прошло, казалось, целую вечность, прежде чем рыдания Кристал начали стихать. Она посмотрела на меня снизу сквозь темные пряди волос, спадающие на её лицо. Её глаза были красными и опухшими, и я мог видеть в них боль и замешательство.

— Почему? — прошептала она едва слышным голосом.

Я глубоко вздохнул, налил себя виски.

— Почему что?

Сделав большой глоток, я приблизился к ней, опустившись на колени так, чтобы мы были глаза в глаза.

Она молча наблюдала за мной.

— Почему ты так поступил со мной? — повторила Кристал.

Я посмотрел на нее с удивлением, издав низкий смешок.

— Ты даже не знаешь, что я сделал, — ответил я самодовольным тоном.

Я протянул ей стакан, и на моё удивление, она без лишних слов сделала глоток, допив напиток одним глотком.

— Может, я и не знаю, что ты сделал, но я знаю, что это было что-то ужасное. Что-то,

что разрывает меня на части внутри, — процедила она, крепко сжав стакан в руках.

Я наклонился к ней поближе.

— Ужасное? Возможно это было необходимо, — прошептал я, мое дыхание обжигало ее кожу.

Я выпрямился, сделав шаг назад, чтобы понаблюдать за ней.

Она сидела, поджавши свои ноги к себе.

— Ты... Ты изнасиловал меня?

— С чего ты решила?

Кристал заплакала с новой силой.

— Я не с кем до тебя не спала... — она остановилась.

Было видно, как не удобно ей было об этом говорить.

— И?

— Всё было слишком легко... словно не в первый раз. Ты трогал меня как будто уже знал, как и сказал, что «с тобой всегда хорошо». — Кристал шмыгнула носом и ногами впиалась в свою голову. — Ты меня изнасиловал пока я была без сознания?

— Ты думаешь, я сделал бы это пока ты была без сознания?

Взяв салфетку, я отнёс её к ней.

— Я уже ничего не знаю.

— Поверь мне, детка, ты была в сознании и очень даже охотно. Я пойму, если тебе надо создать ложное воспоминание, чтобы справиться с реальностью твоей ситуации.

— Но я не помн-

— Потому, что это был один из моментов, которых ты забыла. Совсем не за долго до того, как ты упала и потеряла память.

— С меня довольно! Просто расскажи правду.

— Хорошо. Я встретил тебя в магазине, предложил довезти и украл.

Она горько усмехнулась.

— Это шутка какая-то, да?

— Я похож на шутника?

Она недоверчиво покачала головой.

— Ты не можешь вот так просто похитить другого человека!

Я пожал плечами.

— Как видишь, очень даже могу.

Она встала и поправила своё платье.

Блять, она выглядела слишком хорошо в этом платье.

Я был продолжал пялиться на её упругую грудь, виднеющуюся из-под глубокого выреза платья, но меня отвлек её комментарий:

— Ты больной, — в её голосе слышалось отвращение.

Я усмехнулся, звук получился низким и зловещим.

— Мы все в какой-то степени больны, Кристал. Вопрос лишь в том, признаем мы это или нет. Общество говорит нам, что нормально, а что нет, что приемлемо, а что табуировано. Но иногда то, что общество считает болезненным, является просто еще одной гранью человеческой натуры.

— И что ты предлагаешь? Давайте идти на улицы и красть людей!

— Я не предлагал никого похищать, — ответил я ровным тоном. — Всего лишь действовал в соответствии со своими собственными желаниями, к чему общество часто

относится неодобрительно.

— Это чушь собачья, Айзек, — выплюнула она в ответ. — Ты не можешь просто делать всё, что захочешь, не думая о последствиях. У общества есть правила и законы не просто так. Против таких как ты.

— А кто такие люди, как я, Кристал? Те, кто не соответствует нормам общества?

Она усмехнулась.

— Нет, те, кто думает, что они выше закона. Те, кто причиняют боль невинным людям, потому что думают, что имеют право делать всё, что захотят. Ты не какой-нибудь антигерой, Айзек. Ты преступник.

Я откинулась назад, скрестив руки на груди.

— Правила и законы? Ты действительно думаешь, что они — решение проблемы? Оглянись вокруг, Кристал. Видите ли вы справедливое общество? Люди все ещё страдают и умирают. Разница лишь в том, что сейчас они делают это под видом законности. И знаешь.

Кристал покачала головой.

— Ты просто пытаешься оправдать свои действия, Айзек. Похищать людей и причинять им боль — это всегда неправильно. Не имеет значения, что говорит общество.

— Иногда единственный способ по-настоящему понять природу власти — это взять её на себя. Поэтому мне нужен был человек, который будет открыть к правде.

— И ты думаешь, что нашел во мне этого человека?

Я откинулся назад.

— Может быть. Это только время покажет.

— Ещё чего, я собираюсь выбраться отсюда как можно скорей!

Я преградил ей дорогу и ухмыльнулся.

— Я бы хотел на это посмотреть, — ответил я, прежде чем отпустить её и посмотреть, как она выбегает из комнаты.

— Я был о тебе лучшего мнения! — Крикнул я ей в след, опираясь на косяк комнаты.

— Ты ничего обо мне не знаешь! Ты не знаешь, через что мне пришлось пройти и на что я способна.

— И все же, ты стоишь в моём доме, пьёшь мой алкоголь и просишь моего внимания, — ответил я, поддразнивая её.

Её лицо исказилось от ярости, и она бросилась на меня и собиралась ударить меня по лицу. Я легко увернулся от её атак, схватив её за запястья и заломив руки за спину.

— Ну-ну, не нужно проявлять жестокость, мой драгоценный камень. Мне нравятся женщины с огнём, но тебе нужно научиться контролировать это, — сказал я, прижимаясь к ней всем телом и вдыхая аромат её волос. — Предлагаю отпустить его в спальне.

— Пошёл ты к чёрту!

Она сопротивлялась, но я крепко удерживал её на месте, наслаждаясь ощущением силы и контроля.

Она чертовски сильно возбуждала меня. Готов поспорить, она чувствовала мой стояк в таком близком расстоянии.

— Я вернулся от него за тобой, сладкая.

Кристал попыталась вырваться, но моя хватка оставалась твердой и непреклонной.

— Отпусти меня, — прошипела она.

— Ты можешь сопротивляться сколько угодно, но правды это не изменит, — сказал я, наклоняясь к ней ближе. — Я нужен тебе, и ты нужна мне.

Она закричала на меня:

— Мне никто не нужен, чтобы выжить. Я вполне способна позаботиться о себе сама, — выплюнула она.

Я усмехнулся её словам, мое веселье росло с каждой секундой.

— Ты даже не знаешь, кто ты и что хочешь делать. Тебе промыли мозги. И ты сама прекрасно это понимаешь, — сказала я, мой голос сочился снисходительностью.

— Мне не промывали мозги, — прошипела она, пытаюсь вырваться из моих объятий. — Это ты заблуждаешься. Ты думаешь, что можешь контролировать всё и вся вокруг себя.

Я крепче сжал её.

— И что в этом плохого? — сказала я с лукавым блеском в глазах. — Мир — грязное место, Кристал. Иногда приходится пачкать руки, чтобы выжить.

В неожиданности для неё, я отпустил её, из-за чего она упала.

— Иди надень куртку.

— Что?

— Надень это, — прорычал я, бросая ей свою кожаную куртку.

— Почему? — спросила она, на ее лице отразилось замешательство.

— Просто сделай это, или я сделаю это за тебя, — пригрозила я.

Она неохотно натянула куртку, застегнув её до подбородка. Я грубо схватил её за руку и повел на улицу к своей машине.

— Ты собираешься убить меня? Или будешь бить меня, пока я опять не потеряю память? — спросила она дрожащим от страха голосом.

— Будешь много говорить — сделаю, — рявкнул я, запихивая её на пассажирское сиденье и захлопывая дверцу.

Я сел на водительское сиденье и завел машину.

Несколько минут мы ехали молча, в воздухе витало напряжение. Кристал сидела, скрестив руки на груди, и смотрела в окно с непроницаемым выражением лица.

Боковым зрением, я видел как её глаза нервно метались по сторонам, пока я вел машину. Она несколько раз открывала рот, чтобы заговорить, но каждый раз передумывала и снова закрывала его.

— Куда мы едем? — Тихо спросила она.

— Ты увидишь, — ответила я, не поворачиваясь к ней.

Кристал разочарованно вздохнула, но ничего не сказала.

Мы приехали в ближайший парк возле леса, и я остановился.

Впереди шёл пожилой мужчина. Он сильно горбился, ходил с палкой и разговаривал с собой.

— Видишь того человека?

— Да.

— Хочешь быть как он?

Она посмотрела на старика, а затем снова на меня, на её лице отразилось замешательство.

— Какое он имеет ко мне отношение? — спросила Кристал, все ещё настроенная скептически.

— Это предупреждение, — объяснил я, указывая на старика. — Он — прекрасный пример того, что общество может с нами сделать. Со временем мы все сгибаемся и ломаемся под тяжестью давления оказываемое обществом. Если ты продолжишь работать на других, то

в конце концов станешь таким же, как он — сгорбленным, сломленным, которому нечем похвастаться в своей жизни.

Кристал рассмеялась.

— Это просто смешно. Я не собираюсь сгибаться или ломаться под чьим-либо давлением.

— Сейчас ты так думаешь, но однажды ты поймешь, насколько тяжелым может быть этот груз. Мы все слишком поздно осознаём это.

— И что? Нам всем убежать в лес и прятать там как ты?

Я ухмыльнулся в ответ на её саркастическое замечание, но мой тон оставался серьезным:

— Нет, Кристал. Мы не можем прятаться от общества. Это необходимое зло, структура, которая обеспечивает нам безопасность и порядок.

Я сделал паузу, не сводя глаз со старика, который продолжал делать круги.

— Но это не значит, что мы должны отказаться от нашей индивидуальности и свободы. Мы все ещё можем прокладывать собственные пути и делать свой выбор, несмотря на давление, которое это оказывает на нас.

— Я тебе вот что скажу ты больной.

— Ты можешь называть меня как хочешь, мой драгоценный камень. Но правда в том, что мы не так уж сильно отличаемся. Внутри нас обоих есть тьма, единственная разница в том, что я принимаю ее, в то время как ты отрицаешь это.

Она усмехнулась моим словам.

— Я совсем не такая, как ты. Ты больной, извращенный псих, — спокойно сказала она.

Я улыбнулся ей.

— Ты продолжай говорить себе это, если тебе от этого станет лучше, но в глубине души ты знаешь правду. Мы все способны совершать ужасные поступки, вопрос лишь в том, решим ли мы действовать, повинувшись этим импульсам, или нет.

Кристал покачала головой, все еще отказываясь мне верить.

— Он сошёл с ума просто, — пробормотала она себе под нос.

— Безумие — это просто ярлык, который присваивают тем, кто отказывается соответствовать стандартам общества. Возможно, тебе пора смириться со своим собственным безумием.

Она просто смотрела на меня со смесью страха и замешательства.

— Я больше не могу этого делать. Найдите другую жертву! — выплюнула она дрожащим от эмоций голосом.

— Как ты думаешь, почему я выбрал тебя? — спросила я.

— Я не знаю, — ответила она, ее голос был едва громче шепота.

— Потому что ты запуталась. Внутри тебя есть тьма, которую большинство людей пытаются скрыть. Я увидёл её ещё в тот момент, когда впервые встретил тебя, — сказал я, подходя к ней ближе.

— Это всё. Я не могу больше это терпеть. — Говорит она, качая головой.

Кристал пытается выбраться и открыть дверь.

Я бросаю на нее холодный взгляд, и крепче сжимая руль, начинаю выезжать.

— Ты никуда не пойдешь, — прорычал я низким и угрожающим голосом. — Нет, пока ты не поймешь правду.

Она уставилась на меня, её глаза сверкали гневом.

— Какую правду? Что ты контролирующий, манипулирующий монстр?

Я мрачно усмехнулся.

— О, ты ещё не знаешь какой, — сказал я, снова переводя взгляд на дорогу.

Она попыталась схватиться за руль, но я ударил по тормозам, заставив её дернуться вперед на своем сиденье.

— Прекрати это! — крикнул я, поворачиваясь к ней лицом. — Прекрати бороться со мной! Знай уже своё место!

Кристал уставилась на меня, в ее глазах боролись страх и гнев.

— Какое ещё место?!

— Место, которому ты принадлежишь. Рядом со мной. Ты моя, Кристал.

— Я никому не принадлежу,

— Отлично. Тогда докажи, блять!

Прежде чем она успела что-либо сказать, я схватил её за шею, надавил на точку надавливания и она вырубилась. Это была техника, которой я научился в армии.

Ахуеть, а это реально работает.

Я откинул сидение назад и дал ей спокойно поспать.

Когда мы доехали, я взял её на руки и отнёс домой. Осторожно уложив Кристал на кровать, я накрыл её теплым одеялом.

Выходя из комнаты, я бросил на неё взгляд.

Она была прекрасна даже в бессознательном состоянии.

Это было чувство, которое я полюбил, — власть, которую я имел над ней.

Не когда она была отдать её мне в руки, а когда она боролась за неё.

— Все наши мысли материальны.

Иногда достаточно лишь поверить.~

— Ты жалеешь? — Спросил я.

— Извини?

— Ты жалеешь, что выросла в детском доме?

Её лицо приобрело смешное выражение.

— Впервые слышу такой вопрос? — Она усмехнулась и покачала головой, раздумывая.

— Ты думала, что я начну извиняться и жалеть тебя? Не слишком ли много этого делали в твоей жизни?

— Ты прав. Я ждала именно этого.

Она помотала головой и прошептала:

— Ненавижу.

— Сожаление — странная вещь, — сказал я. — Это все равно что смотреть на прошлое сквозь искаженную линзу. Мы не можем изменить то, что уже произошло, но мы можем извлечь из этого уроки и расти. Вот только стоит нам позволить сожалению поглотить нас, оно становится бременем.

Кристал посмотрела на меня, её глаза были полны понимания.

— Ты прав, — мягко сказала она.

По мере того как мы медленно приближались к оживленному центру города, хаотичный шум сигналящих машин и нетерпеливых водителей заглушал любую надежду на спокойный момент. Однако мое внимание было полностью приковано к Кристал, которая закрыла глаза и удобно устроилась на своём сиденье.

Расслабилась. Отлично.

Мне становилось всё труднее постоянно не бросать украдкой взгляды в её сторону, разглядывая каждую деталь ее лица и позы. То, как она обхватила себя руками, когда задремала — съезжившись и обняв себя, заставило мое сердце сжаться от необъяснимого чувства.

Несмотря на городской шум, она, казалось, нашла спокойный момент в своем сне. И когда я наблюдал, как её грудь поднимается и опускается с каждым вдохом, я понял, как сильно мне нужно защитить её от хаотичного мира, который ожидал ей впереди.

Я медленно перешёл с магистрали к боку дороги и остановил. Взяв свой телефон, я быстро нашёл сообщение, которое отправила Кристал работодателю.

Заблокировав этот эмайл адрес и удалив её сообщение, я за считанные секунды создал эмайл в идентичной точности как у работодателя, за исключением того, что поставил точку между именем и послал от её имени то же самое сообщение. Оставалось только ответить на него:

Дорогая Кристал Мартинез,

К сожалению, мы не сможем вас принять сегодня.

Не могли бы вы подойти в понедельник в три?

С уважением,

Джек Миллер.

Ах, милая Кристал... Как можно было не выйти со своего аккаунта в чужом телефоне?

Зато теперь я знаю её фамилию.

Я вернулся на прежнюю дорогу и стал ехать как и прежде.

Было четыре часа.

Яркие неоновые огни освещали улицы, отбрасывая праздничное сияние на серые окрестности. Атмосфера суеты и какой-то искусственного напряжения наполняла воздух. Несмотря на яркость огней, подспудная темнота скрывалась в тенях. Здания возвышались над нами, и их темные углы скрывали секреты и неведомые опасности. Это был разительный контраст между жизнерадостным фасадом города и мрачной реальностью, которая творилась прямо под поверхностью.

Остановившись на пешеходном переходе, я заметил мелькающие цифры на таксометре.

Comfort starting price 50\$.

Комфорт за пятьдесят долларов и больше.

Действительно ли можно было назначить эту цену? 50 долларов казались небольшой платой за роскошь комфортной поездки, но в то же время это была солидная сумма для тех, кто не мог себе этого позволить.

Конечно, вы можете заплатить за роскошный автомобиль или сиденье с особыми функциями, которые никому не нужны, но настоящий комфорт приходит изнутри. Это происходит от ощущения непринужденности в вашем окружении и в собственной шкуре. И все же, вот мы здесь, нам продают идею о том, что комфорт можно упаковать и доставить за отдельную плату.

Я смотрел в окно на оживленные городские улицы, заполненные людьми, снующими туда-сюда в поисках какого-то утешения или облегчения. Некоторые выглядели счастливыми и беззаботными, в то время как другие выглядели отягощенными жизненными тяготами. Одни находили это в объятиях любимого человека, другие — в хорошей книге или чашке теплого чая. Были и те, кому комфорт по-прежнему оставался недостижимой мечтой, роскошью, на достижение которой они могли только надеяться и те, кто не мог найти его самостоятельно, поэтому и подобные этой компании такси, предлагающие иллюзию комфорта за определенную цену....

Тем временем девушка продолжала так же мирно сопеть, и если бы не машина, которая решила просигналить, Кристал не проснулась бы.

То как она потёрла сонные глаза, буду откровенен, заставило меня удивиться.

— Где мы? — Спросила она хриплым голосом.

— В центре. Минут через тридцать доедем.

— Хорошо.

— Ты не против, если мы заедем на заправку? Мне захотелось пить.

— Да, хорошо.

— Ты хорошо поспала? — Спросил я, и увидел как её щёки загорелись от стыда.

— Д-да.

— Я рад, что ты смогла отдохнуть, но как же можно уснуть в машине незнакомого человека.

Глаза девушки впились в медленно проходящие пейзажи за окном.

— Как-то поздно об этом думать, я уже в машине.

Может Кристал не заметила не как сказала первое на уме, а может действительно так и думала.

Это была правда, было уже слишком поздно думать об этом. Она уже была в машине, и

пути назад теперь не было.

В любом случае — её слова были бальзамом для моих ушей.

И всё же её неумышленные слова заставили меня задуматься. Относилась ли она к тому типу людей, которые идут на риск, не думая о последствиях? Или она просто пыталась оправдать свое решение перед самой собой?

Светофор впереди загорелся красным, и я был вынужден остановиться.

Какую же большую часть нашей жизни мы проводим в ожидании.

Ожидание, когда загорится зеленый свет, ожидание в очереди в продуктовом магазине, ожидание телефонного звонка или текстового сообщения. Как будто время дразнит нас, напоминая, что мы не контролируем ситуацию.

Возможно, дело не вовсе не в контроле.

Возможно, надо воспринимать это по-другому. Научиться ценить каждое мгновение по мере его наступления, воспринимать ожидание как возможность вздохнуть и поразмыслить. Может быть, дело в осознании того, что жизнь — это не гонка к финишу, а путешествие, которым нужно наслаждаться и ценить по её достоинству.

Загорелся зеленый, и мы продолжили свой путь.

Я взглянул на Кристал, которая была тоже погружена в свои мысли и продолжала смотреть в окно.

Может быть, она тоже думала о времени, а может быть, размышляла о новой жизни и планировала свои дальнейшие действия.

А ведь, наверное, у Кристал, были мечты и планы на свое будущее в Нью-Йорке, но теперь она была здесь, со мной, на совершенно другом пути.

В любом случае, я был рад, что она была со мной в машине, разделяя этот момент времени.

Одним своим присутствием она дарила мне покой.

Как же мало мы контролируем свою собственную жизнь.

Как же легко могут измениться наши обстоятельства, как мы можем оказаться втянутыми в события, находящиеся вне нашего контроля. В какой-то момент мы думаем, что у нас есть план, путь, пункт назначения.

А в следующий момент мы мчимся по совершенно другой дороге, не зная, куда она ведет.

Кристал понятия не имела, что её жизнь вот-вот изменится так. Вероятно, она даже представить себе не могла такое.

Эх, Кристал, а ведь теперь ты находишься во власти моих решений, планов и моего добродушия.

Ну это уже потом.

На данный момент всё, что имело значение, — это доставить её в целости и сохранности в мой лесной дом, где я мог бы спрятать и уберечь её подальше от остального мира.

По крайней мере, там у неё будет какое-то подобие контроля над своей жизнью, даже если это всего лишь иллюзия.

4 месяца назад.

Всё было случайно.

Я зашел в магазин возле газозаправочной станции, чтобы купить нужных продуктов. Обычно я приходил сюда раз-два в месяц. Город был расположен далеко от леса и иногда можно было зайти сюда, чтобы не проезжать такую дальнюю дорогу.

Я огляделся отметив новые продукты на полках. Это был небольшой магазин, но в нем было всё, что мне было нужно.

После того как я взял всё зачем и пришёл, можно было идти на кассу, оплатить товары. Вот тогда-то я и увидел её — девушку с длинными блестящими черными волосами. Она была невысокой, и я был выше её на добрых несколько сантиметров.

Я не знаю, что в ней такого было, но меня сразу же потянуло к ней.

Она была одета в простую белую футболку и пару джинсовых шорт, которые облегли её изгибы во всех нужных местах. Её ноги были подтянутыми и стройными, и когда она переминалась с ноги на ногу, я не мог не восхищаться её формами.

Девушка сказала что-то кассирше и засмеялась. Её смех был такой заразительный, что я не заметил как улыбнулся.

Она повернулась и увидела меня. На лицо она была прекрасней, чем я мог подумать. Большие карие глаза — они были глубокого коричневого оттенка с золотыми вкраплениями, которые ярко блестели на свету. В них была теплота и глубина, которых я никогда раньше не видел. Ох уж эти румяные щеки и пухлые губы. Её кожа была гладкой и безупречной, с теплым медовым оттенком, который сиял под флуоресцентными лампами магазина. Но что действительно привлекло моё внимание, так это была её родинка под губой.

Она была как ангел спустившийся с небес.

Моё сердце стало биться чаще.

Мне нужно забрать её. Увести подальше от этого никчемного мира как можно скорее.

Я чувствую, что мы с ней единая душа. Она принадлежит мне.

Было сложно предположить сколько ей лет, но она была сильно юна.

Значит ещё не поздно, я могу спасти ей.

Она была слишком невинна, слишком чиста для этого мира.

Я мог успеть до того, как грязное общество доберётся до неё и сделает узником той превратной жизни, которую они предлагают всем под видом сладкого яблока.

Общество цеплялось за каждого, и вырваться на свободу было трудно.

Но я был готов на всё, что угодно.

— Извините, я кажется задержала очередь. — Этот голос был божественной мелодией для моих ушей.

— Ничего страшного. Я не спешу.

Я улыбнулся ей, заставляя её густо краснеть.

Да, я выглядел опасным и немного неряшливым с длинными волосами, бородой и грудой мышц благодаря жизни в лесу. Но не это ли любят женщины?

Один раз когда я посещал город, чтобы купить фурнитуры для дома. Я зашёл в один дорогой магазин и тогда ко мне подошла женщина и спросила не работаю ли я моделью. Я рассмеялся и покачал головой, но, похоже, она не шутила. Лишь с серьёзным видом

спросила не хотел бы я стать одним из них. На вопрос не являются ли модели идеально выбритыми мужчинами в теле над которыми они постоянно работают, она ответила, что индустрия поменялась и вообще есть разные модели:

" — Женщинам всегда нравился статус мужчины, раньше они выходили замуж за того кто имел лучшее положение в обществе или у кого было большее имущество. В современном мире это не так то актуально. Сейчас мужчина в классическом костюме скорее всего только и выглядит богатым — к тому же теперь они превратились в просто «коллег». Девушки сейчас сами могут обеспечивать себя, им нужен настоящий мужчина, который вернёт их на прежнее место нежной девочки.» — Сказала незнакомка.

Мне было всё равно.

Ведь самое главное, я понравился ей. Это было видно по взгляду и потому как она закинула волосы назад.

Типичный синдром хорошей девочки, которую тянет на запретное.

Я хотел быть тем самым мужчиной для неё, который будет защищать, оберегать и обеспечить её.

Она отошла, и я стал загружать вещи на кассу. Аккуратно повернувшись, чтобы никто не заметил, я увидел как она пошла пешком.

Я не мог ей дать уйти просто так.

Добежав до машины и выбросив пакеты в багажник я как можно быстро поехал.

— Извините! — Я сказал сравниваясь с незнакомкой, и выглядывая из окна.

На третий позыв, она повернулась ко мне и я остановил машину.

— Прости, пожалуйста... Может быть это неправильно, но я случайно заметил, что ты пошла пешком и решил предложить подвезти тебя! — Я невинно улыбнулась.

Её лицо выражало сомнение, и перед тем как она открыла рот, я продолжил:

— Я смею предположить ты не отсюда, а здесь расстояния большие. Ты можешь заблудиться очень легко. Можешь сесть сзади. Ты наверное не сядешь в машину к незнакомцу, меня Айзек зовут, и мои любимые печенья с арахисом продают только в этом магазине. Приятно познакомится.

Девушка казалась стеснительной, но это придавало ей только чарма.

— Спасибо большое, но это далеко.

— У меня есть время.

Она долго думала, но потом ответила.

— До ближайшей остановки, пожалуйста.

— Отлично!

Она села сзади и пристегнулась.

— Меня зовут Кристал.

— Приятно познакомиться. Хочешь позвонить кому-то и сообщить, что ты со мной? Для собственной безопасности. — Спросил я, посмотрев на неё через зеркало заднего сидения.

Она проигнорировала мои слова, даря мне мимолётную улыбку.

Через некоторое время, я сказал:

— А куда ты вообще едешь?

— Верхний Манхэттен.

— Какое совпадение, а я в Мидтаун. Давай я всё же довезу тебя.

— Не стоит так утруждаться, но спасибо большое. — Она ответила улыбаясь.

— Да ладно тебе, какой адрес?

— Одну минутку... — Кристал открыла телефон и стала что-то искать.

— Это место находится в самом центре города, сейчас там пробки. Ты спешишь?

Я открыл баградчэк за резинкой для волос.

Идеально. Бархатная, розовая и пушистая резинка для волос с нарисованными глазками.

— Единственное, что у меня есть. — Сказал я, показывая его ей, а потом собирал волосы в пучок.

Разрядил обстановку, заставил её искренне улыбнуться и показал себя милым. Бинго.

— Немного. Собеседование для приема на работу. — Ответила девушка.

Отлично она стала открываться мне.

— Во сколько оно?

— Через час.

— Хммм, ну доедем мы минимум за час и тридцать минут с этими пробками.

Брюнетка прикусила губу и нахмурила брови.

— Не расстраивайся. Позвони им сейчас или напиши, что ты в пробке. Может они смогут передвинуть немного время? В любом случае ты заработаешь баллы за ответственность.

Она поколебалась перед тем как ответить.

— У меня нет их мобильных контактов и интернета.

— Сказала бы сразу. На, — Я разблокировал свой телефон и дал ей. — сделай, что нужно с моего.

Девушка, не отрывая внимание от экрана стала что-то быстро печатать.

Наши взгляды встретились в зеркале, и в этот раз она улыбнулась мне в ответ.

— Вы так добры со мной, спасибо вам большое. Я даже не знаю как отплатить вам.

— Пустяки. Я сам был молодой и понимаю как сложно начинать.

— Вы не отсюда?

— Можешь перейти на ты, я не такой и старый. Почти. Я стал жить один с восемнадцати. — Ответил я.

— Нет, даже не выглядите...выглядишь. Прости, привычка. — Она сразу занервничала после сказанного.

— А ты откуда? У тебя интересная внешность.

— По крови я из Мексики, на всю жизнь прожила в штатах.

— Хммм, такие красивые волосы, не удивительно. А я по маминой линии норвежец. Правда никогда там не был. А ты когда-то была в Мексике?

— Нет. Я никогда не куда не ехала, хотя очень хотела бы.

— Ну, надеюсь тебе понравится ехать со мной и ты возьмёшь меня с собой.

Чтобы не показаться навязчивым, я добавил:

— Я люблю путешествовать, но не люблю делать это один. Замечала как, когда ты заходишь в ресторан тебя спрашивают на сколько человек тебе нужен стол? Словно одному быть не вариант.

Ей стало не комфортно и она заерзала на месте.

— Я всё это время жила в детском доме, поэтому не часто была в ресторанах.

Блять.

Разговор не складывался и это было ужасно.

Возможно от того, что я отучился общаться с людьми, а возможно из-за того, что

никогда не умел. А может быть эта была нервозность.

Но останавливаться я не собирался.

Сам господь послал мне подарок и положил мне в руки!

Кто я такой, чтобы отказываться.

Идеальный подарок в лице прекрасной девушки.

Она была создана для меня — её взяли с рук родителей и вырастили пока она смогла найти меня.

А теперь пришло время осуществить мою часть.

Я зашёл в магазин как и запланировал, а пока Кристал ушла в уборную, даже успел зайти в аптеку и купить снотворного.

Серое небо лишь угнетало своим угрюмым и унылым видом.

Дождь начал лить сильнее, издавая монотонный постукивающий звук, когда он ударялся о землю и мою машину. Воздух был густым от влажности и загрязнений, запах бензина смешивался с запахом мокрого тротуара, создавая удушающий запах.

Мерцание огней заправочной станции отбрасывало на землю зловещие тени, как будто темнота подкрадывалась, чтобы поглотить последние остатки света. Деревья, видневшиеся вдалеке, выглядели так, словно они дрожали, как будто дождь осыпал их иголками. Звук машин, шлепающих по лужам, добавлял унылый, монотонный гул к унылой сцене.

Я вытащил сигарету, и закурил, дым смешался с влажным воздухом, создавая вокруг меня туманную дымку. Резкий запах табака, казалось, соответствовал настроению города, столь горький и тяжелый.

Курение уже давно не было моей привычкой, но по какой-то причине я всегда предавался этому, когда бывал в городе. Пребывание здесь заставило меня жаждать никотин больше, чем во времена того, как я ещё курил. Возможно, именно стресс, от быстрого темпа городской жизни, к которому я уже не привык, заставили меня искать этого временного облегчения.

Чёрт с этим, воздух здесь всё равно был загрязнённый и токсичный.

Я стал возвращаться к машине и оглядев заправочную станцию, я увидел людей, спешащих к своим машинам, пытаюсь спастись от ливня.

Когда я вернулся в машину, она уже сидела в машине, опустив голову и смотрела на экран телефон.

— Здесь вроде интернет есть. Можешь подключиться.

— Да. — Девушка выглядела напряжённый.

— Что такое? — Я повернулся к ней и показал самое обеспокоенное выражение на лице.

— Моё интервью перенеслось на понедельник. — Она что-то печатала, а потом выключила телефон и положила телефон в карман.

Здесь я почти облажался. Она отправила сообщение работодателю и мой телефон издал звук.

Но она ничего не заметила. Фух.

— Это плохо? — спросил я.

— Мне очень нужна была эта работа. Мне здесь негде жить, поэтому я думала переночевать в отеле и сразу после интервью обратно в Сан Диего. У меня не хватит на ещё одну поездку. Поэтому придётся лишь возвращаться. — Голос девушки стал дрожать и она была готова расплакаться.

— Не расстраивайся, принцесса. У меня брат как раз сдаёт квартиру! Ты можешь заплатить ему в конце месяца, когда получишь первую зарплату. Оставайся в Лос-Анджелесе.

Она шмыгнула носом.

— Правда? Нет, спасибо. Нет, нет, нет. Я не могу принять такое щедрое предложение.

Возможно её разум заподозрил опасность и она засомневалась, но было уже поздно.

Ты на моём крючке, милая.

— Да, да. Он не мог её сдать потому, что она находится в конце города. Но я думаю, что для тебя это лучше, чем ничего.

В голову пришла отличная идея — показать свою старую квартиру. Как раз у меня были фотографии с тех пор времен когда я выставил её на продажу на странице.

— На. Смотри. — Я достал телефон и дал её посмотреть фотографии.

— А почему она на продаже?

— Брат разозлился, сказал, что раз никто не берёт надо продать. Так, что ты его сильно выручишь, если возьмёшь её.

— А за сколько? — Было видно, что ей неудобно.

— Я с ним должен был увидеться сегодня в баре. Если тебе некуда идти, пойдём со мной. Как раз познакомишься с ним, узнаешь про всё сама. Но думаю, цена хорошая будет. Он, чтобы она пустая не оставалась всё сделает. Дом без жильца прогнёт. С этим ещё возиться надо.

Кристал замешкалась перед тем как ответить:

— Последний поезд в одиннадцать.

Какой поезд, малыш? Как будто ты на него вообще сядешь.

— Хорошо, сделаем все до этого. — Ответил я, даря свою самую очаровательную улыбку.

Я повернулся обратно и стал заводить машину.

— Мы с братом договорились встретиться вечером, надеюсь ты не против, если мы приедем раньше и подождём его в баре.

— Хорошо.

Она была всё ещё подавлена случившимся, что является естественной реакцией.

Если ты всё ещё здесь — ты выживший. Наши предки выросли в непредсказуемой окружающей среде, поэтому они научились всему, что может помочь выжить. Переживая травмирующий опыт, вполне логично, что они хотят защитить себя от старых ошибок. А именно пытаюсь предсказать, что произойдет дальше.

Но дикие времена позади, а люди все также не могут отпустить контроль. Да, никто не любит когда его застают врасплох или разочаровывают. Но если ты будешь сосредоточен на деталях, которые уже не изменить и упущенных моментах, которые уже остались позади, ты не увидишь большую картину.

В этом и была проблема Кристал. Постоянно пытаюсь подстроиться под других, ища одобрения от незнакомцев и пытаюсь контролировать всё вокруг можно упустить важные вещи.

Я опять взглянул на Кристал. Та самая безудержная радость и небывалый ажиотаж исчезли из её глаз. Она по прежнему смотрела из окна, но её мысли были вместе со своими проблемами. Я мог увести её хоть сейчас с собой и она бы не заметила.

Ничего страшного, малыш. Я помогу тебе избавиться от внушённых тебе мыслей. Когда ты будешь просыпаться под пение птичек, тебе будет всё равно на голос других людей в твоей голове.

— Значит ты не из Лос-Анджелеса? — Спросил я, чтобы хоть как-то отвлечь её.

— Да. Сюда я только собираюсь переселиться.

— А почему? Если не секрет.

— Я здесь в местном Университете степендию выиграла. Лос-Анджелес был не так далеко от Сан Диего, плюс это предложение меня больше всего устраивало. Да и к тому же тут меня возьмут на работу. А что насчёт тебя?

— Я был главным бухгалтером в компании «Джойфул Дайс». Ушёл потому, что устал от вечной рутины. Всё жизнь отдал офисной работе. А на кого учишься?

— Маркетинг. Учебу начну с весны. Не успела к сентябрю.

— Хороший выбор, прогрессирующая среда. У нас в компании главное место как раз они и занимали.

Мы уже приехали к бару «Margarita's Place», и я стал парковаться.

— Ты когда-то пробовала сухой Мартини?

Кристал невинно улыбнулась.

— Нет. Мне только 18.

— И что? В моё время на это не смотрели. В любом случае, мне кажется тебе пора здесь попробовать какой-то напиток. Не сменить ли нам эту мокрую одежду на сухой мартини?

— Это же из «Майор и малютка»?

— Ты знаешь этот фильм?

— Ещё бы! Пересматривала несколько раз!

— Но это старый черно-белый фильм девеностых?

— Я люблю старые фильмы. Акцент, то как они играют, юмор и атмосфера...

Восхитительно.

— Ты умеешь удивлять, Кристал.

Она лишь смущенно опустила глаза и издала смешок.

Мы зашли внутрь и сели в углу.

— Как тебе место? Здесь бесподобная мексиканская еда. Моё самое любимое место.

— Уютно.

Я спросил, что она хочет поесть, на что она ответила, что не голодна. Поэтому я просто заказал ей того же, что и себе.

— Что будите пить? — Спросил официант.

— Два сухих мартини. Взболтать, но не смешивать. — Сказал я, улыбаясь.

— Водка?

— Конечно.

Наш заказ принесли довольно быстро, пока Кристал удалилась в уборную. Людей было мало, но я всё равно двигался с осторожностью. Я разломал две таблетки и добавил одну часть в напиток и размешал всё тщательно, остальную в рис вместе и смешал.

Нельзя смешивать алкоголь и напитки, это может привести к таким побочным эффектам как сонливость, головокружение, проблемам с памятью, замешательству и дезориентации.

Идеально.

Я кинул взгляд на помещение. Тёмные тоны, кожаная мебель и неоновые знаки, развешанные по всему месту. Дешёвый, но не противный стиль.

— Тебе не стоило заказывать для меня. — Сказала девушка когда вернулась.

— Пустяки. Не хорошо, если я буду один кушать. К тому же мы давно в дороге. Тебе надо поесть.

Мы стали кушать и Кристал поменялась в лице. Она вновь стала улыбчивой и более разговорчивой.

Достаточно покормить человека, чтобы он принял тебя за своего.

Она даже набралась смелости и выпила коктейль.

— Как тебе?

— Необычно! Он соленый, кислый и слегка сладкий в одно и то же время!

Я заказал ещё несколько напитков для неё. Время летело быстро, пока мы кушали и разговаривали, уже было слегка за восемь.

— Мой брат мне написал, что застрял в пробке и ему будет легче, если мы сами приедем к его квартире.

— Мы должны уже ехать?

— Пока нет. Он напишет когда.

Место уже заполнилось людьми, и спокойная музыка сменилась ритмичной.

По тому как Кристал расплывалась, было видно, что снотворное работает.

— Хочешь потанцевать?

Достаточно выбить её из сил и она точно вырубится.

Она согласилась, что было неудивительно с количеством алкоголя и лекарства.

Я взял её за руку и повёл к танцполу. Танцы были не моей сильной стороной, но сейчас это было неважно. Музыка была ритмичной, нужно было всего лишь подтолкнуть Кристал, чтобы она стала сама плясать.

Несмотря на её состояние её тело двигалось в такт песни плавно и красиво. Она извивалась бедрами, вращала руками в воздухе подпрыгивала словно никого другого на в мире не существует.

Скоро так и будет, детка. Твой мир будет состоять из нас обоих, и никто не посмеет помешать нам.

Её тело, казалось, светилось под неоновыми огнями, а лицо излучало сияние, которое невозможно было игнорировать. Время от времени она ловила мой взгляд и улыбалась, как бы приглашая меня присоединиться к её экстатическому танцу.

Я наблюдал за своей находкой и не мог поверить в своё счастье.

Наверное я истратил всё свою удачи за один раз. Но мне было наплевать. Она могла забрать все, что у меня есть, ведь самое главное она уже получила даже не прося об этом.

Наконец когда Кристал устала, я сообщил ей, что мы можем ехать. Она села рядом со мной на переднее сидение.

Я повернулся к ней и спросил, весело ли ей было. Она кивнула с улыбкой. Прядь её волос упала ей на лицо, и я потянулся, чтобы заправить прядь ей за ухо, но заколебался. Она посмотрела на меня, и наши глаза на мгновение встретились, прежде чем я снова перевел взгляд на дорогу.

Внезапно я почувствовал её руку на своем плече и оглянулся на неё. Она наклонилась и прошептала:

— Спасибо тебе за сегодняшний вечер, Айзек. Мне никогда не было так хорошо. — Её теплое дыхание коснулось моего уха, посылая мурашки по спине.

После этого будет только лучше.

— Мне тоже так давно не было так хорошо. — Прошептал я.

Я стал заводить машину.

— Ничего, если я немного посплю? Я так устала. — Проямлила девушка.

— Конечно, спи. Я сообщу когда мы приедем. Кстати твой отель далеко находится?

— Седьмое авеню. Там только один трехзвездочный отель. — Она была такая уставшая,

что сама не заметила как это сказала.

9pm:

Мы возвращаемся обратно.

Кристал спит.

На всякий случай я добавил снотворное в воду, если она проснется и захочет пить.

Единственными звуками в машине были шум дождя и тихое урчание двигателя. Я не мог не чувствовать себя немного неловко, но адреналин в крови ощущался больше.

Я снова взглянул на неё, и моё сердце смягчилось.

Она была прекрасна даже во сне, её длинные ресницы отбрасывали тени на покрасневшие щеки.

Отбросив ненужные мысли в сторону, я сосредоточился на дороге. Поездка обещала быть долгой, и мне нужно было оставаться начеку.

11pm:

Она проснулась. Ей было плохо. Мы остановились возле ближайшей заправки.

Её стошнило, но я ей помог и дал воды с лекарством.

Кристал посмотрела на меня снизу вверх, её глаза были полны слез, а лицо побледнело.

— Мне жаль, — Слабо прошептала она.

— Всё в порядке, — успокоил я ее. — Просто выпусти все это наружу.

Когда она закончила, я помог ей подняться и проводил к раковине, чтобы прополоскать рот.

Зам:

Мы доехали.

Я глубоко вздохнул, глядя на спящую Кристал на заднем сиденье машины. Это был только вопрос времени, когда она проснется и поймет, что что-то не так.

Я должен был признать, что моё сердце бешено стучало от волнения и страха, когда я углублялся в лес. На короткий миг, я почувствовал, что поступаю неправильно, но мои убеждения позволяли мне оправдывать свои действия.

Когда мы подъехали к уединенному домику, я припарковал машину и заглушил двигатель. Кристал пошевелилась на заднем сиденье, медленно просыпаясь.

— Где мы? — спросила она сонным голосом.

— Спи, дорогая. Не беспокойся.

Я протянул руку на заднее сиденье и осторожно убрал волосы с её лица, пытаясь скрыть ухмылку, расплывшуюся по моему лицу.

— Теперь ты свободна.

— Свободна? — повторила она невнятно, на её лице отразилось замешательство. — Что ты имеешь в виду?

Я открыл дверцу машины и помог ей выйти, направляя к салону.

— Ты жила во лжи, Кристал. Мы все такие. Общество кормит нас ложными обещаниями счастья и самореализации, но все это обман. Я освобождаю тебя от гнусного общества.

Она слегка пошатнулась, и я обнял её за талию, чтобы поддержать. Когда мы вошли в дом, я почувствовал, как она напряглась, когда осознание серьезности ситуации стало медленно до неё доходить.

— Айзек, что ты делаешь? — спросила она, и в её голосе послышалась паника.

— Я поомгаю тебе, Кристал.

Я отвел ее в маленькую комнатку в небольшом гараже, где приготовил для неё постель.

— Ты можешь пока отдохнуть здесь, — сказал я, подоткнув ей одеяло. — Я обещаю, ты поблагодаришь меня позже.

Кристал посмотрела на меня, в её глазах были очевидны страх и замешательство. Но от препаратов, который я ей дал, Кристал было не по себе т её разум был затуманен.

— Пожалуйста, Айзек. Отпусти меня. Я никому не скажу, клянусь.

Но я просто улыбнулся и нежно поцеловал её в лоб.

Суточная доза лекарства одна таблетка для взрослого. Она уже выпила две.

Ничего страшного.

Я дал её ещё одну таблетку. Кристал стала давиться и кашлять, пытаясь выплюнуть таблетку изо рта. Я сжал её подбородок в руке и заставил сглотнуть.

— Это для твоего же блага, — мягко сказал я, поглаживая её по спине, пока она делала глоток воды, чтобы запить лекарство.

— Ты скоро поймешь всё сама, мой драгоценный камень, — прошептал я, прежде чем выключить свет и закрыть за собой дверь.

Месяц назад.

Голова сильно раскалывалась. Я моргнула несколько раз, пытаюсь раскрыть глаза, но словно что-то мне мешало, спустя какое-то время стало понятно, что это вокруг меня была пущая темнота. Состояние было просто отвратительное. В горле першило, хотелось пить, а всё тело изнывало от мучительной боли.

Я чувствовала под собой холодную, твердую поверхность, а от затхлого, влажного запаха комнаты у меня по коже бегали мурашки. Я попыталась подняться со своего места, но не могла не пошевелить ни руками, ни ногами. Они были крепко связаны друг с другом, что делало меня абсолютно неподвижной и беспомощной. Я попыталась нащупать поверхность. Похоже, что я была привязана к стулу.

Без паники, без паники, без паники...

Мне нужно было успокоиться, но всё, о чем я могла думать, — это пульсирующая боль в голове и нарастающий страх.

Темнота вокруг меня стала давить на меня сильнее, пугающие картины из самых недр моего воображения сменялись друг за другом перед глазами, и чем больше я пыталась отстраниться и отвлечь себя, тем хуже они становились. Каждый мой вдох казался поверхностным и недостаточным, хоть я и слышала своё учащенное дыхание. Страх перед неизвестностью поглотил меня во всю. Мне казалось, что я задыхаюсь в крошечной тьме помещения.

Моё сознание потихоньку просыпалось, а вместе с ним и тело, которое адски ныло от боли. Мои конечности онемели из-за того, что я была связана столь долгое время. Я не могла пошевелить и пальцем. Кровообращение в конечностях было нарушено, вызывая сильное ощущение покалывания.

Я попытался вспомнить последнее, что запомнила перед тем, как потерять сознание. Поездка на машине с Айзеком, наша беседа, а потом... ничего. Больше я ничего не могла вспомнить. Был ли он замешан в этом? Но он был таким добрым и помогающим, хотя и я бы не стала полностью исключать его. Я даже представить себе не могла, что со мной случилось.

Мой разум перебирал всевозможные варианты, но ни одна из них, казалось, не имела смысла. Я была потеряна, напугана и одинока в этом темном, холодном месте. И с течением времени мой страх становился только сильнее.

Внезапно я оказалась в своей детской спальне, окруженная ярким светом. Я слышала вдалеке душераздирающие крики, оглушительные выстрелы и глухой звук тяжелых шагов.

Смятение, растерянность, боязнь — всё смешалось воедино. Я хотела убежать и закричать, но моё тело оцепенело от ужаса.

Воспоминания продолжали нахлынивать, приходя во вспышках света и тьмы. Звук моего собственного сердцебиения заполнил мои уши, заглушая всё остальное. Воспоминание казалось таким реальным, как будто я переживала этот момент заново. Паника и страх, которые я испытывала в детстве, обрушились на меня, усиливая ощущение потерянности и мрак моей нынешней ситуации.

Я не могла отличить, что было реальным, а что просто воспоминанием. Порой четко виднелось происходящее, а иногда это были неясные и мутные фрагменты. Ужас из моего

детства теперь подкрадывались ко мне, угрожая поглотить целиком. Крики становились всё громче, я словно могла ощутить брызги крови на себе. Будто я оказалась в кошмарном сне, от которого не могла проснуться. Я боролась со своими оковами, пыталась освободиться, но это было бесполезно. Веревки впивались в мою кожу лишь сильнее.

Изо всех сил я старалась контролировать своё дыхание, но воздух словно был густым, и вдыхать его было трудно. У меня сдавило грудь, а сердце стучало в ушах. Оказавшись взаперти в своём собственном теле, я была не в силах избавиться от охватившего меня ужаса.

Темнота делала всё только хуже. Она была живой, добавляла краски и давила на меня со всех сторон, угрожая задушить. Я пыталась кричать и вопить, что есть мочи, но звуки застревали у меня в горле и не хотели выбираться наружу.

Вот так вот я оказалась одна в адском кошмаре, из которого не было выхода.

Это осознание переполнило меня внезапно, и я стала неудержимо плакать и звать на помощь, словно был кто-то мне помочь.

Но не было никого, кто мог бы меня услышать, некому было утешить.

Ни тогда, ни сейчас.

Будучи одна в темноте, пойманная в ловушку своих собственных воспоминаний и текущего кошмара, мне не ведалось сколько ещё это будет продолжаться.

Но в конце концов всё внезапно стало уходить. Крики стихли, и яркость видений перед глазами рассеялась. Я осталась хватать ртом воздух. Лихорадочная дрожь не прекращалась. Желудок скручивало, а во рту ощущался металлический вкус.

Нет, это не было сном. Я всё ещё связана и заперта в этой темноте, не имея ни малейшего представления, что со мной происходит.

Я начала испытывать острую потребность сходить в туалет. Я так долго сдерживалась, но больше не могла этого выносить. Я боролась с желанием как могла, но стала терять силы.

И тут это случилось. Я почувствовала теплое и липкое ощущение между ног. Стыд поглотил меня, заставляя гореть. Я потеряла контроль над собственным телом. Хотя вокруг не было никого, кто мог бы это увидеть, мне никогда не было так противно от самой себя.

Я была одинока, беспомощна и унижена. Всё, что я могла делать, это плакать и молиться, чтобы кто-нибудь, хоть кто-нибудь, пришел и спас меня от этого.

Но истерика давно прошла, осталось лишь опустошение и редкое сопение. Ядовитый запах только усиливал охватившее меня отчаяние. То приходя в сознание, то теряя его, я молилась о выходе, о самой мизерной крупице надежды, за которую можно было бы уцепиться.

Мой мозг начинал играть со мной злые шутки. У меня начались галлюцинации. Воспоминания и мысли смешались, создавая сюрреалистическое и ужасающие вещи. Тени начали приобретать зловещие очертания, и я не могла сказать, были ли они реальными или просто плодом моего воображения. Скорее всего это был знак, что становились невыносимо, и мой разум медленно погружался в бредовое состояние.

После просмотра всех этих детективов об убийствах, я проживала его сама. Я не могла не задаться вопросом, чувствовали ли себя так же все жертвы на тех шоу. Одинокие, напуганные и во власти своих похитителей.

Возможно, это была моя судьба. Моё наказание за то, что я поверила в собственное светлое будущее.

Мое зрение затуманилось, а мысли путались.

Время шло мучительно медленно. И вот я лежу здесь, в своих собственных выделениях,

не в силах пошевелиться, не в состоянии ясно мыслить.

— Господи, за что? — прошептала я.

Мне хотелось верить, что это всего лишь дурной сон, что скоро я проснусь в своей постели целой и невредимой. Но холодная, суровая реальность ситуации постепенно становилась очевидной.

Я впадала в бессознательное состояние, неуверенная, проснусь ли когда-нибудь снова.

Даже не знаю облегчение это или смертный приговор.

Но сон не был моим спасением, лишь отражением происходящего. Всю ночь или какой бы это не был промежуток времени, меня терзали извращенные кошмары. В какой-то момент я бежала по лесу, убегая от озверевшей лошади, которая гналась за мной. Лицо у животного было человеческое, и исказилось оно озлобленной ухмылкой. В следующее мгновение я падала в бесконечную пустоту раз за разом, больно приземляясь, и с каждым разом меня что-то скидало туда всё с большей силой.

Я просыпалась между кошмарами и пыталась прийти в себя. Но, когда я снова закрыла глаза, ужасы продолжались. С каждым разом они, казалось, становились всё более яркими и реалистичными.

Это был круговорот ужаса и изнеможения, и я не была уверена, сколько ещё смогу это выносить. Мой разум был измотан, и я теряла связь с реальностью.

В один из разов я просыпалась от крика, который, казалось, исходил из глубин моей души.

Каждый раз, открывая глаза, я надеялась снова оказаться в своей постели, забыв это какой очередной кошмар. Но нет, я всё ещё здесь.

Резко я была разбужена звуком шагов, эхом отдававшихся в пустоте. Они медленно становились громче и ближе.

Шаги резко прекратились. Внезапно темноту пронзил ослепительный свет. Я попыталась прикрыть глаза, но мои руки все еще были связаны. Свет приблизился, и как только мои глаза к нему привыкли, я смогла разглядеть силуэт нависший надо мной фигуры.

Это был Айзек, и в руках у него был фонарик.

Я попыталась заговорить, спросить его, чего он от меня хочет, но в горле так пересохло, что с моих губ сорвался только хриплый шепот.

Он приставил палец к своим губам.

Мой разум усиленно работал, пытаюсь осмыслить ситуацию.

Что происходит? Чего он хотел от меня?

Его высокая фигура нависла надо мной, и от его пронзительного взгляда у меня по спине пробежали мурашки.

Он был одет в черную толстовку с капюшоном, и его лицо было частично скрыто тенями. Я могла видеть только острые очертания его скул и блеск глаз.

Айзек был первым, что я видела за долгое время, и поэтому мой мозг пытался впить в себя его изображение как можно большее.

Он положил фонарь на пол и открыл бутылку воды, преподнёс к моим губам.

После того как я выпила всё бутылку почти за раз. Он стал уходить.

— Развяжи меня! Мне больно! — мой голос был такой охрипший, что мне лишь оставалось надеяться, что Айзек меня понял.

Он повернулся ко мне, помотал головой и ушёл.

Вскоре он пришёл ещё раз, в этот раз с подносом еды. В животе у меня заурчало, но я

все еще была зла.

— Нет, пока ты меня не развяжешь!

Он не ответил, просто повернулся и направился к выходу.

Но ощущение голода, усиленное запахом свежей еды, лишь усилилось.

— Подожди! — Крикнула я. — прости, пожалуйста, вернись.

Айзек вернулся ко мне и сел рядом, держа в руках поднос. Я не могла видеть его лица, но чувствовала на себе его взгляд, пока ела. Это было странно: быть накормленным своим похитителем. Я не знала, чувствовать ли мне благодарность или ужас.

Пока я ела, я всё думала, зачем он это делает. Неопределенность всей ситуации заставляла меня чувствовать себя еще более уязвимой.

Но, несмотря на страх, еда была вкусной, и я поймала себя на том, что смакую каждый кусочек.

Поглощая еду, я чувствовала, что темные глаза Айзека устремлены на меня, изучая каждое мое движение.

Я доела последний кусочек и посмотрела на него, ожидая, когда он уберет тарелку. Но он продолжал сидеть возле, не сводя с меня глаз. Я почувствовала, как по моей спине пробежала дрожь.

— Почему ты так поступаешь со мной? — наконец спросила я, нарушая молчание. — Почему ты держишь меня здесь?

Выражение лица Айзека оставалось холодным и непроницаемым. Он не ответил, но повернулся и вышел из комнаты, снова оставив меня одну в темноте.

Не знаю, через сколько он пришёл в следующий раз, но это было довольно быстро. Айзек принёс мне таблетку. Конечно же, на вопрос, что это он не ответил.

Я не хотела пить, но он был сильнее меня. Айзек держал мой рот закрытым до тех пор, пока у меня не осталось другого выбора, кроме как проглотить таблетку.

— Айзек, пожалуйста, мне нужно в ванную... Ты не можешь хотя бы на минутку развязать меня?

Я не могла поверить, что теперь это моя реальность. Никогда в ещё жизни я не чувствовала себя такой беспомощной и напуганной.

Пытаясь сохранять самообладание, пока он развязывал мне ноги, было сложно не быть слишком радостной. Я чувствовала на себе его темные, пристальные глаза, когда, спотыкаясь, пыталась встать. Мои ноги дрожали, ослабев от долгого пребывания связанными. Айзек был рядом, чтобы поддержать меня, его мускулистые руки обхватили меня, удерживая на ногах. Я невольно заметила, каким сильным он выглядел, даже в тусклом свете комнаты. Его тело прижималось к моему, и я чувствовала, как его щетинистая щека касалась моей шеи, посылая мурашки по всему телу.

Моя радость была недолгой. Он не стал развязывать мне руки, лишь указал на контейнер в углу комнаты и бочку воды рядом с ним.

— Пожалуйста, прояви хоть немного милости, — взмолилась я. — Позволь мне сходить в ванную. Я не могу выносить это.

Но он не пошевелился, даже не вздрогнул.

Мои руки все ещё были связаны за спиной, поэтому он должен был помочь. Я просто горела от стыда, когда он сел на корточки и потянулся к пуговице на моих шортах. При мысли о том, что он увидит меня такой, мне захотелось уйти под землю, но у меня не было другого выбора.

Своими сильными руками он одним движением расстегнул мои шорты и стянул их вниз, обнажив мое нижнее белье. Я пыталась отвернуться, но не могла, ведь он стоял слишком близко ко мне. Тепло его тела окутало меня, и я почувствовала его дыхание на своей коже.

Айзек был чертовски привлекательным своими пронзительными голубыми глазами и острыми чертами лицами. Это было сложно не заметить, и из-за этого я чувствовала отвращение к самой себе за тот трепет, который он заставлял меня чувствовать.

Как ты можешь быть таким красивым и таким ужасным изнутри?

Айзек молча стоял в углу комнаты, скрестив руки на груди, пока я пыталась сохранить равновесие на подгибающихся ногах.

— Пожалуйста, отвернись хотя бы, — умоляла я.

Но он оставался невозмутимым, его взгляд был устремлен на меня. Он не сделал ни малейшего движения, чтобы отвернуться или хотя бы дать мне минутку побыть наедине. Я закрыла глаза, чувствуя, как слезы стыда и гнева безудержно текут по моему лицу.

Я слышала его тихое дыхание, недающие забыть о его присутствии.

Господи, когда же это всё кончиться?

Время шло, и моя потребность облегчиться становилась все более острой. Я больше не могла сдерживаться и начала паниковать. Наконец, мне удалось взять себя в руки настолько, чтобы сделать то, что мне было нужно. Айзек вернул меня на место и снова сплёл мои ноги вместе, но в этот раз узел был менее тугой.

Он ушёл, а я осталась чувствовать себя ещё более разбитой и униженной, чем раньше.

***

Прошло как мне показалось два дня. Он приносил мне еду два раза в день, по ней я и определяла и часы.

Айзек, всё также молча кормил и поил меня. Я пыталась заговорить с ним, умоляя его отпустить меня, но он просто смотрел на меня с ничего не выражающим лицом.

Мне казалось, что я схожу с ума. Темнота была удушающей, и единственное, что поддерживало меня, — это надежда, что когда-нибудь, каким-то образом, я буду спасена.

Мне часто снилась моя мама и мои самые счастливые, детские воспоминания.

Ох уж эти славные дни.

Порой я слышу её сладкий смех в своих ушах, сказки, которые она мне рассказывала.

Я чувствую нежные прикосновения её нежных рук и крепкие объятия.

Мамочка.

Моя дорогая Аннабель.

Она была уникальной. Такой яркой, каким может быть солнце, такой сверкающей, какими могут быть звезды на ясном небе.

Иногда я удивлялась, как она может быть такой совершенной без особых усилий. Она просыпалась в 5 утра каждое утро и успевала всё: готовить, убирать и даже читать. Она всегда немного опаздывала потому, что по утрам любила гулять. Но папа никогда не ругался, ведь знал, как она это любит.

Все ждали её прихода. Как дождь в пустыне, всегда необходимый, долгожданный и приносящий чистую радость. Она одаривает всех улыбкой и садится за свой стол.

Как у нас может быть одинаковое количество часов в сутках, если я едва успеваю закончить половину всего, что она делает? И главный вопрос, откуда у неё столько энергии?

Она носит юбки, платья, элегантные кофточки и брюки пастельных расцветок,

облегающие её фигуру во всех нужных местах. Я помню, как восхищалась ею, как представляла, что вырасту и буду как она.

Всегда опрятная и привлекательная. Даже после 2-часовой тренировки, которой она занималась почти каждый день. Даже после вечеринок, на которые родителей часто приглашают, потому что каким может быть веселое светское мероприятие без самой яркой светской бабочки. Её смех делает всех немного счастливее. Он уж точно делал меня счастливей. Если ей придется танцевать, она будет танцевать так, словно это последний день в жизни, покачивая своими пышными бедрами и поднимая манящие руки в воздух. Если ей нужно поговорить, она говорит, привлекая всеобщее внимание к своему остроумию и знаниям.

Когда ты вырастаешь, то понимаешь, что смотрел через призму детской наивности и чистоты. Но мир оказывается темнее, сложнее и менее волшебным, чем мы когда-то думали. Как будто приоткрываться занавесы, и мы можем увидеть всё таким, какое оно есть на самом деле. Я поменяла мнение о многом, но Аннабель Мартинез всегда будет одинаковой для меня.

***

Я сойду здесь с ума.

Единственным звуком в комнате было тихое гудение вентиляционной системы.

Вчера я попробовала заговорить с ним опять:

— Пожалуйста, просто дай мне знать, что происходит. Почему я здесь? Чего ты от меня хочешь?

Тишина.

Изоляция была невыносимой, и я жаждала любой человеческой связи, даже если это было с человеком, который взял меня в плен. Порой тишина сама казалась слишком громкой и мне приходилось говорить сама с собой, пытаюсь сохранить рассудок.

Сегодня Айзек пришёл без рубашки, его рельефные мышцы блестели от пота. Видимо он выходил на пробежку. Его грудь учащённо вздымалась при каждом вдохе, а кожа была разгорячённой и красной. Он был такой мускулистый и мужественный. Я судорожно сглотнула от одной лишь мысли, что он может сделать.

Он подошел ко мне, и я почувствовала, как по моей спине пробежала дрожь. Когда Айзек присел на корточки рядом со мной, я почувствовала его запах. Его глаза впились в мои, и на мгновение я забыла, где нахожусь.

Айзек поднёс бутылку к моим губам, и я жадно выпила, чувствуя, как прохладная жидкость успокаивает мое пересохшее горло. Боковым зрением я видела, как напряглись его бицепсы при каждом движении. Мне было неловко находиться так близко к нему.

Мои руки и ноги все еще были связаны, и веревки впивались в кожу, причиняя невыносимую боль.

— Айзек, пожалуйста, развяжи меня. Это слишком больно. Хотя бы на долю минуты!

Несколько секунд он смотрел на меня своими бесстрастными глазами, не шевеля ни единым мускулом, а потом развернулся и ушёл.

Я чувствовала, как слезы катятся по моим щекам, а боль в моём теле усиливается. Я проклинал его про себя, но, похоже, это на него никак не подействовало.

Я закрыла глаза и попыталась контролировать свое дыхание, пытаюсь успокоиться.

Он вернулся.

Айзек развязал мои руки и какую-то маслянистую жижу налил немного себе на ладони,

потирая их друг о друга. Взяв мои руки в свои, он начал медленно массировать мои руки, прокладывая путь от пальцев к запястьям и вверх по предплечьям.

— Спасибо, — прошептала я.

Его прикосновения были такими нежными и трепетными, несмотря на то, что происходило последние дни. Но в тоже время я не могла отрицать облегчения, которые это мне принесло. Я закрыла глаза и откинув голову назад, издала тихий стон удовлетворения.

Это было слишком хорошо.

В комнате было тихо, если не считать звука его рук, скользящих по моей коже, и моего собственного дыхания. Невольно я стала наблюдать за его руками. Кожа была мозолистой и покрытой шрамами, свидетельствовавшими о тяжелой работе. Несмотря на мой страх и ненависть к нему, я не могла отрицать, что его прикосновения были нежными и успокаивающими.

Вскоре он закончил и, не говоря ни слова, свёл мои руки вместе и завёл обратно мне за спину.

Когда дни превратились в недели, я поняла, что Айзек не собирается разговаривать со мной в ближайшее время. И было не важно просила ли я, умоляла или кричала, чтобы он развязал меня или заговорил со мной или отозвался на какую-либо просьбу: он оставался стойким и молчаливым. Иногда казалось, будто бы он был статуей, холодной и бесчувственной.

Я пыталась скоротать время, считая в уме секунды, минуты и часы, но это только заставляло меня чувствовать себя ещё безнадежной.

Именно тогда мне пришла в голову идея общаться с Айзеком с помощью невербальных сигналов. Я пыталась поймать его взгляд и обзирать закономерности в поведении Айзека. Вскоре мне было легко сказать, когда он был в хорошем или плохом настроении, когда он был усталым или беспокойным, когда он обращал на меня внимание или игнорировал меня.

Несмотря на свой гнев и разочарование, я знала, что должна продолжать играть в игру Айзека, если хочу выжить. Поэтому я стала делать всё покорно и больше не задавала вопросов.

Казалось, прошла вечность с тех пор, как меня взяли в плен, и изоляция начинала сказываться на мне. Я поймала себя на том, что разговариваю сама с собой, пытаюсь разобраться в том, что со мной происходит. Но ответа не последовало, только звук моего собственного голоса, эхом отдававшийся в темноте.

Однажды Айзек вошел в комнату и встал передо мной. Я чувствовала, как его глаза впиваются в мои. Моё сердце учащенно забилося.

Внезапно я услышала его глубокий и хрипловатый голос.

— Кристал, кристал, кристал... — он словно пробует моё имя на вкус.

— Ты заговорил...

Мне казалось, я начала бредить.

Он улыбнулся.

— Почему?

Айзек посмотрел на меня своими пронзительными глазами и глубоко вздохнул, прежде чем ответить.

— Люди — социальные существа, Кристал. Социальная депривация может оказывать глубокое воздействие на психику. Я хотел сделать тебя более жизнерадостной, посмотреть, как ты отреагируешь на эту ситуацию и как справишься без какой-либо внешней стимуляции.

Я не могла поверить своим ушам.

Этот жестокий сукин сын...

Он играл в игры с моим разумом, обращаясь со мной как с лабораторной крысой. Мой гнев быстро превратился в ярость.

— Жизнерадостней? После того как ты украл меня, связал и стал держать, как скот?! Как ты мог так поступить со мной? — закричала я, дергая за веревки, которые связывали меня. — Ты не имеешь права играть в Бога с моей жизнью!

Айзек молчал, выражение его лица было непроницаемым. Я чувствовала, как моя кровь закипает от ярости, но он просто стоял на своем месте и наблюдал за мной своим пугающим взглядом.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться. Мне нужно было проявить смекалку, чтобы найти выход из этой ситуации. Но мне было трудно ясно мыслить, когда он вот так смотрел на меня.

— Я требую, чтобы меня освободили, — твердо сказала я, пытаюсь вернуть себе хоть какое-то чувство контроля. — Я больше не могу этого выносить. Мне нужно уйти.

Но Айзек только покачал головой.

— Боюсь, это невозможно, Кристал. Ты здесь не просто так.

— Что?

Он наклоняется ближе, его горячее дыхание касается моего лица.

— Ты слышала меня, — говорит он низким, угрожающим голосом. — Ты здесь, потому что я привел тебя сюда. Ты здесь, потому что я хочу, чтобы ты была здесь.

Улыбка Айзека стала шире, обнажив ряд острых белых зубов, сверкнувших в тусклом. Он делает паузу перед тем, как продолжить, позволяя своим словам осмыслиться:

— И ты никуда не пойдешь, пока я не решу этого.

От его слов у меня по спине пробегают мурашки.

Как я могла бы когда-нибудь выпутаться из этой ситуации? Был ли какой-нибудь способ вырваться из хватки этого безумца?

Что же каким-то образом надо найти в себе силы дать отпор.

Месяц назад.

Я проснулась от звука удара чего-то тяжелого об пол. Внезапно комната наполнилась ослепительным белым светом и оглушительным шумом. Я закричала от неожиданности, пытаюсь разглядеть, что же происходит.

Айзек стоял передо мной, держа в руках фонарик и пустую металлическую кастрюлю. Он посмотрел на меня пристальным взглядом, и я почувствовала, как по моей спине пробежала дрожь. Я открыла рот, чтобы заговорить, но не знала, что и сказать.

Ни говоря ни слова, он придвинулся ближе, поднимая сковороду над головой. Я стала сопротивляться, но чертовы верёвки не давали. Металл соприкоснулся с полом рядом со мной, заставив меня подпрыгнуть на месте от испуга.

Айзек рассмеялся, и у меня по спине пробежали мурашки. Он наклонился, его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Я чувствовала его горячее дыхание на своей коже.

— Что-то не так? — сказал он со зловещей улыбкой.

Я покачала головой, пытаюсь отстраниться от него. Но он схватил меня за руки и прижал к себе. Его глаза впились в мои, заставляя меня чувствовать себя маленькой и беспомощной.

Внезапно яркий свет ударил прямо мне в глаза. И опять крики перекрыли все звуки, а перед глазами была лишь кровь.

Я была не в силах подавить эти кошмарные потоки. Он были слишком яркие и реалистичные.

— Тшшш, всё хорошо... — слышала я словно из-под туннеля.

— Нет, нет, нет, прошу... только не её... — я пыталась перекричать видения, но это мне не помогало.

Айзек стал трясти меня и что-то говорить, вскоре я стала приходить в себя.

— Испугалась, милая? Рано. Я ещё не успел показать тебе, что такое настоящий страх, — прошептал он, его лицо было в опасном расстоянии от моего.

С этими словами он оставил быстрый поцелуй на моих губах и отстранился. И хоть он и пытался казаться безмятежным, его взгляд был полон беспокойства и волнения.

Я не дам, чтобы это случилось опять. Я устала от его игр, устала бояться.

Поэтому, вместо того чтобы съежиться от страха, как я всегда делала, я собрала все оставшиеся у меня силы и ответила:

— Нет, старайся усерднее.

В тот момент, когда эти слова слетели с моих губ, выражение лица Айзека потемнело.

— Как прикажешь, сейчас устроим, — прошипел он.

Я отказывалась показывать какие-либо признаки слабости, даже когда его другая рука прошлась по моим волосам, откидывая мою голову назад. Моё сердце бешено колотилось от адреналина и яростной решимости не доставлять ему удовольствия видеть мой страх.

У меня отняли детство и семью.

Неужели ты думаешь, что сможешь справиться со мной?

— Я переживала и похуже, — ядовито бросила я. — Ты думаешь, что сможешь сломить меня? Ты ошибаешься. Я тебе не позволю.

Айзек ухмыльнулся.

— Давай проверим это, — прошептал он. — Интересно, насколько ты изменилась с тех пор, как мы начали нашу маленькую игру.

От его слов у меня по спине пробежали мурашки, но я не подала виду. Мой разум был затуманен страхом и возбуждением.

Он прошелся вокруг меня, оглядывая с ног до головы, словно оценивая свою добычу.

Одно его присутствие удушало, и мне казалось, что я тону.

Но прежде, чем я успела задать еще вопросы, он уже потянулся ко мне и стал развязывать верёвки.

Как только я почувствовала, что мои руки свободны, я попыталась замахнуться на него, но он быстро увернулся от моей атаки.

Он схватил меня за волосы и притянул к себе. Наши лица находились в миллиметрах от друг друга. Я чувствовала горячее дыхание Айзека на своем лице, его глаза цвета лазурного океана смотрели сквозь меня. Он притянул меня ближе к себе, и его твердое тело прижалось к моему. Несмотря на страх и гнев, которые все ещё бурлили во мне, дрожь желания пробежала по мне от его прикосновения.

— Отпусти меня!

Он мрачно усмехнулся.

— Ты так легко от меня не отделаешься, — прорычал он, его глаза сверкали гневом.

Моё тело предавало меня, отвечая на его угрозы желанием. Внезапно Айзек наклонился и жадно впиваясь в мои губы, и не важно, как же отчаянно я не сопротивлялась и насколько крепко не сжимала губы вместе, он был настойчивее. Его наглые руки были повсюду, исследуя моё тело и не давая мне шанса выбраться из его хватки.

В тот момент я разрывалась между яростью и невыносимой похотью. Но я должна была показать себя, поэтому я не сдавалась до конца и всё же смогла отстраниться от него.

— Проверь сколько тебе угодно, — сказала я, — но у тебя ничего не получится. Я сильнее, чем ты думаешь.

— А давай. — прорычал он.

Айзек возвышался надо мной. Он стал идти на меня, заставляя меня пятиться. Я споткнулась и упала.

— Я заставлю тебя кричать, — сказал он низким и угрожающим голосом. — И когда ты это сделаешь, ты поймешь, что я победил.

Независимо от того, что Айзек планировал для меня, я не позволю ему сломать меня.

— Вставай, — холодно сказал он.

Я на мгновение заколебалась, но потом заставила себя снова встать.

— Чего ты хочешь от меня? — мой голос предательски дрожал.

— Я хочу, чтобы ты посмотрела своим страхам в лицо, — сказал он, хватая меня за плечи. — Я хочу, чтобы ты поняла, что всё, что ты знала о себе и мире, — ложь.

Я уставилась на него, испытывая смесь страха и гнева. Я не понимала, о чем он говорит, да и не хотел понимать. Я просто хотела вернуться домой и забыть этот кошмар. Но должна была признать, часть меня была заинтригована.

Айзек достал из кармана маленький нож и приставил его к моему горлу. Я замерла, почувствовав холодное лезвие на своей коже.

Нож глубже вонзился в мою кожу, и я поморщилась от боли. Но я отказалась доставить ему удовольствие видеть, как я ломаюсь.

— И это всё? — процедила я от напряжения.

Айзек мимолётно улыбнулся. Я поймала в его взгляде проблеск гордости.

Отлично.

Как бы я не хотела этого, но я испытывала какое-то извращённое чувство удовлетворения от его одобрения.

— Нет, — сказал он и вонзил нож в мою плоть.

Боль была невыносимой, но я отказывалась кричать. Я стиснула челюсти и боролась с агонией, решив противостоять ему до последнего. Голова кружилась и, казалось, я упаду в обморок от сильной боли.

— Боль — это всего лишь иллюзия. Прими это, и ты научишься видеть за пределами поверхностного мира, в котором мы живем.

Я хотела закричать, сказать ему, что это не игра, что он причиняет мне боль, но слова не выходили за пределы моего рта. Айзек нож вонзился глубже. Боль было уже никак не стерпеть, и я не смогла удержаться от крика.

Глаза Айзека удовлетворенно заблестели, он отпустил меня и капли крови моментально стали просачиваться из моего пореза. Он приблизил свое лицо к моему и прошептал:

— Это всего лишь ощущение, предупреждение, которое дает нам наше тело. От нас зависит, что мы делаем. Подаёмся в панику или используем в нашу же пользу?

Я попыталась вырваться, но он держал меня крепко, его хватка была безжалостной. Айзек сильнее прижал нож к моей коже, и я почувствовала, как кровь потекла вниз по моей шее к груди. Меня трясло от страха и адреналина, но какая-то часть меня также испытывала странное чувство.

— А теперь кричи, — сказал он. — Кричи так громко, как только можешь.

На мгновение я заколебалась, думая, что он шутит. Но Айзек был абсолютно серьёзен.

Сделав глубокий вдох, я издала пронзительный крик, который эхом разнесся по темной комнате. Это был звук, исходивший из глубин моей души, крик страха, боли и отчаяния.

Крик, который удерживался во мне годами.

Он был доволен мною.

— Вот и всё, — сказал он низким и соблазнительным голосом.

Хватка Айзека ослабла, и он отступил назад, разглядывая дело своих рук. Я рухнула на пол, хватая ртом воздух, мое тело было покрыто потом и кровью.

Я уставилась на него, взглядом, наполненным яростью.

— Ты чудовище, — прохрипела я, растирая горло.

Улыбка Айзека стала шире.

— А ты моя красавица, — подмигивая ответил Айзек.

Он придвинулся ближе и сел на корточки, чтобы сравниться со мной. Его рука потянулась, чтобы коснуться моей щеки. Я вздрогнула от его прикосновения, но он, казалось, не возражал.

— Ты так хорошо справляешься, мой драгоценный кристалл, — сказал он, его голос звучал в моих ушах как сладкое мурчание.

С этими словами он ушёл, оставляя меня одну. В голове мучительно гудело и стучало.

Иллюзия.

Я посмотрела на пол, где всё вокруг меня было испачкано кровью.

Это тоже иллюзия?

Я потеряла виски пытаюсь снять эту ноющую боль.

Господи, какие ещё извращённые планы он приготовил для меня?

Мне нужно выбираться как можно быстрее иначе я свихнусь полностью.

Видимо я глубоко задумалась и не заметила возвращение Айзека, который стоял передо мной с самодовольной улыбкой на лице.

— О чём думаем? — спросил он с ухмылкой.

Я закатила глаза.

— Хммм, — ответила я иронично. — О том, как чертовски сильно мне нравится оставаться одной в темноте целыми днями. Обожаю просто! Я же об этом и просила каждый день рождение! Дорогой господь, пожалуйста, пошли сумасшедшего, чтобы он украл меня, увёз в лес и издевался надо мной.

То ли от шока, то ли от потери крови, я была вне себя.

Айзек усмехнулся моему ответу, явно позабавленный моей попыткой пошутить. Но выражение его лица быстро стало серьёзным, когда он придвинулся ко мне ближе.

— Ну, если тебе так нравится, — сказал он своим низким и угрожающим голосом. — У меня есть для тебя сюрприз.

Какой сюрприз он мог бы припасти для меня сейчас?

Айзек повернулся к верёвкам, которые лежали в стороне с тех пор, как он меня развязал.

— Пожалуйста, не привязывай меня обратно. Я буду себя хорошо вести. Обещая больше не нападать на тебя.

— Ты будешь себя хорошо вести в любом случае, — ответил он холодно.

Вспомнив ощущение жесткой и тугой веревки на коже, я дёрнулась на месте.

Только не это.

Без всякой мысли, я бросилась к нему, надеясь застать его врасплох. Но он был слишком быстро и легко увернулся от моей атаки.

Прежде чем я успела моргнуть, он прижал меня к стене, его рука крепко сжала моё горло. Я хватала ртом воздух, пытаюсь вырваться, но он только усилил хватку. Он давил на ещё незажившую рану, заставляя меня скручиваться от нестерпимой муки.

— Хватит, Кристал, — прошипел Айзек мне в губы.

Я чувствовала, как слезы текут по моему лицу, и знала, что попала в серьёзную беду.

Когда он ослабил хватку и начал снова связывать меня, мне оставалось лишь молча подчиняться. Айзек всегда завязывал мои руки за спиной стула, и даже если бы я хотела встать, это было бы невозможно. В этот раз он привязал мои не только руки, но и ноги к стулу.

Закончив со мной, он поставил большой, чёрный ящик посреди комнаты.

— Что это? Бомба? Решил одним разом уже? — по моей спине прошлись мурашки от страха, и я попыталась отшутиться от своего страха.

Айзек не сказал ни слова, но одного выражения его лица было достаточно, чтобы у меня кровь застыла в жилах. Он подошел к шкапулке и открыл её, обнаружив внутри смертоносную змею. Его холодные глаза встретились с моими.

— Змея, — прошептала я, не в состоянии поверить в происходящее.

Она мирно лежала и не собиралась выходить из своего места, пока Айзек не стал трогать её.

Чёрт.

Она стала вылезать из коробки и, казалось, это заняло вечность.

Где же её хвост? Почему она такая длинная?

Он поднял змею и поднес её поближе ко мне, ещё оставляя расстояние, чтобы она сама доползла ко мне.

— Это Черная мамба, — сказал он. — Самая смертоносная змея в мире. Её яд может убить человека меньше, чем за час.

Я не могла пошевелиться, застыв от страха, пока она медленно и неторопливо подползла ко мне, не сводя с меня глаз.

Должно быть он с ней что-то сделал. Не может же он вот так вот просто отпускать такую опасную змею!

— Эта змея олицетворяет твой страх, Кристал. Это воплощение тьмы, которая кроется внутри тебя. Та часть тебя, с которой ты боишься и теперь тебе придётся встретиться лицом к лицу.

Инстинктивно я попыталась встать, забыв о верёвках. Змея остановилась, высунула раздвоенный язык, пробуя воздух на вкус, а затем продолжила двигаться.

Я почувствовала, как холодный пот выступил у меня на лбу, когда змея приблизилась. Я могла отчётливо видеть блестящую черную чешую и острые, заостренные клыки. Её движения были извилистыми и гипнотизирующими, я как замороженная не могла оторвать глаз.

Айзек продолжил:

— Страх — это первобытный инстинкт, мой драгоценный камень. Это то, что отделяет сильных от слабых, выживших от жертв. И в этой игре тебе нужно быть сильной. А чтобы сделать это тебе надо просто принять и победить его.

— Змею?

— Страх.

Не в состоянии смотреть как это смертоносное существо подбирается ко мне, я закрыла глаза и попыталась выровнять дыхание, но шум от движения змеи был слишком сильный.

— Взгляни в лицо своему страху, Кристал, — мягко сказал он, я почувствовала его взгляд на себе. — Прими это, и ты станешь сильнее. Или неужели ты думаешь, что, закрывая глаза, проблема сама по себе уйдет?

Мое сердце колотилось так сильно, что я едва могла дышать.

— По крайней мере, с закрытыми глазами не буду видеть, как буду умирать.

Вскоре мне пришлось открыть глаза, чтобы понять, где она находилась.

Увидев, как змея подползла к моим ногам, я почувствовала прилив страха и адреналина.

Айзек наблюдал за мной с дьявольской ухмылкой на лице.

— Не двигайся, — предупредил он, — или ты можешь напугать её.

Я уставилась на него, мои глаза были полны смеси гнева и страха.

— Зачем ты со мной так? — процедила я сквозь зубы.

Айзек усмехнулся.

— Это просто небольшой тест, — пожал он плечами. — Чтобы посмотреть, как ты справляешься со страхом.

— Как видишь прекрасно, а теперь убери от меня эту чертову шгуку.

Ухмылка Айзека стала только шире.

— Я думаю, тебе это начинает нравиться, — сказал он, его глаза встретились с моими.

Я усмехнулась.

— Нравится? Ты что, издеваешься надо мной?

Я затаила дыхание, боясь пошевелиться или заговорить слишком громко, чтобы спровоцировать змею. Она начала обвиваться вокруг моей ноги, с каждым мгновением усиливая свою хватку и двигаясь дальше.

Айзек подошёл ближе и наклонился ко мне.

— Ну, что ты? — сказал он. — Я же вижу, что ты начинаешь видеть удовольствие в адреналине.

Ощущение её туловища, прижимающегося к моему, бросало меня в жар. Змея скользнула по моей коленке вверх. Её вес давил на меня, её глаза, не мигая, смотрели словно мне в душу.

— Убери это от меня!

Я не выдержала. Слезы текли по моему лицу, и я не могла их больше сдерживать.

— Ну, конечно. Давай плачь, — пробормотал Айзек себе под нос, в его голосе слышалось разочарование.

Я хотела закричать на него, обругать и сказать, что это он поставил меня в такое положение, но мой голос застрял у меня в горле. Все, что я могла делать, это всхлипывать и ждать, когда же эта чертовщина уже закончится.

— А что мне ещё остаётся сделать? — тихо ответила я.

— Встретится со своим страхом лицом к лицу. Я помогу тебе, если ты будешь слушаться меня.

Я почувствовала её на себе, и то, как она двигается по мне. Я слышала своё сердцебиение в голове. Всё словно происходило в замедленном кадре.

— Не могу, не могу... — ответила я в полу выдохе и сжавшись сильнее.

— Кристал, просто раскрой глаза. Ты сможешь.

Его голос был такой спокойный и уверенный, он явно подействовал на меня, и я заколебалась.

Давай, Кристал. Просто сделай что он хочет от тебя, и он отстанет.

Решая больше не терять времени, я резко распахнула глаза и увидела большую змею, обвившуюся вокруг моей талии.

— Это всего лишь безобидная змея. Ты хорошо справляешься, — сказал Айзек и поощряющее погладил меня по волосам.

Его слова успокаивали, но страх всё ещё был. Я чувствовала чешую змеи на своей коже, и каждый раз, когда она двигалась, я испытывала новую волну ужаса.

— А теперь сделай глубокий вдох и скажи ей, что ты её не боишься, — сказал Айзек.

Судорожно, не убирая глаз со змеи, я сделала глубокий вдох и на выдохе промолвила:

— Я тебя не боюсь.

Он одобритительно кивнул.

— Я сама решаю, чего мне бояться и тебя я не боюсь. Повтори.

— Я сама решаю, чего мне бояться и тебя я не боюсь.

Сразу после этого, Айзек потянулся и взял чёрную мамбу в свои руки, освобождая меня от её крепкой хватки. Почувствовав облегчение, все мышцы в моём теле резко расслабились и выпустила дыхание, которое оказывается держала так долго.

Но радоваться не стоило, он встал за моей спиной и положил змею на спинку стула.

— Айзек, что ты делаешь? — нервно спросила я.

— Ты посмотрела страху в лицо, когда было напротив тебя. Пришло время сделать это, когда ты не можешь предвидеть её.

— П-пожалуйста, не надо.

Страх, который охватил меня до этого, теперь являлось лёгкой шуткой перед ужасом, наполнившим меня сейчас. Хладнокровное существо было позади меня, и, казалось, каждый мой вдох злил её сильнее, заставляя шипеть яростнее. Она могла напасть на меня в любую секунду и ничто бы ей не помешало.

— Ты просто маньяк, — злобно прошипела я.

Я заметила, как внезапно сжалась его челюсть и как потемнели глаза.

— Ты ещё не видела, насколько я маньяк.

То, как Айзек прорычал это заставило меня передёрнуться. Обеими руками схватив меня за затылок, он яростно впился в мои губы, нагло врываясь своим языком в мой рот. Я попыталась отстраниться, но он крепко держал меня, отказываясь отпустить. Его хватка за мои волосы была болезненной. Но даже чувствуя гнев и ненависть к нему, я не смогла сдержаться и ответила на его поцелуй.

Может быть, дело было в том, как отчаянно его пальцы впивались в мою кожу, или, может быть, в том, с каким неистовым голодом он впился в меня, отказываясь отпустить, — я отдалась этому приливу страсти. Тем временем змея продолжала обвиваться вокруг меня. Губы Айзека были непреклонными и требовательными, пробуждая желание сладкой щемящей болью, разливающееся по всему моему телу. Он не собирался останавливаться, пока ему не понадобится отдышаться. Чёрная мамба не теряла времени и уже успела подползти к моим плечам. Я пыталась держаться спокойно, стараясь не делать лишних движений. Но она была так близка, казалось, что я слышала её шипение прямо изнутри своей головы.

Я перевела взгляд на Айзека. Его резкие черты лица были подчеркнуты темным светом, отбрасывавшим глубокие тени на его точеный подбородок и сильные скулы. Голубые глаза выглядели серыми и холодными. Опустив взгляд на его губы, я невольно покраснела. Они были распухшими и покусанными после нашего поцелуя.

Он сел на коленях напротив меня. Из-за верёвок я не могла свести ноги вместе. В это время змея скользила по моей груди и стала обматываться на мою шею.

— Останови это, — еле слышным шёпотом попросила я.

Проигнорировав мои слова, руки Айзека быстрым и резким движением спустили мои трусики вниз, оставляя меня в одной его кофте, которая была мне велика. Правой рукой он погладил моё колено и, пройдясь по внутренней части бедра, остановился между моих ног. Смесь страха и возбуждения была слишком сильной, и я непроизвольно издала стон от неожиданного прикосновения. Несмотря на страх, мне начинала нравиться извращенная игра, в которую играл Айзек.

Страх лишь усиливал моё болезненное желание. Моё тело дрожало под холодными пальцами Айзека, которые он дразня провёл по моим складкам, а затем стал ввел по клитору.

— Признайся тебе это нравится, — прохрипел он.

— Н-нет.

Соппротивление было единственным, что осталось у меня, и я не могла сдаться так быстро.

Его пальцы стали давить на самую чувствительную точку, нежно массировать её. Это было извращенно, но часть меня не могла не хотеть этого. Я хотела подчиниться ему, хотела его внутри себя. Здесь и сейчас. Не о чём не думая.

Я была близка.

Я стала двигать бедрами вперед, пытаясь насадиться глубже на его пальцы. Змее это не понравилось, и она злобно зашипела от что её покачало.

— Давай, сладкая, кончи для меня, — сказал своим бархатным голосом и стал двигать пальцами активнее.

Этого было достаточно.

Я стала дрожать и застонала громче, взрывной разряд прошёлся по всему моему телу и оргазм настиг меня.

Удовольствие стало медленно уходить, оставляя за собой лишь стыд и ненависть.

Закрыв глаза, я некоторое время сидела, свернувшись клубочком. Будто бы если достаточно попытаться каким-то магическим образом, это всё окажется не взаправду. Я была благодарна Айзеку, что он меня всё это время не трогал и дал мне время прийти в себя.

Благодарна.

Как печально.

Я открыла глаза и посмотрела на него. Айзек всё также сидел на полу напротив меня. Прядь из небрежного пучка падала на его красивое лицо, словно каждый контур был тщательно вылеплен — пленительная смесь суровости и утонченности, которая не поддавалась никакой классификации. Я не могла прочесть его выражение лица как бы ни пыталась. Что оно означало и что сейчас происходило у него в голове, являлось для меня полной загадкой, как и он сам, но оно заставило моё сердце ёкнуть.

Я попыталась присмотреться. Его глаза, похожие на отражения неба в озере, казалось, несли на себе тяжесть бесчисленных нерассказанных историй. В их глубине я заметила нежность и теплоту.

На лице Айзека отразился намек на беспокойство, он слегка нахмурил брови и приподнял плечи.

Слои таинственности и загадочности, окутывавшие его, внезапно обрели совсем иное значение. За фасадом силы и самообладания я разглядела уязвимость.

Некое озарение снизошло на меня. Айзек, который сидел у моих ног, теперь казался таким же маленьким, как и я, словно он тоже нес груз своего прошлого. В этот момент границы между мной и ним просто исчезли, обнажив некую незащитность, которая связывала нас вместе.

Мне показалось, что он был таким же пленником, как и я, скованные не только нашими физическими обстоятельствами, но и эмоциональным беспорядком. Мы оба блуждали по лабиринту наших собственных страхов, ища утешения и искупления в запутанной паутине наших переживаний.

Эти мысли потрясли меня. В этой уязвимости я нашла связь, которая выходила за рамки наших ролей. Я больше не видела в Айзека простого похитителя, а больше товарища по несчастью. Стоило мне однажды моргнуть и всё кардинально изменилось. Словно всё, что происходило имело свой смысл. И я его отчётливо понимала.

Шипение змеи вывело меня из транса и заставило переключить свой взгляд. Все мои мысли показались мне абсурдом большого воображения.

Что сейчас произошло?

— Что именно тебя так задело? — спросил он, когда я потрясла головой и опустила взгляд вниз, когда я снова познавала место своего нахождения.

Почему-то меня это рассмешило. Я, подняв голову, уставилась на него. Айзек был серьёзен.

— Меня похитили. Немного обидно.

Всё это время я искала вину в себе. Почему я села в его машину? Почему я не заметила, что он не тот, кем представился? Почему я всё ещё здесь? Почему не смогла выбраться? Почему я?

Я действовала, руководствуясь ошибочным убеждением, что это была личная битва, столкновение между двумя личностями. Я против него. Кристалл против Айзека.

Но сейчас я поняла, что здесь нет меня. Это мир Айзека. Его царство, созданное из глубин его головы, границы которых терялись во тьме.

В его глазах, возможно, меня и не было. Было лишь то, что он хотел видеть.

Это медленно разрушало меня. Я так долго искала свое место в этом мире и трепетно относилась к тому «Я», которое создавалось так долго, что не могла позволить кому-то вот так вот сломать меня.

Он упивался хаосом, находя смысл в самом акте установления контроля над чужой жизнью. Он хотел управлять и командовать, убеждать и принуждать, заставлять и нудить о том, что правильно, а что нет. Возможно, в этом был какой-то глубокий смысл, возможно, это было последствием какого-то травматичного события, а, возможно, просто подчинение его человеческому нутру. Конечно, хотелось бы, чтобы это было что-то большее, чем его желание. Страдать было бы немного легче.

От осознания этого легче мне не становилось. Как теперь действовать, зная, что не моя игра, что не важно, что я буду делать, а то, что же хочет видеть из этого сам Айзек?

Я надеялась вскоре узнать, как же мне действовать или уже выбраться до того времени, как я его пойму. Это больше не касалось меня, как Кристалл; это было как вечная борьба между светом и тьмой, порядком и хаосом, добром и злом, но совершенно не что-то межличностное. И я была полна решимости выйти победителем не только ради себя, но и ради самой сути существования, которую он стремился разрушить. Это как облегчало задачу, так и усложняло.

Он цокнул.

— Ты повторяешься. Что именно расстроило тебя сейчас?

Я горько улыбнулась.

— Меня ничего не расстраивает и ничего не задевает. На данный момент.

Ты никто для меня, чтобы ты обижал меня.

Брови Айзека поднялись в знак удивления.

Змея напомнила о своём присутствии, продвигаясь вперед по мне с непринужденной грацией. Тяжесть её присутствия давила на меня, напоминая о потенциальной опасности, таящейся в ядовитых клыках. От каждого прикосновения к её чешуйчатому телу у меня по спине пробегали мурашки. Я не осмелилась посмотреть на неё.

— Правда? Мне кажется, ты довольно взвинчена.

Мне не хотелось ему отвечать. Я хотела иметь что-то сакральное, что-то, что было только моё. Мои чувства, мысли, ощущение и восприятие реальности. Хотя бы до тех пор, пока он не успел добраться до них.

Айзек внимательно смотрел в мои глаза, словно выискивал что-то, но, открыв рот и видимо передумав, лишь сказал:

— Отлично. Тогда можно продолжать.

Он встал напротив меня, выпрямившись, и стал отстёгивать ремень своих брюк.

Я представила, что он собирался сделать, и между ног сладко заныло. Но страх был сильнее.

— Айзек, пожалуйста, я девственница! — я стала истерично плакать.

— То есть тебя никто ещё не трогал? — спросил он, удивляясь.

— Н-нет.

Это были слёзы горя, боли и утраты. Все мои надежды были сломлены в один миг.

— Какой же я счастливчик, — ответил он отстранённо.

Он что, издевался надо мной? Или был ли он искренне удивлен?

Мои глаза не были чисты: я видела много ужаса в жизни, мои мысли тоже — мне хотелось отомстить за то, что видели мои глаза, но единственное, что оставалось только моим и нетронутым, и то, над чем я имела контроль — моё тело.

Я заревела сильнее и стала дёргаться в отчаянии. Чёрной мамбе это не понравилось, и она стала сжимать меня сильнее и высовывать свой язык.

А как же мои надежды и мечты? Я проводила ночи мечтая встретить того самого, я прочла все крестьянские романы в нашей небольшой библиотеке. Я всё думала: встречу ли я его в парке? Может в кафе? Или на работе? Я начну работать в Нью-Йорке и он, увидев, как нелегко мне удаётся адаптироваться, решит помочь? А может нас познакомят мои новые друзья? У нас будут одинаковые интересы, и мы нам вместе будет легко? Или будем совершенно разные, но химия между нами будет неотрицаемая? Наш первый раз будет в отеле? На прогулке или у него дома после романтического ужина? Какотреагируют его родители на меня? Возможно, они сразу увидят, как сильно я люблю его и примут меня в семью? Мы будем проводить рождество вместе и печь пряники, как в рождественских фильмах Hallmark. А когда он сделает мне предложение? На празднике или на отдельном свидании? Я знаю, что может получиться не так романтично, но по крайней мере он старался. Я сразу скажу да! Мы пойдем выбирать платье с моей мамой, ведь теперь я зову свою будущую тещу мамой. Свадьба будет в узком кругу наших друзей. Да, и платье у меня будет простое, но элегантное. Возможно, когда у нас родятся дети, я брошу свою работу и буду смотреть за ними на какое-то время, пока они не подрастут.

Теперь уже нет «возможно». Есть только нет.

Айзек сел на колени и положил руку на мою ногу. Он выглядел обеспокоенным.

— Кристал, посмотри на меня, — сказал он голосом полным заботы. Если бы не ситуация в которой мы находимся, я поверила бы, что ему не плевать на меня.

Всё вокруг меня — это сплошное враньё.

— Что? — спросила я, шмыгнув носом.

Мне хотелось кричать, но и на это сил моих не осталось.

— Знаешь, Кристал, ни один парень не стоит такого драгоценного подарка, как твой первый раз. Это опыт, который ты должна приберечь для кого-то действительно особенного. Потому что парням нельзя давать знать о их преимуществе. Но, к счастью для меня, я стану тем, кто разрушит эту иллюзию для тебя.

Его слова были как яд, вколотый в вены, и я почувствовала смесь негодования и обиды. Я была так уязвима, а его слова совсем не помогали.

— Я ценю твою заботу, Айзек, — ответила я не менее саркастично. — Твой столь поэтический совет действительно согревает моё сердце и облегчает моё положение. Но не волнуйся, я бы не хотела дарить столь драгоценный подарок, такому, как ты. Мне противно от одного твоего взгляда!

Что же ты хочешь от меня?

— Ты знаешь, чего я хочу, — ответил Айзек с горящими глазами и хриплым от желания голосом.

— А если я не хочу тебе этого давать? — спросила я со всей злобой, которая переполняла меня.

Видимо я прошептала недостаточно тихо.

— Кристал, я не джентльмен, я беру что хочу, — сказал он.

Мне оставалось лишь горько вдохнуть.

Ухмылка на его лице на мгновение погасла, сменившись намеком на раскаяние. Он ободряюще сжал моё колено своей рукой, чуть менее враждебно и более искренне.

— Я не хотел принижать твои чувства, — сказал он, теперь его тон был мягче. — Я просто хочу, чтобы ты поняла, что этот мир полон разочарований. И я одно из них. Но, ещё, я знаю, что ты заслуживаешь большего, чем просто физическое удовольствие. Ты заслуживаешь кого-то, кто сможет воспламенить не только твоё тело, но и разум. И это, моя дорогая, то, что я могу тебе предложить. Я испытываю тебя, заставляю думать и смотреть на всё под другим углом, — большим пальцем Айзек вытер мои щёки от слёз, о которых я и забыла.

Я не смогла сдержать смешок.

— Как же мне повезло! Я нашла самопровозглашенное разочарование, которое просветит меня! И это должно быть твоим грандиозным предложением? Твои жалкие игры?

Я чувствовала, что играла с огнём.

Губы Айзека изогнулись в самодовольной улыбке.

— Уверяю тебя, я могу предложить гораздо больше. Речь идет не о том, чтобы просветить тебя, а скорее о том, чтобы разжечь огонь внутри в тебе. Огонь, который уничтожает запреты и освобождает тебя от оков условностей.

Я приподняла бровь.

— И как ты планируешь этого добиться? Играя с моими эмоциями и подталкивая меня к краю? Ты можешь думать, что ты какой-то философский гуру, но ты такой же заблудший, как и все мы. Не принимай свои манипуляции за мудрость!

— Возможно, ты права, но иногда нужен кто-то, кто прошел сквозь тьму, чтобы помочь тебе найти свет. Я планирую пробудить самые темные уголки твоих желаний, разгадывая твои самые сокровенные фантазии и влечения. Я заставлю тебя умолять о большем.

Я почувствовала, как меня обдало жаром, мой гнев смешался с неоспоримым любопытством.

— Ты хочешь сломить меня?

Айзек наклонился ближе, его дыхание коснулось моей кожи.

— Нет, мой драгоценный камень, — прошептал он, и в его голосе послышалось порочное очарование. — Я не хочу тебя ломать. Я хочу разрушить каждое внушение, каждый барьер, который тебя сдерживает. Вместе мы исследуем глубины экстаза, разрушая стены, которые тебя ограничивают, пока вас не поглотит необузданная, первобытная страсть, которая превосходит все остальное.

Возможно, в Айзеке было нечто большее, чем казалось на первый взгляд.

Он поднял голову и впился в мои губы яростным поцелуем.

Словно у меня шанс.

— Пожалуйста, я не хочу этого, — прошептала я.

Он лишь покачал головой, сжав губы в тонкую линию.

— Ты можешь сопротивляться сколько хочешь, можешь пытаться отрицать это, но в глубине души ты знаешь, что жаждешь острых ощущений. И сейчас я докажу, что тебе это нравится.

Я готова была возразить, сказать, что этого никогда не может быть, но, когда губы

Айзека скользнули по моему внутреннему бедру, оставляя дорожку из огненных поцелуев, волна удовольствия прокатилась по мне. На мгновение он задержался, прижав губы к моей незащищённой коже, словно испытывая меня. Айзек прошёлся кончиком языка вверх и вниз по моим складкам прежде, чем резко войти в меня своим языком.

— Чёрт, ты такая сладкая, я готов делать это всегда.

Я думала, что он говорит это, чтобы заставить меня краснеть, но протяжной стон, который последовал после его слов, говорил о другом.

— Ещё чего, — ответила я и сама предательски сорвалась на стон от его умелых движений языком.

Он поднялся выше, дразня кончиком языка мой клитор. Моё дыхание участилось, и я выгнула спину насколько сильно мне позволял стул. Я сдалась, не в состоянии больше удерживать свои чувства и стала прижиматься к его лицу как могла. Моё тело, захваченное невыносимой мукой его обольщения, отзывалось на каждое его прикосновение, желая большего. Его руки, одновременно нежные и собственнические, блуждали по моему телу, останавливаясь на бёдрах, чтобы сжать их, посылая электрические заряды, которые разгорались с каждым движением его языка только сильнее. Я упивалась охватившими меня ощущениями, теряясь в пьянящей смеси удовольствия и желания остановить его. И всё же, даже в разгар нашей страсти, голос из глубин моего сознания, напоминал мне о тьме, которая окружала меня. О змее, которая свернулась позади меня, на спинке стула. Её присутствие было постоянным напоминанием о извращенной реальности, в которой я находилась. Но Айзека это ни чуть не волновало, он был так возбужден, что не замечал ничего вокруг.

— Я хочу, чтобы ты была хорошей девочкой и кончила мне прямо на лицо. — прохрипел Айзек и ускорил свои движения.

Я схватила его за волосы и начала тереться об его лицо сильнее.

Меня никогда так сильно не злили эти чертовы верёвки.

— Давай, сладкая кончи для меня.

Это было всё, я больше не смогла вынести, в этот момент он протянул руку и скользнул пальцем внутрь меня, одновременно облизывая мой клитор, и надавливая на чувствительную точку. Его действия заставили меня стонать только громче, пока удовольствие не взяло меня разом. Я дрожала всем телом, испытывая один из самых сильных оргазмов в своей жизни, хватая ртом воздух.

Точнее был второй и такой сильный.

Развязывая меня, но оставляя руки завязанными между собой, Айзек сказал:

— Ты готова к самому главному?

— Айзек, пожалуйста-

Он положил свой палец на мои губы и заставил замолчать:

— Тшшш, тебе понравиться.

Одинокая слеза покатила по моей щеке.

— Ты мне противен!

Слова непроизвольно сорвались с моих губ, слабая попытка сопротивляться.

Айзек самодовольно ухмыльнулся.

— Поэтому ты так сладко стонешь, едва я дотрагиваюсь к тебе? Поэтому так сильно горячишь желанием?

Его слова вызвали дрожь возбуждения по моему телу. Я сразу покраснела, не зная, что и

сказать. Несмотря на страх, который я испытывала, было что-то бесспорно притягательное в том, как Айзек доминировал надо мной.

Видимо от такого количества времени проведённое с ним, стало лишать меня ума.

Я и не подозревала, что верёвки держали и змею на месте и как только она освободилась она стала ползти ниже.

Айзек стал раздеваться, и теперь он стоял передо мной в одних боксёрах я невольно обратила внимание на его размер.

Слишком большой.

Видимо моё лицо выражало мои мысли, потому что Айзек сказал:

— Не волнуйся, я буду аккуратен.

Я хотела спросить про презерватив, но в данный момент это было смешно.

Вздыхнув от одной мысли близости с ним, я нервно сглотнула.

В этот момент он был не менее опаснее змеи.

Айзек забрал чёрную мамбу в свои руки.

— Ложись на пол и положил руки над головой, — приказывает он.

Я послушалась его.

— У-убери её от меня! — крикнула я, не отрывая глаз от мерзкого существа, которое он опускал рядом со мной.

— Ну как же? В ней и заключается всё веселье.

Он встал на колени и навис надо мной. Его горячее дыхание обжигало моё лицо, заставляя мурашки бегать по всему моему телу. Он провёл рукой по моей щеке, проходясь по линии моих скул и ниже к ключицам. От прикосновений Айзека в животе завязался тугой узел.

— Расслабься. Если ты будешь спокойна, то всё пройдёт максимально безболезненно.

Не нервничать, когда тебя насилуют. Легче лёгкого.

Подумала я, но не стала комментировать. Осознание, что мне деваться было некуда, уже полностью осело, и теперь мне просто хотелось покончить с этим как можно быстрее.

Я ахнула, когда он стал медленно вводить головку своего члена. Он стал свободно входить, прежде чем внезапно остановиться. Дискомфорт был невыносимый.

— Ты в порядке? — ответил он.

Наши взгляды встретились. На удивление, его темно-голубые глаза были полны заботы и волнения и почему-то это меня успокоило.

— Мне больно.

— Сейчас пройдёт, милая.

Айзек остановился на время, погладил меня по волосам и, убедившись, что я стала привыкать к его размеру, вскоре продолжил медленно входить. Всё это время он оставлял поцелуи на моих плечах и пытался быть нежным.

— Блять, ты такая узкая. — Зарычал он, прижимаясь ко мне, прежде, чем войти в меня на всю длину. Я вскрикнула в его плечо, приглушенная стоны и кусая его за плечи.

— Ну же, признай, что тебе это нравится, — прошептал он, и в его голосе слышалась смесь высокомерия и желания.

— Никогда!

Я пыталась сопротивляться, мое внутреннее смятение было очевидно по взгляду, который я бросила на него. Боль давно сменилась удовольствием, и я не могла отрицать своё возбуждение, но отказывалась доставлять ему удовольствие признанием этого. Выгнув

спину, я отчаянно желала большего, хоть разум кричал о сдержанности.

Присутствие змеи, ползущей кругом возле нас, безмолвно напоминало о жестокой реальности происходящего. Его злобный взгляд, казалось, отражал противоречивые эмоции внутри меня: желание и опасность, сплетенные в смертельные объятия.

Айзек стал двигаться резче.

Ухмылка заиграла на моих губах.

— Ты лишил меня любого человеческого контакта, а теперь спрашиваешь нравиться ли трахаться с тобой? — проговорила я злобно.

Он вышел из меня, чтобы снова войти, звук его толчков раздавался непристойным громким эхом по всей комнате. Он был таким твёрдым, что это причиняло лёгкую боль.

— Кристал, твоё тело выдает тебя, — поддразнил он, его пальцы сжали мою грудь, заставляя вскрикнуть. — Я чувствую, как сильно ты жаждешь этого, как твоё сердце учащенно бьется при каждом прикосновении. Для тебя нет другого человеческого контакта, который бы заменил меня.

Я боролась с переполняющими меня чувствами, полная решимости не поддаваться его манипуляциям.

— Это не так, — возразила я, впиваясь ногтями в его спину. — Между нами нет ничего кроме тьмы. Признай это.

Айзек перешел на агрессивный, глубокий темп. Дикое рычание сорвалось с моих губ, когда зубами он впился в мою кожу, он оставлял поцелуи по изгибу моей шеи, одновременно кусая её.

— В тьме есть много чего.

Его руки, когда-то такие твердые и требовательные, схватили меня за талию. Хватка была настолько сильной, что я была уверена о следах, которые оставляли его прикосновения. Меня окутало странное ощущение. В объятиях Айзек я была одновременно и желанной, и поглощенной, его неистовством, который захватить меня всю.

Я чувствовала, что приближаюсь, и Айзек, должно быть, тоже это почувствовал, потому что снова напрягся.

— Ненавижу тебя, — прошептала я, ощущая пульсирование между ног.

— Врешь. — сказал он, перед тем как его губы нашли мои, наши языки сплелись в отчаянной битве за доминирование. Его вкус опьянил меня, и я прильнула к нему, как будто сейчас не имело значение, где я нахожусь и кто он. В тот момент и вправду ничто не имело значения, кроме необузданного голода, который пронизывал нас, заставляя раствориться в опьяняющей смеси удовольствия и боли.

Но вскоре увидев красные пятна возле себя, на меня напал стыд, смывая удовольствие, словно его и не было.

Айзек молча насыпал корма в ящик и змея медленно поползла в его сторону. Когда всё её туловище оказалось в коробке, он закрыл её. От резкого движения крышкой, в мою сторону подул легкий ветер.

Я прижалась ноги ближе к себе и стала зябнуть. От наполняющих меня чувств, холодного воздуха вокруг меня и осознания, которое обрушилось на меня.

— Пойдём. — сказал Айзек, вырывая меня из мыслей.

— К-куда?

— Пойдём я накормлю тебя. Искупаешься, оденешься и придёшь в себя.

Он завязал мне глаза и, взяв меня за руку, стал водить куда-то. Мы прошли небольшую

дорогу. Я почувствовала траву под ногой, звуки природы и сделала вдох свежего воздуха, которого мне так не хватало.

Неожиданно оказавшись на воздухе, мне и в голову не пришло попытаться убежать.

Но этого и делать не было смысла, ведь мы вскоре оказались в помещении.

Айзек развязал мои глаза, и я увидела перед собой дверь.

— Вот ванная. Займи сколько времени тебе нужно. Я положу полотенце и свежую кофту возле двери.

Когда я вошла в ванную, теплый воздух окутал меня, обеспечив кратковременную передышку от суровой реальности снаружи. Вид бегущей воды был роскошью, о которой я и забыла. Дрожащими руками я разделась и встала под струи воды, наслаждаясь ощущением чистоты и обновления.

Пар заполнил пространство, позволяя мне забыться в нём.

Всё, что происходило казалось таким сюрреальным, что я всё ещё не могла в это поверить. Доказательством было лишь несколько маленьких красных капель, стекающих по моей ноге.

Слезы смешивались с водой, как будто сам душ оплакивал всю безысходность положения. Я цеплялась за надежду, что эта кратковременная передышка каким-то образом залечит раны, что вода унесет тяжесть вины и омерзения. Но в глубине души я знала, что это была всего лишь временная отсрочка, мимолетное бегство от суровой реальности, которая ждала меня за пределами этих стен.

Когда капли воды прочертили дорожки по моему телу, я не могла не почувствовать, как ко мне подкрадывается чувство пустоты. Боль изнутри ела меня заживо. Я подняла руку и стала наблюдать как в мою ладонку скапливается вода и медленно стекает на пол.

Мы сидели на кухне вместе с мамой. Она резала овощи на ужин и параллельно помогала мне с домашним заданием, увидев, что я задумалась над чем-то, она обратилась ко мне, усаживаясь возле меня:

— Кристал, что случилось?

Я не ответила ей. Не хотела.

Она нежно погладила меня по спине.

— Детка, посмотри на меня. Что случилось?

— Нина сегодня сказала, что я не смогу выиграть олимпиаду. У меня не хватит сил.

— Жизнь может быть трудной, малышка, — ответила она, и её голос был пронизан мудростью и теплотой. — Но сила заключена внутри тебя.

Не давай никому препятствовать тебе. Ты победишь, я уверена. Она тебе не подруга раз не поддерживает тебя.

— Но почему она так сказала?

— Потому, что неуверенность в себе заставляет понижать других людей, чтобы на их фоне казаться лучше. Не обращай на неё внимание.

***

Придя в себе после душа, я стала засматриваться в каждый уголок, чтобы найти, что же могло мне помочь выбраться отсюда, но ничего найти не удалось. Лишь средства личной гигиены.

Когда я высушилась, Айзек подвел меня к маленькому столику, уставленному разными блюдами. Аромат теплой еды наполнил воздух, пробуждая голод, который слишком долго подавлялся.

— Приятного аппетита, — сказал Айзек, располагаясь напротив меня.

Со сдержанным оптимизмом я села и начала смаковать горячую еду, которая таяла у меня во рту.

Когда мы закончили с едой, Айзек стал убирать стол.

— Тебе понравилось? — спросил он.

— Д-да. Спасибо большое.

На его лице заиграла искренняя и гордая улыбка.

— Мясо по рецепту моей бабушки. Конечно, не так хорошо, как его делала она. Она могла стоять на кухне часами и следить за процессом, — разговаривая, он забрал тарелку из моих рук.

Как он может так спокойно беседовать со мной, словно мы просто знакомые?

— Ну, раз мы поели, можем устроиться в гостиной. Обычно я люблю почитать после ужина. Я подумал скрасить твоё пребывание здесь и почитать тебе.

— Хорошо.

*Hallmark — кинокомпания и телевизионный канал, транслирующийся в США. Специализируется на производстве и трансляции классических сериалов и фильмов, ориентированных на семейный просмотр.

Месяц назад.

Айзек провел меня в гостиную. В комнате царила уютная атмосфера, приглашавшая меня устроиться поудобнее и расслабиться. Мои глаза осматривали помещение, отмечая всё, что украшало это пространство.

Не знаю, что я ожидала. Но всё выглядело намного гостеприимней.

Плюшевый зеленый диван стоял на видном месте в центре комнаты с мягкими подушки и теплым пледом на нём. Круглый диван так и кричал о своём удобстве, а его зеленый оттенок придавал комнате нотку живости среди всего коричневого.

В углу комнаты стоял маленький столик, украшенный простой, но изящной, вазой со свежими цветами. Я подошла поближе и наклонилась понюхать цветы, нежный аромат окутал меня сразу. Это был сладкий аромат, насыщенный, но приятный запах.

Айзек молча наблюдал за моими действиями. На его губах играла легкая улыбка. Он скрестил руки и облокотился на дверной косяк.

— Это розы и цветы лаванды, — пояснил он. — Их приятный аромат успокаивает разум и способствует расслаблению. Если они тебе понравятся, я могу сорвать тебе ещё цветов.

Я нахмурила брови, озадаченная ответом Айзека. Несоответствие между присутствием цветов лаванды и его заявлением о том, что он собирает их здесь, смутило меня.

— Но лаванда растет не в этих краях, да и сейчас не сезон, — заметила я.

Айзек довольно ухмыльнулся, еле заметно откидывая голову назад.

— Ты права, у меня есть свой собственный маленький сад, где я выращиваю разные растения, в том числе лаванду. Возможно, она растет не так хорошо, как в своей естественной среде обитания, но жаловаться тоже не могу. Как видишь, выглядит она довольно хорошо. Возможно, однажды я смогу показать тебе свой маленький уголок, — ответил он мечтательно. — Ты все ещё стоишь, усаживайся, где удобно.

Возле меня стояли два кресла, находящиеся по бокам камина. Их потертый, но привлекательный, внешний вид подходил идеально под атмосферу.

Я невольно стала представлять, как Айзек сидит здесь по вечерам и читает.

Не одиноко ли ему приходится?

Потрескивающий огонь в камине мягко освещал комнату, отбрасывая танцующие тени по стене. Звук потрескивающего огня был тихий и монотонный, но прислушиваясь к нему, можно было поймать себя за тем, что он полностью погружал тебя в себя. И вот ты уже не о чём не думаешь, лишь наблюдаешь, как танцуют языки пламени.

— Кристал? — позвал меня Айзек.

— А? Да? Прости, я задумалась, — ответила я и расположилась на диване.

Вдоль одной стены от пола до потолка тянулись высокие книжные полки, заполненные обширной коллекцией книг. Айзек прошёлся глазами по книгам, и выбрав одну, сел рядом со мной.

В его руках был потрепанный экземпляр книги «Голода» Кнута Гамсуна. Он прочистил горло и начал читать вслух, его голос звучал уверенно и мелодично.

История в книге повествовала о писателе, страдающего голодом и отчаянием.

Голос Айзека нес весомость каждого предложения, подчеркивая внутреннее смятение главного героя и мрачность его окружения. Я обнаружила, что была полностью втянута в

повествование, испытывая муки голода, одиночества и неустанное стремление к художественному самовыражению.

Как же приятно было его слушать.

Но по мере того как продвигались главы, я заметила, что взгляд Айзека изредка падал на меня, изучая мою реакцию.

Когда пятая глава закончилась, Айзек резко закрыл книгу и отложил её в сторону, его губы изогнулись в слабой улыбке. Комнату окутала тишина, нарушаемая только звуком моего собственного дыхания тяжелого от смеси замешательства и интриги.

Айзек откинулся на спинку дивана с загадочным выражением лица и сказал:

— Пожалуй на сегодня всё. Не буду тебя утомлять.

— Что ты думаешь по поводу книги? — спросил Айзек.

Его пронзительный взгляд переместился с закрытой книги на меня, его глаза искали хоть какой-то реакции.

— Что я думаю? — переспросила я, собираясь с мыслями и раздумывая над ответом.

Он придвинулся ближе ко мне и переместил всё своё внимание на меня.

— Да. Как тебе рассказ или что первое пришло в голову, слушая рассказ?

— Я не знаю много о писателе, но смею отметить, что рассказ имеет автобиографический подтон, — осторожно начала я. — В его словах есть некая грубость или небрежность, если можно так сказать, что делает рассказ невероятно реальным, как будто он обнажает свою душу на всеобщее обозрение.

Его молчание повисло в воздухе, наполненное невысказанными мыслями, оставляя у меня чувство неловкости, но, поняв, что он просто внимательно слушает меня, я продолжила:

— Это книга, которая погружает тебя в глубины человеческих страданий и отчаяния, которое им сопутствует. Я не знаю, как он это делает, но герой сразу попадает тебе в душу. Он такой же, как ты. Возможно, это его наивная вера в его творчество или человечность, которая осталась с ним после всего. Изображение человеческой борьбы, то, как он её описывал, и неустанного стремления к своей страсти одновременно завораживает и преследует тебя. В любом случае, мне произведение понравилось, и я хочу прочитать его до конца.

В глазах Айзека промелькнула смесь восхищения и чего-то более мрачного, как будто он получал удовольствие от моей интерпретации книги.

Дрожь пробежала у меня по спине, но она была вызвана не только страхом. Какая-то часть меня наслаждалась извращенным удовольствием от осознания того, что мои мысли заинтриговали его.

И я поддалась этому. Мне стало абсолютно всё равно на всё остальное. Я не знаю сколько ещё мне придётся находиться здесь, но я уже устала сидеть на иголках.

И поэтому я слабо улыбнулась ему в ответ.

— История, которая говорит о глубинах нашего существования. Не интересно ли? Голод в его различных формах может привести нас к грань безумия или подтолкнуть к раскрытию нашего истинного «я».

Было ощущение, что он хотел сказать что-то ещё, поэтому я спросила:

— Что ты думаешь насчёт этой книги?

Задумчивая улыбка тронула уголки его губ.

— Для меня «Голод» олицетворяет борьбу за неутолимую жажду самореализации. Ведь

даже среди тьмы и отчаяния есть определенная красота в нашей уязвимости. Знаешь точно так же, как искусство Ван Гога, творчество Гамсуна глубоко погружаются необузданные эмоции и самоанализа. Они оба обладают сверхъестественной способностью в точности показывать суть своих работ, будь то с помощью мазков кисти или слов.

Я могла отчетливо видеть связь, которую он провел между двумя художниками, параллель, которую он нашел в их способности переносить человеческий опыт на выбранные ими носители.

— Творчество Кнута Гамсуна, — продолжал Айзек, — подобно яркой картине, каждое слово: как мазок кисти, который рисует яркую картину человеческой психики. То, как он исследует глубины мыслей и эмоций своих персонажей поистине замечательно. Это похоже на то, как если бы он обладал глубоким пониманием человеческого состояния, раскрывая наши уязвимости и желания способами, которые одновременно тревожат и завораживают.

Заслушавшись его говором, я невольно задумалась: был ли этот разговор искренним, или это был просто еще один тщательно спланированный шаг в плане Айзека?

Сердце сжалось.

Только время могло раскрыть истинные намерения, стоящие за его словами, поскольку тонкие нити нашего общения продолжали сплетаться в сложную паутину эмоций и неуверенности в реальности.

— Знаешь, — продолжил он, — я не выбрал это произведение просто так. Кристал, твоя душа, как шедевр написанный кистью Ван Гога и пером Гамсуна. Также, как и в их работах, в тебе есть красота, возникшая из боли. Легко любить счастливую душу, залитую солнечным светом и раскрашенную улыбками. Но нужна особая любовь, чтобы влюбиться в душу, которая пережила бури, трещины и разломы. Я вижу это по твоим глазам и жажду поселиться, и исследовать каждую потаенную щель, и разгадать секреты, которые ты хранишь. Ибо именно в этих глубинах кроется истинная красота, и в твоей тьме я нахожу самое чарующее озарение. Твою истинную красоту.

Когда я подняла глаза, наши взгляды встретились, а тело покрылось мурашками.

Айзек смотрел на меня и видел меня. Не спросив ни одного вопроса, он нашел все ответы в моих глазах, движениях и даже в моём молчании.

Он положил свою руку на мою и ободряюще сжал её.

Будучи настолько поражённой, я и не знала, что и сказать.

А ведь он только что признался в любви.

Осознание этого заставило бабочек порхать в моём животе, и я улыбнулась.

О нет. Нет. Нет и ещё раз нет. Этого не может быть.

Почему моё сердце так сильно трепетало от его слов? Почему радость и воодушевление заполнили меня всю?

Ответ был лишь один и я даже думать об этом не хотела.

Я так глубоко задумалась, что не заметила гробовую тишину, которая настала после. Лишь звуки природы доносились из приоткрытой форточки. Айзек удалился, оставляя меня одну с моими мыслями. И впервые за всё время моего нахождения здесь, мне было намного комфортнее с ним, чем наедине.

В его отсутствие сразу заполнилось странным чувство облегчения, как будто тяжесть его присутствия спала с моих плеч. Но в тоже время, внутри образовалась неожиданная пустота.

Всё равно, что я стала наслаждаться его присутствием.

Я сослала это на то, что, когда Айзек был со мной, мне было на кого направить свой гнев. Причин можно было найти много. Например то, что я неделями оставалась без какого-либо социального контакта, и он единственное, что у меня есть.

Нас, как людей, по своей природе тянет к теплу чужого присутствия, мы ищем утешения в компании другой души. Именно в чужом присутствии мы находим подтверждение нашего существования.

Однажды один из моих знакомых в детдоме накуртлмя травкой и, спутав мою комнату со своей, вбежал в неё и упал на пол. Всё, что он сказал за всё время это: «Я не живу в жизни людей, лишь существую в их воспоминаниях, фотографиях и мыслях. Блять, как же мне знать, что я реален?»

Тогда я не стала даже думать над словами обкуренного человека, но сейчас они приобрели свой смысл.

Мы жаждем общения, боясь пустоты, которую может принести одиночество, и пренебрегаем собой ради этого.

Возможно, именно уязвимость пугает нас, перспектива столкнуться лицом к лицу с нашими собственными страхами, желаниями и неуверенностью. А может то, что самореализация в современном мире происходит через глаза других.

Я звучно вздохнула.

Кажется, Айзек просел у меня в голове.

***

— Ты не устала? — спросил Айзек.

Он сделал глоток горячего чая и поставил кружку обратно на стол. Айзек читал книгу возле камина, пока я молча сидела на диване, наслаждаясь тихим джазом, играющим на фоне. Плавная мелодия, насыщенная ободряющими ритмами, создавала успокаивающую атмосферу.

— Немного, — ответила я.

Мои глаза слипались, и я ужасно хотела спать, но боялась опять возвращаться в свою клетку.

— Пошли тогда.

Моё сердце ёкнуло, когда я последовала за ним, но на моё удивление, мы не вышли на улицу, а поднялись на верх.

— Вот наша спальня. Я принесу полотенце и зубную щётку, можешь воспользоваться ванной, — сказал он, когда мы вошли в небольшую спальню.

Я впала в ступор.

Я буду спать с ним?

Осматривая комнату, я задала ему этот вопрос лично.

— Лучше, чем на холодном полу или на стуле.

Пожав плечами, мне не оставалось ничего, как согласиться.

После горячего душа, я громко вздохнула и вышла к Айзеку, который сидел на кресле и печатал что-то на компьютере. Скрип двери заставил его повернуться ко мне.

— Ты готова? Отлично. Можешь ложиться, я сейчас приду, — перед тем как зайти в ванную, он закрыл дверь спальни на ключ.

Дождавшись пока шум воды стал слышимым, я встала с кровати и стала осматривать помещение. Комната была довольно минималистично сделано: здесь стояла лишь кровать, кресло и шкаф.

В шкафу висела одежда и лежали коробки от обуви. Я сразу стала проходиться по карманам в поисках найти хоть что-нибудь. В кармане кожаной куртки я нащупала что-то твёрдое и решила достать. Это было удостоверение личности ветерана, данное «Айзеку Харрисону». Я обрадовалась своей находке, но затем заметила кое-что странное.

Если мне не изменяет память, их начали выдавать в 2015. Но дата выдачи этого была 2005. Значило ли это простую опечатку или фальсификацию документа?

Если документ был ложным, возможно, что это даже и не его настоящее имя. Но на фотографии явно был Айзек. Интересно сколько ему на ней? 25? 27?

Чёрт, он со временем он выглядит всё лучше и лучше.

Я раздражённо вздохнула.

Вместо того, чтобы принести ясность, я лишь запутала себя ещё сильнее.

Отгоняя ненужные размышления, я также нашла костюм в чехле. Это был бы обычный смокинг, если бы не красные пятна на одежде.

Кровь.

Моя голова закружилась. Нужно смотреть дальше.

Ничего не найдя, я снова рассмотрела комнату. Я подошла к окну. Расстояние между вторым этажом и землей было небольшое. Стоял туман, и было темно, чтобы увидеть дальше пяти метров. К тому же тонкая сетка была надета с наружной стороны. Послышался скрип двери. Я быстро побежала в сторону кровати.

Айзек вышел из ванной в одном полотенце. Его влажные волосы были растрепаны и казались темнее, капельки воды медленно скатывались на его голую грудь. Запах мыла, исходящий от него, быстро заполнил комнату. Белое полотенце, которое было завязано поясе, едва прикрывало его скульптурное телосложение.

Мягкое освещение комнаты отбрасывало на него теплый отблеск, подчеркивая четкие линии его подбородка и пленительную глубину глаз. Его губы, слегка приоткрытые, намекали на тонкую, но манящую улыбку.

— Ты ещё не спишь? — спросил он.

Я тут же покраснела, когда поняла, что пялюсь, и демонстративно отвернулась от него.

— Ещё нет.

В этот момент время, казалось, остановилось и воздух между нами был заряжен электрическим напряжением.

Я всё усиленно пыталась сбить подушку, когда он стал подходить ближе. Невольно мой взгляд упал на его рельефный живот, а затем и на спину, когда он отвернулся. Помимо татуировок по всему телу, я заметила разные рубцы и шрамы: некоторые полностью зажившие, лишь с небольшими местами, оставшимися после, и некоторые, которые были излечены с помощью медицинского вмешательства.

Значит он всё-таки военный.

Сильное желание пробежало по моим венам, полностью поглощая меня. Мне хотелось рукой пройтись по контуру его тела, исследовать все узоры и узнать о тайне, которую хранила каждая. Сама идея его близости была одновременно и дразнящей, и опасной.

— Ты себя хорошо чувствуешь? Ничего не болит? — нарушил Айзек тишину, ложась в кровать.

Он не стал одеваться и был лишь в боксерах.

— Н-нет, — тихо ответила я, медленно присоединяясь к нему.

— Может живот...?

В этот момент наши взгляды встретились, и невысказанные слова между нами, казалось, эхом отдались в тишине. Я заметила нотки беспокойства в его глазах.

— Всё нормально.

Мягкая улыбка промелькнула на моих губах.

— Если тебе что-то нужно, ты только скажи, я-

— Айзек, у меня ничего не болит, — я повернулась к нему и улыбнулась.

Он, убедившись, что я в порядке, выключил свет и лёг обратно. Я отвернулась от него, не зная, куда деть себя от неловкости и интимности момента.

Одним плавным движением Айзек притянул меня ближе к себе. Его руки заключили меня в крепкие объятия, из-за чего моё сердце билось быстрее. Жар его тела, прижавшегося к моему, заставлял меня трепетать.

Его твердая грудь плотно прижалась к моей спине, и я чувствовала, как она равномерно поднимается и опускается при каждом его вздохе. Невольно моё дыхание стало синхронизироваться с его. Равномерное сердцебиение Айзека отдавалось в моей груди, его ритм напоминал интенсивную барабанную дробь.

Он обвил свои сильные руки вокруг меня, словно боясь, что я исчезну, если он отпустит меня. Нежная, но в то же время собственническая хватка его рук создавала кокон безопасности и тепла. Контраст его крепких мускулов с мягкостью моей собственной послал волну мурашек по моей спине.

Айзек приподнял голову и прислонился ко мне.

— Ты наверно хотела, чтобы всё прошло более романтично? Прости меня, — его горячее дыхание обжигало мою щёку.

У меня не нашлось ответа.

— Но у нас есть сама вечность, чтобы прожить романтику, — рука Айзека скользнула ниже по моей руке и остановилась на бедре. — Скажем... мы можем поехать в Париж. Ты хотела бы поехать со мной туда?

Он потянул подол кофты вверх и продолжил проходиться по внутренней части моей бедра. Холодное прикосновение его пальцев заставили меня дрожать от предвкушения, и не в силах сдержать растущий огонь внутри, я издала тихий стон.

С хриплым шепотом он наклонился ближе, его теплое дыхание ласкала мочку моего уха. — Закрой глаза, любовь моя, и позволь мне загладить свою ошибку, — пробормотал он, и его голос был полон соблазнительного очарования.

Я послушно закрыла глаза, позволяя себе перенестись в мир желаний, где границы между реальностью и фантазией размыты.

— Я вижу, как мы заходим в очаровательный парижский ресторан. — начал он. — Мы немного опоздали. Я не мог оторвать руки от тебя, и мы не заметили, как время быстро пролетело.

Я чувствую, как он ухмыляется сквозь свои слова, заставляя меня краснеть.

— Нас посадили за небольшой столик с видом на улицу. Воздух наполнен насыщенным ароматом красного вина. Тихая классическая музыка играет на заднем плане, создавая идеальную атмосферу для романтического вечера, — тем временем Айзек запустил руку в мои трусики. Я слегка разжала ноги и ощутила трепет внизу живота. Малейшего прикосновения достаточно, чтобы заставить меня вздрогнуть.

— Мои глаза не могут насмотреться тобой, — я почувствовала, как что-то твёрдое и большое упёрлось ниже моей спины. — На тебе простой желтый сарафан. Но, блять, как же

хорошо, ты выглядишь, — голос Айзека срывается на стон, когда моя спина выгибается и вздрагивает, когда кончики его двух пальцев погружаются в меня. Я понимаю, что возбуждена намного больше, чем думала, когда слышу громкое хлопанье и заливаюсь краской лишь гуще. Влага внутри меня растет с каждым движением его пальцев.

— Ты внимательно изучаешь меню глазами, пока я глажу рукой твою ногу. Наш разговор наполнен смехом и легкомысленным флиртом, — продолжил он, в его голосе слышалось страстное желание. — Когда к нам подходит официант, ты пытаешься сделать заказ, но запинаешься, потому что моя рука поднимается выше и, дразня тебя, отвлекает внимание, — свободной рукой он прижимает меня к себе только сильнее, заставляя свою эрекцию впиваться в мою задницу плотнее. Когда его пальцы погружаются ещё глубже внутрь меня, я чувствую сильную пульсацию. Он находит клитор и нежно массирует его. Ощущения переполняют меня, я глубоко вдыхаю через рот, борясь с желанием ахнуть. У Айзека кончается терпение на медленные движения, и он находит более резкий ритм. С моих губ срываются тихие стоны по мере того как нарастает удовольствие. Пульсирующее ощущение распространилось от моего клитора к бедрам и разливается по всему телу.

— После ужина мы не остаемся на десерт, ведь у нас дома есть свой, — пробормотал он. — Как только мы выходим из помещения, я притягиваю тебя к себе и впиваюсь в твои губы... — я была не в состоянии слушать его дальше. Полностью выгнувшись, я судорожно дрожала от накрывающего меня удовольствия. Сжав подушку в руках, я стала кончать.

Внезапная усталость навалилась на меня, и я почувствовала, как слипаются мои глаза. Засыпая, я почувствовала еле ощутимый поцелуй на виске.

— Спокойной ночи, Кристал.

***

Когда мягкие лучи утреннего солнца мягко просочились сквозь занавески, заливая комнату теплым сиянием, я стала просыпаться и обнаружила, что не могу пошевелиться. Тяжёлая, мужская рука, лежавшая на мне, была этому причиной.

Айзек.

Я повернулась лицом к нему. Его лицо, безмятежное и умиротворенное во сне, казалось почти ангельским, с намеком на уязвимость. Нежная улыбка тронула уголки моих губ, когда я стала невольно восхищаться его видом. Аккуратно я скинула прядь волос, которая падала ему на глаза и заставляла морщиться.

Это была лучшая ночь за последний месяц.

Но, когда реальность нашей ситуации снова обрушилась на мое сознание, волна смешанных эмоций захлестнула меня, смешиваясь с остатками страсти, которую мы разделили прошлой ночью и безысходностью моей ситуации. Улыбка медленно сползла с моего лица.

И прекрасный принц превратился в жуткое чудовище у меня на глазах.

В моё сердце словно вонзили кинжал.

Неужели я у меня появились чувства к человеку, который похитил меня и держит против моей воли? Времени он делает отвратительные вещи, но в то же время он такой заботливый и чуткий.

Господи, только не это. Мне срочно надо выбираться отсюда, пока я окончательно не потеряла разум.

Игривая ухмылка Айзека тронула уголки его губ, когда он поймал меня за тем, что я пристально смотрю на него. Я так задумалась, что не заметила, как он проснулся.

— Мечтаешь о том, как убить меня? — спросил он хриплым голосом, потирая глаза.

Я напряглась, а потом поняла, что он всего лишь шутит.

— Хах! Пожалуйста. Если бы я замышляла твоё убийство, уверяю тебя, это было бы гораздо более изобретательно, чем просто мечтать.

Озорной огонек заплясал в его глазах, когда он привстал на локти и приблизился ко мне.

— Даже так? Тогда просвети меня, моя дорогая Кристал. Как бы ты поступила? Уже есть план?

Я откинулась назад, позволив застенчивой улыбке красоваться на моих губах.

— Ты думаешь, я буду заранее о своих планах говорить? Но я могу заверить тебя, что это будет подобно загадочной головоломке такой как ты сам.

Он усмехнулся и резко притянул меня к себе, чуть ли не заставляя меня падать на него.

— Ах, я надеюсь, ты приготовила что-то по-настоящему стоящее, — возбужденно прошептал он перед тем, как поцеловать меня.

***

Воздух был наполнен умиротворяющей тишиной, пока мы вместе наслаждались тихим завтраком. Аромат свежесваренного кофе смешивался с маслянистым ароматом выпечки, пробуждая во мне сильный аппетит.

Делая глоток густого, бархатистого кофе, я не могла удержаться и украдкой взглянула на Айзека. Было что-то странно манящее в том, как он сидел напротив меня, его присутствие привлекало внимание даже в самые простые моменты. Тонкая игра света и тени подчеркивала контуры его лица, подчеркивая острые углы и слабый намек на щетину, украшавшую линию подбородка.

Заметила бы я его где-то на улице?

Определенно.

Но я бы никогда не подумала, что мужчина, как он, заговорит со мной. У нас разные вкусы, мы бы даже не познакомились бы, что ж говорить об общении.

С каждым кусочком теплого хлеба с джемом я наблюдала, как он наслаждается вкусом, и его губы изгибаются в слабой улыбке удовлетворения.

Мы обменялись взглядами, и между нами возникло молчаливое понимание. Слова были излишни, поскольку мы находились в спокойствии.

— Мммм, какой невероятно вкусный кофе, — заметила я.

Он слегка наклонился вперед:

— У меня есть секрет, — пробормотал он, и его голос заинтриговал.

— Поделишься?

— Секрет его исключительного вкуса кроется в растопленном сливочном масле.

Я приподняла бровь, заинтригованная его неожиданным дополнением.

— Масло? Это интересный поворот. Я никогда раньше об этом не слышала.

Озорная усмешка тронула уголки его губ, когда он откинулся назад, наслаждаясь вызванной им интригой.

— Это традиционный вьетнамский кофе. Маленький трюк из прошлого, — объяснил Айзек. — Добавление в кофе немного растопленного сливочного масла усиливает его насыщенность и придает тонкий маслянистый оттенок аромату.

Разожженное любопытство заставило меня сделать ещё один глоток, позволяя вкусам смешаться на моем языке.

— Удивительно, как простое дополнение может превратить что-то обычное в нечто экстраординарное, — размышляла я, не отрывая взгляда от чашки, стоящей передо мной.

— Вьетнамский кофе — поистине сокровище, — согласился Айзек. — Существуют различные стили и техники, которые делают его по-настоящему интересным.

Он положил к себе в тарелку фруктов и продолжил:

— Например-ка, пхе суа да. Это классический вьетнамский способ приготовления кофе. Крепкий темный кофе медленно заваривается через металлический капельный фильтр, а затем заливается большим количеством сгущенного молока с сахаром.

Я кивнула, очарованная его описанием.

— Звучит интересно, — прошептала я, слегка проводя пальцами по краю своей кофейной чашки.

Хриплый смех Айзека наполнил комнату, посылая теплую волну по всему моему существу.

— Поверь мне, я тоже был не имел особый энтузиазм об этом вначале, — сказал он с оттенком ностальгии в голосе. — Во время моей службы в армии готовка не была моей сильной стороной. Мне было достаточно растворимого кофе и куска хлеба.

Игривая ухмылка заплясала на его губах, и я не могла не улыбнуться.

— А как же ты стал таким экспертом, тогда?

— Нет, я не эксперт. А вот мой сосед по комнате на то время, Харольд, был настоящим волшебником на кухне. Он мечтал стать кулинаром и экспериментировал любую свободную минуту, — Айзек сморщился. — Конечно, у него не всегда это хорошо получалось. В любом случае, у него всегда было что поесть. Многие ребята приходили и кушали у нас. Но все знали, что нельзя спрашивать про еду у Харольда, он мог уйти в истории блюда и без конца разговаривать.

Тихий вздох сорвался с моих губ, когда я представила себе юного Исаака, сидящего вместе со своими друзьями.

Я ведь о нём ничего не знаю толком-то.

— А что потом стало с Харольдом? Он смог стать поваром?

Айзек заметно напрягся.

— Его подстрелили.

— Я помню один случай на одном из уроков крестьянской этики, — начала я. — Мы все сидели в кругу, внимательно слушая нашу учительницу. В то время мне, должно быть, было около одиннадцати лет. Темой было раскаяние, и учительница объясняла, как важно прощать других точно так же, как мы сами ищем прощения.

Айзек склонился ко мне.

— Что случилось? — спросил он, охваченный любопытством.

Я тихо хихикнула, вспоминая дни полные беззаботности.

— Она решил проиллюстрировать прощение небольшой игрой. Она дала каждому из нас по маленькому листочку бумаги и попросила написать имя того, кого мы хотели бы простить. Затем мы должны были скомкать бумагу, символизируя избавление от обиды.

Губы Айзека изогнулись в нежной улыбке, его взгляд остановился на оживленном лице.

— И кого же ты записала?

— О, в то время я записал имя своего лучшего друга. У нас был глупый спор, не помню, из-за чего, и я подумала, что это прекрасная возможность проявить прощение. Но вот, что самое смешное: когда мы все скомкали свои бумаги и приготовились бросить их в маленькую корзинку в центре круга, одна девочка случайно бросила свой не туда и попала в чей-то открытый рюкзак.

Айзек усмехнулся.

— Итак, человек, чье имя было на бумаге, в итоге получил сюрприз, да?

Мы гуляли по лесу, и я поделилась ещё историями происшедших на уроках.

— Ох, уж ваши крестьянские ценности.

Я покачала головой. Я знала, что Айзек всего лишь шутит, но всё равно сказала:

— Ты недооцениваешь глубину и сложность христианства. Дело не в том, чтобы купить прощение или слепо поверить. Речь идет о том, чтобы обрести искупление, благодать и силу изменить свою жизнь.

Айзек приподнял бровь, на его губах заиграла скептическая улыбка.

— Слепые верующие... Ищущие утешения в объятиях невидимого божества. Скажи мне, Кристал, ты действительно думаешь, что несколько молитв и ритуалов могут отпустить тебе все твои грехи? Что ты можешь просто купить себе дорогу на Небеса?

— Нет, дело не в том, чтобы что-то покупать. Речь идет о признании наших несовершенств, поиске прощения и стремлении жить жизнью, полной сострадания и любви. Речь идет о том, чтобы найти надежду и цель в чем-то большем, чем мы сами.

— Надежда и цель? Разве ты не видишь, Кристал, это то, во что они хотят, чтобы ты верила. Они соткали паутину утешительных иллюзий, чтобы держать тебя в узде. Это не более, чем механизм контроля.

— Ты рассматриваешь это как контроль, но я рассматриваю это как освобождение. Чтобы обрести внутреннюю силу, нужно принять прощение и стремиться оказывать положительное влияние на мир. Вера дает мне чувство целеустремленности.

Айзек склонился ближе, его глаза сузились со смесью любопытства и вызова.

— Но как насчет противоречий, лицемерия внутри церкви? А как насчет зверств, совершенных во имя религии?

— Да, в истории были мрачные моменты, моменты, когда отдельные люди искажали

учения ради собственной выгоды. Но это не определяет истинную сущность веры. Это напоминание о том, что люди несовершенны, способны как на великое добро, так и на великое зло. Наша обязанность — искать истину и честно следовать основным принципам нашей веры.

Мы сели под тенью дерева, и Айзек посмотрел на меня с серьёзным видом.

— Ты действительно веришь в силу искупления, не так ли?

— Да, Я верю во вторые шансы. Верю в способность к переменам и росту. Это то, что дает нам надежду в наши самые мрачные моменты, напоминая нам, что нас определяет не наше прошлое, а выбор, который мы делаем, двигаясь вперед.

Он молча кивнул. Его лицо выражало что-то, что я не могла понять.

— Я знаю, как скептически ты относишься к религии, но иногда у нас есть только вера.

— Ты права. Иногда она может спасти, — ответил Айзек, искренне удивляя меня.

— Когда-то у меня был друг, — начал он, и в его голосе послышались нотки сожаления, — который оказался в когтях врага как физически, так и эмоционально. Это была ужасная ситуация, из которой не было очевидного выхода. Но то, что поддерживало его, что спасало его от отчаяния ситуации, было не просто его желанием выжить, но и непоколебимая вера в собственную жизнестойкость.

— У него не было никакой религиозной принадлежности, по крайней мере никакой структурированной доктрины, которой он мог бы руководствоваться, — на этой фразе его голос смягчился. — Но в те самые мрачные моменты он обнаружил что-то внутри себя: проблеск надежды, который был сильнее любых металлических цепей. Тогда он стал молиться про себя.

— Религия, в ее различных формах, обладает силой спасти жизни, — продолжил он. — Она дает утешение, чувство целеустремленности. Она может быть путеводной звездой в самые мрачные времена, давая надежду, когда кажется, что все потеряно.

Я потянулась, нежно погладив тыльную сторону его руки, предлагая молчаливое утешение, которое выражало моё понимание. Наши взгляды встретились, я поняла, что мужчина передо мной прожил больше жизней, чем я могла предполагать. В нём хранились истории, которых могло хватать на двоих.

За его загадочным фасадом скрывалась сложная душа, отягощенная прошлым опытом и ищущая смысл в мире, наполненном хаосом. Было ощущение, что он проживал случившееся с его другом сам. Может это был его брат? Или самый близкий друг? Что на самом деле хранит в себе случившееся?

***

Месяц назад.

— Я оставил тебе одежду на кровати, оденься потеплее, — сказал Айзек, набрасывая на себя куртку.

И перед тем, как скрыться за дверью, не давая мне ответить, он добавил:

— Мы идём гулять.

Неужели у меня есть шанс выбраться отсюда?

Я судорожно накинула на себя тёплую, лёгкую куртку и побежала вниз.

— Готова? — спросил Айзек, увидев меня.

Мой мимолетный оптимизм был разбит вдребезги, когда он достал собачий поводок и обмотал его вокруг моей руки.

— Что ж, а он ничего. Подчеркивает цвет моих глаз, — съязвила я, кривая улыбка

заиграла на моих губах.

И что же теперь делать?

Айзек усмехнулся.

— Да, Кристал, это последний модный тренд. Собачьи поводки для самых модных пленников. Тебе идёт!

Я не смогла удержаться и закатила глаза, во мне бурлила обида.

— Хммм, — продолжила я с грустным блеском в глазах, — а у тебя есть подходящий к нему ошейник? Я бы не хотела испортить этот модный ансамбль.

Губы Айзека изогнулись в улыбке, показывая его очаровательные ямочки.

— Я слышал, у них есть несколько прекрасных вариантов из кожи. Ты бы предпочла что-нибудь с шипами или что-нибудь с большим количеством побрякушек?

Я не смогла удержаться от смеха, и, хотя мне было больно, он сумел меня взбодрить даже в такой абсурдной ситуации.

Несмотря на ошейник, он всё равно взял меня за руку, и я была не против. Мы стали углубляться в лес, медленно прогуливаясь в тишине.

Какая же красота.

Солнечный свет просачивался сквозь густую листву леса, отбрасывая пятнистые тени на лесную подстилку. Звуки природы вокруг нас успокаивали нервы: шелест листьев при легком ветерке, отдаленным щебетанием птиц и сухие ветки, трещащие под ногами. Было так много разных оттенков зеленого, что глазу было сложно их отличать.

Высокие, величественные деревья достигали небес, их крепкие стволы стояли словно стражи этого заколдованного царства. Ветви, украшенные яркими зелеными листьями, иногда качались от ветра, развевая приятный порыв воздуха, наполненный свежим смолянисто-хвойный запахом.

Я рассматривала прекрасный пейзаж и иногда украдкой поглядывала на Айзека. Невольно глазами я обвела контуры его сильного телосложения. Его скульптурное телосложение было как греческая статуя, каждое сухожилие и мышца, казалось, были выточены руками желанья. При каждом движении его тело двигалось с плавной грацией, как у хищника, выслеживающего свою жертву. Темные взъерошенные волосы обрамляли его лицо, подчеркивая острую линию подбородка, а в его пронзительных глазах, похожих на глубокие таинственные озера, отражалась зелень, окутывавшая нас. Его губы, полные и манящие, обещали одновременно чувственное наслаждение и сильное доминирование. От него исходила опьяняющая аура уверенности, притягивающая меня, как мотылька к пламени. В его присутствии время, казалось, останавливалось, и мир становился незначительным, оставляя только нас двоих.

Мне хотелось прижаться к нему и почувствовать жар его тела на себе.

Господи, о чём же я думаю?

Покраснев, я быстро отогнала эти мысли.

Запах влажной земли и распускающихся цветов смешивался в воздухе, создавая пьянящий аромат. Прикосновение прохладных, покрытых мхом скал и случайное прикосновение листьев к моей коже будоражили меня. Я решила остановиться и, закрыв глаза, сделать сильный вдох.

— Когда ты ехала в Нью-Йорк, какие были твои планы? — спросил он тихо.

— Ты знаешь: я хотела стать экономистов и работать на крупную фирму.

— Я имел ввиду, может ты хотела сходить куда-то?

— Пожалуй... Шоу «Нет больше сна»!

— Про что это?

Я драматично вздохнула.

— Ты действительно не знаешь?

Он помотал головой.

— Это театральное представление, где нет зрителей! Они тоже участвует в игре. Тебя запускают в огромный шестиэтажный отель. Потом тебе выдадут игральные карты и разделяют на разные группы, — увидев заинтересованное лицо Айзека, я продолжила. — На сцене появляется девушка, одетая в стиле 20-30-х годов, и начинает вызывать «карты». Всем вручают маски, которые ни за что нельзя снимать. Дальше тебе покажут 15 персонажей из одного очень известного произведения. Из-за ограниченного времени лучше не пытаться погружаться во все, лишь выбрать несколько. А дальше ты будешь бегать по лестницам за актерами и перемещаться всей толпой из одного зала в другой, рассматривая комнаты или лица важные детали, чтобы понять суть происходящего.

— Звучит очень интересно. Откуда ты про него знаешь?

— Одна из девочек в детдоме стала театральной актрисой. Мы не были особо близкими подругами, но однажды, когда она приехала навестить, мы заболтались, и она рассказала.

Я проглотила ком в горле и улыбнулась.

Джолин. И какая разница, что она издевалась надо мной во время того, как она жила с нами, а как уехала, так стала божьим одуванчиком?

Искренне надеюсь, что она изменилась и не травит девушек в театре.

— Почему именно экономист? — спросил Айзек, прислонясь спиной к дереву.

— А что с этим не так?

На его лице заиграла загадочная ухмылка.

— Ничего, просто нынешняя молодёжь предпочитает больше сферу маркетинга.

— Ты сам не далеко ушёл, — сказала я, вспоминая, что Айзек сам был бухгалтером.

— У меня были свои причины.

— Я всегда думала, что стать экономистом — это "естественный" путь для меня. — ответила я серьёзно. — То есть, казалось логичным выбором, учитывая мои способности к цифрам и анализу. Но в последнее время я что-то начала сомневаться, действительно ли это то, чего я хочу, — прошептала я последнее предложение.

Айзек кивнул, не отрывая взгляда от горизонта впереди.

— Времена изменились, Кристал, — задумчиво произнес он. — В моё время наши судьбы часто были predeterminedены. Сформированы традициями и ожиданиями. Но сейчас, в эпоху бесконечных возможностей и безграничного выбора, от нас требуется найти своё призвание, словно это так легко.

— Вот именно! А что если я даже не знаю, чего я на самом деле хочу? — призналась я. — Есть так много путей на выбор, так много мечтаний, к которым нужно стремиться. Это обездвигивает, и иногда я чувствую себя парализованной страхом сделать неправильный выбор.

Глаза Айзека встретились с моими.

— Прелесть наличия выбора в том, что у тебя есть свобода исследовать. Это нормально, что прямо сейчас у тебя нет ответов на все вопросы. Важно то, что ты позволяла себе пробовать разные пути, чтобы найти по-настоящему интересную вещь. Тебе не обязательно делать определённый выбор сейчас.

— А какие причины были у тебя?

— Я закончил юрфак, но после армии не хотел этим заниматься. Поэтому, получив сертификат стал бухгалтером.

— Не жалеешь?

Он издал смешок.

— Нет. Работа была не рутинной, но и не тяжёлой тоже.

Видимо, он поймал мой недоверчивый взгляд и сказал:

— Кристал, я — это не ты. Тогда мне нужно было встать на ноги и пытаться восстановить нормальную послевоенную жизнь. Я был рад любой работе, — Айзек опустил взгляд и покачал головой улыбаясь. — Помнится мне, когда я только начал как помощник, наш главный пригласил меня сесть к нему за стол во время обеда. Он сказал: «Надеюсь ты не соскочишь, когда рутина загребёт тебя». А я в это время смотрел на стакан в своей руке и радовался тому, что в руках у меня обычный стеклянный стакан.

Удивляясь его такой откровенности, я и не знала, что ответить. Мы стали идти вперёд молча.

Несмотря на беззаботный фасад, я никогда не переставала искать возможность сбежать.

С каждым шагом я осматривала своё окружение, выискивая пути, которыми я могла бы воспользоваться. Мы были у берега речки.

Передо мной был Айзек. Мужественный и красивый. Интеллигентный и заботливый. И с каждым разом, мне становилось сложнее видеть в нём монстра, который мучает меня и играет со мной.

Цепь на обоих сторонах поводки была не такая и крепкая. А что, если резко дёрнуть, и она поломается?

Я резко побежала в противоположную сторону, поднимая руку как можно выше. Но я не заметила, что противоположной стороной была река. Страх охватил меня, сжимая ледяной хваткой моё сердце. Казалось, всё замедлилось и, приготовясь падать, я закричала.

Я сидела в коридоре и ждала, пока взрослые закончат говорить. Дверь была закрыта, но их можно было услышать.

— Она с нами уже несколько месяцев, но до сих пор не произнесла ни слова, — сказала директор детдома с ноткой беспокойности в голосе.

— А как насчёт общения с другими детьми? — видимо женщина покачала головой. — Может невербально? Скажем, играть в игры или что-то ещё?

— Нет, она всё время одна. Ребята приглашают её играть, дети всегда открыты к новым друзьям, но она не подаёт и реакции. Еле кушает раз в день.

— Вы же понимаете, что пережила девочка? Дайте ей время.

— Конечно-конечно! Я просто за неё волнуюсь!

— Вот и отлично. Спасибо вам большое за работу, которую вы проделываете.

— Да вы что? Всё ради деток.

— Ты можешь открывать глаза, — тихо прошептал Айзек.

Оказалось, что он быстро сократил расстояние между нами и шустрым движением притянул меня к себе, не давая упасть.

Айзек наклонился, приближая наши лица. Его дыхание было дразняще близко к моему уху.

— Хорошая попытка, Кристал, — прошептал он. — Неплохо, но над твоими навыками побега не помешало бы немного поработать.

— О, так ты теперь ты и эксперт по тактике побега? — возразила я. — Ты же любишь книги. Тебе следует написать об этом книгу. «Искусство плена: руководство по удержанию вашего пленника в узде» или «Сейчас или никогда: гайд по тому, как успешно убежать».

— Поверь мне, если бы я писал бы, эта была бы целая энциклопедия.

— И много жертв у тебя было? — спросила я, поднимая брови.

— Много раз бежал.

Всё произошло так быстро, что я и забыла, что пыталась убежать.

— Отпусти меня! — я стала вырываться из его крепкой хватки.

— Отпущу — упадёшь.

Меня стало бесить его самодовольная улыбка.

— Я презираю тебя! — я продолжала биться кулаками об его крепкую грудь.

— А мне кажется, что ты хочешь меня больше.

— Враньё! — меня покрыло густой краской.

Он громко вздохнул и отпустил меня.

Я чуть не упала в воду и быстро схватилась за его руку. Моё сердце бешено колотилось.

— Мы можем это проверить, — сказал Айзек, поднимая мой подбородок и наклоняя голову ко мне.

Он осторожно провёл пальцем по моей дрожащей нижней губе, его прикосновение было нежным, но и одновременно собственническим. Тепло его присутствия послало электрический разряд по моим венам, на мгновение лишив меня дара речи и совершенно сбив с толку. Время, казалось, остановилось, когда наши глаза встретились в пристальном взгляде, невысказанное напряжение между нами усиливалось с каждой секундой.

— У тебя такой острый язычок, Кристал, — пробормотал Айзек низким и хриловатым голосом. — Но это одни разговоры, и никаких действий.

Его слова повисли в воздухе, окутывая меня, как соблазнительное приглашение. Воздух потрескивал от предвкушения, пока я изо всех сил пыталась обрести дар речи, мой разум сотрясался от вихря противоречивых эмоций. Какая-то часть меня жаждала поддаться загадочному притяжению, которое он заставлял меня испытывать, в то время как другая часть боролась за сохранение контроля и сопротивлялась его магнетическому присутствию.

Я чувствовала тяжесть его пристального взгляда, его пронзительные глаза изучали каждую мою реакцию. Напряженность момента была одновременно захватывающей и нервирующей, хрупкий баланс между капитуляцией и вызовом.

Нарушив окутавшую нас тишину, я наконец сказала:

— Это настоящий вызов? — спросила я. — Или простая провокация?

Слабая улыбка заиграла в уголках его губ, его палец задержался на моей нижней губе, когда он наклонился, его теплое дыхание коснулось моей кожи. — Возможно, и то, и другое, моя дорогая, — пробормотал он шепотом, от которого у меня по спине пробежали мурашки.

Его прикосновения, его слова обладали надо мной властью, которая одновременно пугала и трепетала меня. И прежде, чем я смогла ответить, его губы впились в мои. Наши языки танцевали в страстном сплетении, исследуя друг друга с голодом, который не знал границ.

Мир вокруг нас растаял, оставив только опьяняющее единение наших тел и неоспоримое электричество, возникшее между нами. Его руки, твердые, но нежные, блуждали по моей разгоряченной плоти, заставляя меня гореть.

— Одна неделя, — прошептал он мне в губы.

— Что?

— Дай мне одну неделю, и, если я не изменю твой взгляд на мир, ты можешь уйти.

— Это ловушка? — спросила я прямо.

— Может быть, — ответил он бархатным шепотом, от которого у меня по спине пробежали мурашки. — А может и нет. Но я человек своего слова. Что сказал, то и будет.

Значит ловушка в чём-то другом.

— Я-я согласна.

— Тогда пусть веселье начнётся, — пробормотал он.

— Какой твой любимый десерт? — спросил Айзек.

Внезапное переключение внимания Айзека застало меня врасплох. Напряженность в его глазах сменилась озорным блеском. Он отстранился, оставив меня сбитой с толку резкой сменой направления.

— Ты сейчас серьезно? — ответила я, придя в замешательство.

Айзек усмехнулся, низкий, бархатистый звук разнесся по воздуху.

— Абсолютно, — сказал он, и игривая улыбка тронула уголки его губ.

— Хорошо, — ответила я. — Если бы мне пришлось выбирать, я бы выбрала брауни «Тройной шоколад».

— Хороший выбор. Тогда давай пойдем домой и приготовим его.

Что?

Что сейчас происходит?

Мы молча пошли домой. Всю дорогу Айзек держал меня за руку, но внезапно он её отпустил и пошёл в сторону. Я повернулась, чтобы посмотреть на него. Тогда я заметил, что его взгляд прикован к чему-то впереди.

Он пошёл вперед, а я за ним. Он стал срывать цветы. Нежные, только вышедшие бутоны. Мне оставалось только следить как тщательно он отбирал каждый из них.

Собрав букет ярких цветов, он повернулся ко мне, и на его губах заиграла очаровательная улыбка.

— Для тебя, Кристал, правда не такие красивые, как ты, — сказал Айзек, протягивая их мне.

— Они прекрасные, спасибо, — улыбаясь, ответила я.

Атмосфера внутри дома была наполнена предвкушением. Айзек двигался целеустремленно, собирая необходимые ингредиенты и посуду, в то время как я стояла там, наблюдая за каждым его движением. Он открыл интернет-браузер и решил найти рецепт, чтобы избежать провала.

— Смотри, вроде бы у нас есть всё, что нужно, и комментаторы довольны, — сказал Айзек, протягивая телефон мне. — Ты будешь читать ингредиенты, а я буду измерять.

— И так... Подожди, послушай... Это мой любимый рецепт брауни на протяжении уже вот более 40 лет. В 80-х годах моя одна знакомая из Германии, которой я привезла несколько кусочков брауни, и которая считала себя отличным кулинаром, попросила рецепт, но так и не смогла его приготовить. Она продолжала спрашивать меня, что она делает не так, и мы так и не смогли решить её проблему. В конце концов, она переехала в США и украла моего мужа, — прочитав до конца комментариев, я начала смеяться.

Айзек заразился моим смехом, и мы ещё долго не могли успокоиться.

Когда мы приступили к процессу смешивания ингредиентов, меня охватило странное чувство нормальности. Звон мисок и аромат шоколада наполнили воздух.

Пока мы отмеряли, помешивали и готовили тесто, мы смеялись и болтали. Я не смогла устоять перед искушением и окунула палец в тесто, пробуя на вкус. Удовлетворенный возглас сорвался с моих губ:

— Мммм, это уже очень вкусно! — воскликнула я.

— Я тоже хочу попробовать, — сказал Айзек с игривой ухмылкой, наклоняясь ближе ко

мне. Его губы повисли над моими, дразняще близко, но не совсем касаясь. Предвкушение послало по мне электрический разряд. Моё сердце забило быстрее в ответ.

Он наклонился, сокращая крошечный промежуток между нами и прикасаясь своими губами к моим в нежном, дразнящем поцелуе. Вкус шоколада смешался с теплом наших ртов, создавая опьяняющее слияние, от которого дрожь восторга пробежала по моему телу.

По мере того как поцелуй становился глубже, сладость превратилась в пламенную страсть, которая поглотила нас обоих. Айзек положил руки на мою талию и потянул меня к себе, заставляя ахать.

Он слегка отстранился, довольная улыбка играла на его покрасневших губах.

— Чёрт, он очень вкусный, — его глаза горели желанием, заставляя бабочек в моём животе порхать.

Когда таймер, наконец, издал звук, сигнализирующий о завершении нашего творения, мы побежали пробовать. С предвкушением мы принялись за тёплый десерт, смакуя каждый кусочек, несмотря на то, что он был слишком горячий.

И только потом, убирая стол, я поняла, что у меня в руках был его телефон и я могла что-то сделать.

Но как я это могла бы сделать? Времени было мало. К тому же, я обещала ему неделю.

Нет, я не сдалась. Я всё ещё хочу сбежать. Сбежать от него куда-то подальше.

Ведь так?

***

Когда мы с Айзеком углубились в лес, солнечные лучи, еле пробивающиеся сквозь густую листву, отбрасывали танцующие узоры на всё ещё не проснувшиеся мелкие цветочки на земле. Воздух был прохладным и ароматным, неся в себе напоминание о конце зимы. Наши шаги мягко ступали по покрытой мхом тропинке, создавая ритмичную мелодию.

Среди высоких деревьев, чьи ветви были покрыты мелкой росой, создавалась безмятежная атмосфера.

— Мы куда-то торопимся? — спросила я, потирая руками глаза и зевая.

Обычно для меня не было проблем просыпаться рано утром и заниматься делами, но, возможно, в связи с недавними событиями или из-за столь насыщенного свежего воздуха, мне не хотелось просыпаться.

Айзек нежно погладил меня по волосам и оставил поцелуй на лбу.

— Прости, я хотел встретить рассвет.

Я невольно пробормотала, сама не зная что.

Спустя тридцать минут ходьбы, я не выдержала и спросила:

— Мы уже на месте? — пробормотала я.

Солнце ещё не успело нагреть воздух, и я недовольно потянула горло свитера выше.

Айзек оглянулся через плечо.

— Терпение, моя дорогая. Ещё совсем немного.

Как он может быть таким бодрым и улыбчивым рано утром?

Я закатила глаза, но, тем не менее, последовала за ним.

После того, что показалось нам вечностью, мы наконец добрались до вершины горы.

— Клянусь, Айзек, если-

У меня перехватило дыхание, когда мои глаза увидели захватывающий дух вид, раскинувшийся передо мной. Вдалеке величественно возвышались горы, залитые мягким сиянием восходящего солнца. Вершины гор устремлялись к чистым небесам.

Внизу расстилалась речка, грациозной решимостью прорезающая раскинувшиеся долины и пологие холмы. Её лазурные воды отражали сияние солнца, создавая блестящую дорожку, которая уводила взгляд к далёким горизонтам.

С моих губ сорвался вздох, и все следы усталости испарились в одно мгновение. Красота, открывшаяся передо мной, была не чем иным, как внушающей благоговейный трепет. Утренний туман изящно танцевал над горным склоном, рисуя неземную картину, которая казалась прямо из сказки.

Я стояла, как вкопанная, забыв о своих предыдущих жалобах. Зрелище было настолько завораживающим, что, казалось, будто время на мгновение остановилось только для нас. Яркие оттенки оранжевого и розового окрасили небо, и я не могла не быть очарована абсолютным величием всего этого.

Айзек привстал ко мне сзади и закинул свои руки на мои плечи. Его взгляд был устремлён к панораме.

— Неплохо, да? — пробормотал он, и в его голосе прозвучала смесь удовлетворения и триумфа.

Я повернулась к нему, и широкая улыбка украсила мои губы.

— Восхитительно.

Я чувствовала ровный ритм его сердцебиения у себя за спиной. Аромат его одеколona смешался с землистым ароматом леса, создавая опьяняющую смесь, которая окутала нас обоих. Наслаждаясь нежным ощущением, когда его дыхание щекотало моё ухо, посылая мурашки по моей спине, я откинула голову ему на грудь.

— Ты голодная? — спросил он.

— Очень.

Айзек отошёл от меня, открывая свой рюкзак. Он торжественно вручил мне два аккуратно завернутых бутерброда и бутылку свежего сока.

— Ну-ну, разве ты не полон сюрпризов? — я усмехнулась, глядя на восхитительные угощения в его руках.

— Стремлюсь угодить, — ответил он, и в его голосе слышался сарказм.

Я приняла сэндвич с насмешливым одобрителем кивком.

— Ты действительно знаешь путь к сердцу человека: через его желудок.

Айзек ухмыльнулся.

— Значит я на правильном пути?

Я откусила кусочек сэндвича, наслаждаясь вкусом долгожданной еды.

— Ну... Я имею в виду, кто бы не захотел отправиться в романтическое лесное приключение?

— Что ж, в таком случае, мне придется усилить свою игру и в следующий раз приготовить пир достойный королевы. И глядишь, ты сама захочешь здесь остаться.

— Только ради еды?

— Я могу смириться с этим.

Я хихикнула, наслаждаясь атмосферой. Нежный шелест листьев и отдаленное щебетание птиц создавали безмятежный фон для приятного завтрака.

Когда мы сидели там, окутанные красотой природы, я знала, что этот пикник навсегда запечатлится в моей памяти.

А я могла бы действительно привыкнуть к такому.

После завтрака мы стали убираться за собой и стали идти обратно вниз.

— Итак, каков наш план? — спросила я.

— Какой план?

— Ты знаешь, что у нас была сделка на 7 дней?

— И?

— И я думала, что нам придется что-то делать? Ты будешь меня учить своей скучной философии и так далее? — я говорю.

Он смеялся, заставляя мое сердце биться чаще.

— Что? — спросила я, улыбаясь.

— Может быть, я просто хотел провести с тобой время? — он остановился, а затем повернулся ко мне и обхватил ладонями мое лицо.

Я приподняла бровь, озорная усмешка заиграла в уголках моих губ.

— Просто проводить время?

Он нежно поцеловал меня в лоб.

— Да, мой драгоценный камень. Но сначала давай вернёмся к... как ты там её назвала? «Скучная философия»? Она не такая и скучная, когда я её принимаю.

Глаза Айзека потемнели, когда его руки отпустили моё лицо, чтобы обхватить меня за талию и притянуть к себе. Я не смогла удержаться от улыбки.

— Неужели?

Он наклонился вперед, и его горячее дыхание коснулось моего уха, посылая мурашки по моей спине. — Ну, дело не только в теориях и концепциях. Важно ещё практическое применение, — прошептал он, и его голос был полон соблазнительного очарования.

Я наклонила голову.

— Практическое применение, говоришь? Пожалуйста, просвети меня, — ответила я, кусая нижнюю губу.

— Всею своё время, куколка.

Я положила руки на его крепкие плечи. Наше дыхание было тяжелым, и я почувствовала, как ускоряется моё сердце, когда губы Айзека коснулись чувствительной кожи моей шеи, оставляя по пути следы из пламенных поцелуев. Его рука проскользнула вниз, посылая электрические искры по моим венам.

Айзек оторвался от моей шеи и хрипло прошептал мне на ухо:

— Только представь сколько разного видел этот лес, — он укусил меня за мочку уха, — но то, что у нас... Не видел никто.

Я выгнула спину, и с моих губ сорвался тихий стон, жажда большего от его прикосновений.

— Айзек, — выдохнула я, пытаюсь сопротивляться, но явно провалилась.

Чарующая улыбка заиграла на его губах, когда его руки крепко сжали мои ягодицы, заставляя меня дрожать от предвкушения. Его прикосновения были сладкой пыткой, дразня и возбуждая самыми коварными путями.

Он прошептал голосом, пронизанным желанием:

— Кристал, я думал, что смогу испытать тебя... Я и не знал, что моё собственное желание будет таким сильным. Я сдаюсь перед тобой. Я хочу поселиться в самых глубоких уголках твоей души, — после этих слов он впивается в мою шею яростным поцелуем, заставляя меня вскрикнуть. — Ты моя, Кристал. — Прошептал он свирепо в мою кожу. — Каждый сантиметр твоего тела, каждый вздох, каждый выдох, твой страх и желание — всё принадлежит мне. Ты принадлежишь мне, и я не могу отпустить тебя.

— Я не могу... — мои слова перешли на еле слышимый шёпот.

Я не могла противостоять ни ему, ни своему желанию.

— Это не правильно, — слёзы стали формироваться на моих глазах.

Как же я могла ему позволять такое поведение? Он похитил меня!

Хватка Айзека усилилась, и его прикосновение было одновременно собственническим и волнующим. — Ты можешь врать себе, любовь моя, — прорычал он, поднимая голову. — Но не мне. Наши тела жаждут друг друга, Кристал. Отрицать это значило бы отказывать себе в нужде.

Свободной рукой Айзек прошёлся по изгибам моего позвоночника, доходя до груди, возбуждая каждый нерв, оставляя меня бессильной под его прикосновением плоти.

— Нет, Айзек-

И перед тем, как я могла закончить своё предложение, он впился своими губами в мои безжалостным поцелуем, от которого у меня перехватило дыхание. В этот момент всякое сопротивление рухнуло под тяжестью его неистовой страсти, оставив меня совершенно сбитой с толку и бессильной.

Он нагло впустил свой язык ко мне в рот, задевая зубами мою нижнюю губу. Когда его губы, наконец, отпустили мои, сказал:

— Ты отрицаешь, потому что не можешь принять правду. И это пугает тебя, не так ли? То, как я поглощаю тебя, то, как я разрушаю каждую твою защиту.

Я затаила дыхание не в состоянии найти нужных слов.

— Чёрт. Ты уже под моей полной властью.

— Нет, я... Мне нужен воздух, — я попыталась отстраниться, но крепкая хватка Айзека не давала и сдвинуться с места.

Поздно, он уже в моей голове.

— Ты можешь бороться сколько угодно, Кристал, — выдохнул он мне в губы, его голос был низким рычанием, которое отдавалось эхом по всему моему телу. — Но правда остается правдой.

От его слов у меня по спине пробежала дрожь, осознание его власти надо мной поселилось глубоко в моих костях.

Я изо всех сил пыталась отдышаться, пока я боролась с противоречивыми эмоциями, бурлившими внутри меня. Часть меня яро шла против его доминирования, стремясь к свободе. Но другая часть: часть, которую я не осмеливаюсь признать, часть, которая предавала, она, которая была сломана с самого начала, жаждала Айзека, она хотела остаться в его объятиях и разрешить ему делать всё, чего он пожелает.

Я вступила в опасный контакт с мужчиной, который знал, как владеть и подчинять, наслаждаясь своим контролем. И несмотря на рациональный голос в моей голове, предупреждающий меня о последствиях, та самая грязная часть меня побеждала, желая его доминирования и освобождения, которое приходит с отказом от контроля.

Собрав все силы, чтобы встретиться с ним взглядом, я процедила:

— Какой же ты жалкий... Ты взял меня к себе, поиграть со мной, как с куклой? И что? Реальный мир не принял тебя, и ты решил создать свой собственный? Позволь мне напомнить тебе, что в происходящем нет ничего реального. Все это видимость, игра, в которую ты играешь, чтобы заполнить пустоту в своем собственном существовании, — мои слова были нацелены на него, но они одинокого били и по мне.

В глазах Айзека промелькнул намек на что-то более глубокое, возможно, проблеск

уязвимости, который на мгновение пробился сквозь его уверенный фасад. Но он быстро восстановил самообладание, в его голосе звучала опьяняющая смесь силы и желания.

— И ты здесь, являешься, тем, кто адекватно оценивает, что реально, а что нет? Кристал, — пробормотал он низким и соблазнительным голосом. — Как ты сама отметила, это мой мир, и всё, что ты сейчас делаешь, это просто идёшь по моему плану.

Волна гнева захлестнула меня, и я встретила с ним взглядом, отказываясь отступить.

— Ты думаешь, что держишь меня под своим контролем, но не забывайся: в тот момент, когда игра закончится, я уйду, не оставив после себя ничего, кроме воспоминаний о твоей мимолётной победе.

Губы Айзека изогнулись в хитрой улыбке, когда он притянул меня за подбородок. Его глаза потемнели, посылая мурашки по моему телу.

— Хорошо, но помни: я не единственный, кто запутался в этой паутине. А грань между игрой и реальностью? Все гораздо более размыто, чем ты думаешь.

В момент осознание пронзило меня. Для того, чтобы вырваться из хватки этого безжалостного дьявола, потребуется нечто большее, чем просто сила воли.

Но сейчас я просто сдаюсь.

— Ненавижу тебя, так сильно, насколько могу. Ненавижу, ненавижу.... — прошептала я сквозь стиснутые зубы, слезы смешивались с отчаянием в моем голосе. Противоречивые эмоции внутри меня яростно борются, разрываясь между отвращением и извращенным стремлением к его прикосновениям, когда он сжал меня в своих руках, но не для того, чтобы усмирить, а чтобы просто обнять.

Его сильные руки, такие нежные и приятные в своих действиях. И вновь, словно всего этого не произошло. Были лишь Айзек и Кристал, которые понимали и любили друг друга. И ничего лишнего.

Но мои слова были враньём, конечно. Ведь себя я презирала больше.

Я выгнула спину, прижимаясь к нему всем телом, чувствуя твердые очертания его груди и рельефные мышцы живота. Айзек стянул с меня трусики и отбросил в сторону, одновременно снимая свои брюки с себя. Он поднял меня, и моя спина уперлась в дерево. Я скрестила ноги вокруг его талии, пытаюсь удержаться.

Айзек снова перешёл к моей шее, нежно покусывая и посасывая её, посылая разряды удовольствия, только усиливая боль между моими бедрами.

Я притянула его за волосы к себе, и мои ногти впились ему в спину, оставляя кровавые следы.

— Пожалуйста, я не могу больше терпеть, — в полустоне прошептала я.

Его руки стали ласкать чувствительную плоть моих бедер, раздвигая мои ноги шире, чтобы войти. С моих губ сорвался вздох, смешавшийся с его именем в мольбе о большем.

Время перестало существовать, и, когда он начал двигаться, я почувствовала, как вся эта первобытная боль исчезла и меня охватило невероятное удовольствие.

Его медленные и аккуратные толчки стали быстрыми и грубыми. Увеличивая темп, его губы прильнули к моим. Он вонзал свой длинный член глубоко в меня снова

и снова. Вцепившись в него сильнее, я застонала ему в рот, на что он ответил безжалостным поцелуем.

Воздух был насыщен пьянящим ароматом нашей страсти, смешивающимся со звуками наших затаенных стонов и произнесенных шепотом слов Айзека:

Ты такая влажная...

Разве ты не видишь, что я делаю с тобой?

Блять, мне недостаточно тебя...

Как же мы идеально подходим друг другу...

Ты всё, что мне нужно...

Наши тела двигались в синхронном ритме. Каждый толчок, каждое прикосновение приближали нас к краю. Наши крики экстаза смешались, эхом разносясь по лесу.

Когда я стала достигать своего пика, я застонала:

— Айзек, я сейчас кончу.

Он тоже был близок.

Наши тела содрогнулись в унисон, удовольствие прокатилось по мне, как волна. Измотанные, мы прильнули друг к другу, затаив дыхание. Айзек поцеловал меня нежным, мягким поцелуем, пока его сперма растекалась по моим ногам.

***

Мы возвращались домой и, найдя уютное местечко под тенью дерева неподалёку, устроились поудобнее. Усталость от нашей вспышки страсти улетучилась, сменившись чувством спокойствия и умиротворения. Прислонившись спиной к стволу дерева, я вздохнула, мой взгляд бесцельно блуждал по яркой листве вокруг нас. Засмеявшись абсурдности моей ситуации, я сказала:

— Что вообще происходит? Я ничего не понимаю, уже даже отказываюсь и пытаюсь. И ничего не имеет смысла.

Наверное, в этом была и проблема с Айзеком, я говорила ему, что чувствую, я признавалась, что устала от него, и всё же я не чувствовала угрозы. Я знала, что он не станет мне лгать и что даже в момент, когда мне понадобится, чтобы он был просто Айзеком — он будет настоящим.

Айзек повернул голову, чтобы посмотреть на меня.

— Если смысла нет, это значит, что ты имеешь свободу наполнить любим смыслом, каким хочешь.

Я на мгновение задумалась над его словами, позволяя им осмысляться.

— Но что, если я сделаю неправильный выбор, истолковывая его не верно?

Айзек протянул руку, его пальцы переплелись с моими, нежно глядя вверх.

— Жизнь — это путешествие, полное открытий. Ошибки и обходные пути неизбежны, но они также являются возможностями для роста. Надо принимать их, потому что именно они делают твою жизнь уникальной и красивой. К тому же, если в момент то, что делал показалось правильным, значит оно таковым и было. Всё настолько относительно, что возможно и не стоит понимать и вчитываться во всё ради правильного шага.

Мы могли говорить о разных вещах, но это далеко не значило, что он не может понять о чём я говорю.

Некоторое время мы сидели в уютной тишине, которая иногда нарушалась шелестом листьев и редким щебетанием птиц. Время, казалось, замедлилось, и наслаждаясь моментом, я откинулась на плечо Айзека.

Мы решили провести ужин на улице, поэтому после лёгкого обеда я пошла спать, а Айзек занялся своими делами.

Когда вечернее солнце опустилось за горизонт, заливая лес теплым сиянием, мы начали готовить ужин. Айзек готовил мясо на костре, а я делала салат. Иногда он комментировал и пытался объяснить процесс.

— Даже и не пытайся, если когда-нибудь займусь этим процессом, я не то, что лес сожгу, весь город.

Он засмеялся.

— Не стоит быть столь критичной. Я уверен: при желании можно научиться.

К тому времени пока мы сели кушать, наступила крошечная тьма. Мелодичный хор стрекочущих сверчков создавали ритмичный фон, в то время как поднявшийся ветер трепал листья, создавая шум, смешанный с отдалённым уханьем сов. Я хотела убраться и отнести тарелки внутрь, как Айзек меня остановил.

— Не так быстро, есть ещё кое-что.

Айзек побежал домой и принёс пакет зефира. Увидев это, я не смогла сдержать улыбку.

— Лучше быть не может.

Он радостно протянул мне длинную металлическую шпажку, на кончик которой уже был насажен зефир, готовый к поджариванию.

Мы устроились на паре потертых, но удобных бревенчатых сидений, поставленных рядом с потрескивающим камином. Мягкое потрескивание пламени сливалось с нежной симфонией природы.

Я наблюдала, как Айзек ловко нанизал на вертел свой собственный зефир и подержал его над огнем, от жара мягкий зефир постепенно превращается в клейкое лакомство. Сладкий аромат наполнял воздух, смешиваясь с землистым запахом окружающего леса.

Айзек налил щедрую порцию своего любимого виски к себе в кружку, а затем предложил и мне. Янтарная жидкость поблескивала в свете огня, соблазняя меня своим богатым и сложным вкусом. Он подмигнул и жестом предложил мне сделать глоток, и, на удивление нас обоих, я приняла напиток.

Когда виски коснулось моих губ, тепло разлилось по моему телу, дополняя успокаивающее действие огня. Ароматы танцевали у меня на языке, переплетаясь со сладостью поджаренного зефира. Это был момент чистого наслаждения, контрастирующие вкусы и текстуры сладкого зефира и крепкого дымчатого привкуса алкоголя создали интересное вкусовое сочетание.

— Чёрт! Так хорошо, что танцевать хочется! — сказала я, закрывая глаза блаженно.

Мерцающее пламя отбрасывало играющие тени на наши лица, подчеркивая нежный блеск в глазах Айзека. Он стал что-то усердно искать в телефоне и вскоре заиграла музыка.

С улыбкой он протянул мне руку, растопырив пальцы в приглашении, перед которым я не смогла устоять.

— Ты серьёзно?

— Да.

Отпустив стакан с рук и чувствуя, как действие алкоголя разливается по моим венам, я хихикнула и взяла его за руку, позволяя ему отвести меня на небольшое открытое пространство посреди дикой природы. Мягкая лесная подстилка обнимала наши ноги, когда мы покачивались в такт музыке, наши тела двигались синхронно. Моя голова стала приятно кружиться.

Потерявшись в этом мгновении, мы кружились, и наш смех смешивался с опьяняющими мелодиями, которые окутывали нас. Ночь, казалось, исчезла, оставив только нас двоих, погруженных в наш собственный мир. Лунный свет пробивался сквозь деревья, отбрасывая нежные тени, которые танцевали рядом с нами, добавляя очарования нашему импровизированному танцу, который вскоре перестал быть похож на танец.

Рука Айзека, лежавшая на моей пояснице, легко вела меня в под ритм. Наш смех эхом разнесся по лесу, радостная симфония, которая гармонировала с мелодиями джаза, создавая крещендо чистой эйфории.

В тот момент не имело значения, что мир был наполнен хаосом и неопределенностью. Не имело значения, что мы были связаны независимыми от нас обстоятельствами. Все, что имело значение, — это ощущение, которое мы разделяли — что нам хорошо.

Пока играла музыка, наши тела двигались, кружась под звездным небом. Танец был пьяный и возможно совершенно не под такт, но разницы сейчас не было.

Когда мелодия подошла к концу, танец замедлился, тела мягко остановились. Наше дыхание смешивалось в прохладном ночном воздухе, и я чувствовала тепло, исходящее от прикосновения Айзека.

С нежной улыбкой он наклонился, и его губы коснулись моего лба в нежном поцелуе.

— Мой драгоценный камень, ты сияешь ярче, чем звезды.

Мама выглядела обеспокоенной.

— Я очень боюсь, что же мы будем теперь делать? — её голос дрожал.

Отец сидел возле неё, нежно глядя тыльную сторону её рук.

— Аннабель, всё будет в порядке. Я обещаю тебе.

Изначально мне не спалось, и я хотела прийти к родителям, но услышав их разговор, не доходя до двери насторожилась и не осмелилась зайти.

— Как же ты не понимаешь! Он был упрямым с самого детства и не отставал, пока не добивался своего. — мама запнулась на последних словах и стала плакать.

— Успокойся, милая, подумай о ребенке. Тебе нельзя так напрягаться, — он встал со своего места и обнял её со спины.

И хотя папа звучал твердо, его лицо отображало другое.

— Я и думаю о нём! И о Кристал! А что, если с нашими детьми что-то случится? У меня плохое предчувствие.

— Всё будет хорошо, милая. Просто доверься мне.

Мне стало не по себе.

***

Месяц назад.

Я проснулась со слезами после плохо сна и потянулась включить свет, но ничего не смогла нащупать. Я моргнула несколько раз и встала, чтобы включить свет. Дезориентированная и поглощенная темнотой, я не сразу поняла, что находилась в спальне Айзека. Удушающая тишина обхватила меня, посылая мурашки по спине. Слышалось лишь стучащееся сердце. Когда пришло осознание, волна паники прокатилась по моим венам.

Только не снова. Как я снова оказался в этой зловещем помещении?

Нет. Пожалуйста, только не это.

— Айзек! — закричала я и побежала бить по стенам, чтобы привлечь его внимание.

Луч света пробился сквозь густую тьму, когда дверь со скрипом отворилась. Моё сердце бешено колотилось в голове. Я напряглась, пытаясь разглядеть появившуюся фигуру. Это был Айзек.

Ярость затуманила моё видение.

Его присутствие вызвало прилив адреналина, который прошёлся по мне с ног до головы. Я чувствовала исходящее от него злобное возбуждение, трепет, вызванный психологическими мучениями, которые он мне причинял. Что он запланировал на этот раз? В какую отвратительную игру он втянул бы меня? Что, блять, сейчас?

— Я думала мы покончили с этим?

Его губы искривились в ухмылке.

— Ну как же... Кто-то же хотел практическое применение? Уже забыла?

— Я не имела это ввиду, сукин ты сын! — непроизвольно я сжала руки в кулаки.

Я хочу убить его. Задушить этого урода голыми руками.

— Вижу гнев в твоих глазах, идеально.

Медленными шагами Айзек приблизился ко мне. Звук его шагов эхом отдавался в пустом пространстве, усиливая напряжение в воздухе. Я стала отходить назад. Обычно меня возбудил бы этот голод в его глазах. Я бы прижалась к нему и выпила всё, что он мне мог

дать, потому что за последнее время он стал всем, что мне нужно было. Он затуманил мне голову и остановил поток кислорода. Но сейчас в этот момент я почувствовала новое дыхание.

Перед глазами всё расплывалось.

Нет. Я не чувствую происходящего, только та ночь.

Кристал, дыши. 1.2.3. Вдох. Выдох. 1. Длинный вздох. 2. Держи в себе. 3. Быстрый выдох. Теперь наоборот. Черт, эти пять лет терапии и ноль результата.

Меня уже здесь нет. И снова я опять там. В своей детской под кроватью. Я не знаю сколько времени прошло, но наконец я решаюсь выйти из своего убежища. И словно я вижу это в первый раз, боль пронзает меня прямо в сердце.

Мой самый любимый человек. Самые теплые объятия. Самый сладкий голос. Самые нежные руки. Нету. Вместо этого лужа крови.

— Не смей подходить ко мне! — закричала я, что есть мочи. — Слышишь!

Он пытался схватить меня, но я убегала, не давая поймать меня, хоть ничего и не видела. Несмотря на моё сопротивление, сила Айзека оказалась непреодолимой, и он без особых усилий поймал меня. Его хватка усилилась вокруг моих запястий, удерживая меня с железной решимостью. Мои попытки вырваться были тщетны, они были ничем по сравнению с его доминирующим присутствием.

— Полегче, детка, — прошептал Айзек, и в его голосе послышались нотки азарта.

Рядом с ним я стала возвращаться в реальность. Уголки его губ изогнулись в лукавой улыбке, наслаждаясь властью, которую он имел надо мной. Бешенное сердцебиение, трещащее в голове, подпитывал мой гнев и разочарование.

— Да пошел ты! — я сплюнула, когда он завязывал мои руки.

Я отказывался поддаваться его садистским играм, даже когда темнота комнаты угрожала поглотить меня. Даже когда мне хотелось просто упасть на колени и расплакаться.

— Я восхищаюсь твоим духом, — пробормотал он низким и опасно соблазнительным голосом, пока покончил с моими руками и ногами. — Но не принимай свое неповиновение за силу. Ты в моей власти, моя дорогая. Сопротивление только усиливает удовольствие от игры. И пора тебе об этом напомнить.

От его слов у меня по спине пробежал холодок, смешанный с извращенным чувством предвкушения. Сила притяжения между нами создавала опьяняющее напряжение, пробуждая запретное желание, которое одновременно отталкивало и манило меня.

Когда ему, наконец, удалось завязать мне глаза, он взял меня на руки и посадил на стул.

Лишенная зрения, я обострила все остальные чувства. Каждый звук, каждый вздох, казалось, усиливался, и я чувствовала, как на меня давит тяжесть неизвестности. Моё сердце бешено колотилось в груди, постоянное напоминание об опасности, в которой я оказалась. Меня захлестнула волна уязвимости.

— Всё это было частью твоего плана?

— Каждая часть.

Даже не видя, я знала, что он самодовольно улыбается.

Я попыталась скрыть боль, которую он мне причинил, и лишь тихо всхлипнула.

— И что ты собираешься сейчас делать?

Внезапно тишину разорвал оглушительный выстрел. Моё тело сотрясилось от страха. Звук эхом разнесся по комнате. Леденящее напоминание о власти, которую Айзек имел надо мной.

Голос Айзека, полный властности и угрозы, прорезал темноту.

— Ты будешь говорить только когда я скажу. Поняла?

— Д-да.

Меня парализовало.

— Скажи мне, Кристал, — прошептал он, находясь где-то вблизи. — Что ты прячешь?

Страх крепко сжал меня, сдавливая грудь и затрудняя дыхание. Я знала, что должна была подчиниться, должна была поделиться самыми темными сторонами себя, чтобы выжить. Но внутри себя я молила, чтобы это было недопониманием. Что он хотел от меня совершенно другое.

— Ничего.

Тяжесть его ожиданий навалилась на меня, заставляя обнажить свою душу в этом жутком театре его творения. Выстрел.

— Враньё.

— Что-то случилось с тобой в детдоме? Нет, не то, — видимо он читал по выражение моего лица и подбирался близко. Слишком близко. — До этого! Бинго.

— Нет! — закричала я.

В этот раз выстрел был совсем близко к моей голове. Я слышала непрерывный звон в правом ухе.

— Кристал, почему ты попала в детдом?

— Пожалуйста, Айзек...

Я почувствовала, как что-то холодное тронуло мой висок. Дуло пистолета.

— Кристал, последний шанс.

Дрожащими губами я сказала:

— Застрелили. Вначале отца. А-а-а... а потом и беременную мать. Она спасла меня...

Вот и всё. Я призналась. Обнажив незаживающие раны, которые преследовали меня во сне и наяву. Секрет, который угрожал поглотить меня изнутри. Каждое слово повисало в воздухе, натянутое между нами, как невидимая нить.

Когда я излила свою самую мрачную правду, легче не стало. Меня просто развернули наружу.

Я была раздета догола, больше, чем просто обнажена перед Айзеком, выставляя осколки моей души на показ. Всё, что у меня было.

Он медленно убрал повязку с моих глаз, заставляя меня встретиться с его пронзительным взглядом, устремленный на меня.

— Ты счастлив? Получил, что хотел? Маньяк грёбанный! — я стала барахтаться, вопить и плакать.

Я хочу уйти.

— Кристал, почему ты винишь себя?

— Отстань от меня! — в этот момент я сама не узнавала свой голос.

— Почему ты винишь себя?

У меня перехватило горло, и я изо всех сил пыталась подобрать нужные слова. Как я могла объяснить гложущее чувство вины?

— Потому что я оставила дверь открытой! Потому что выжила!

— Они бы все равно пришли, — сказал он, и его голос прорезал темноту. — Это никогда не было твоей виной, Кристал. Ты не можешь нести бремя выбора каких-то кретинов.

— Но я выжила! Я выжила, а они нет!

— Кристал, в этом нет ничего постыдного. У тебя есть право жить, обрести счастье и продолжить новый путь. Это не уменьшает ни любви, которую ты испытывала к ним, ни боли, которую ты испытываешь.

Руки Айзека обхватили меня, притягивая в объятия, которые казались одновременно защитными и успокаивающими, заставляя меня плакать лишь сильнее.

— Ты здесь, Кристал, и только это важно, — прошептал он, его дыхание обжигало мое ухо. — Твоё выживание является свидетельством силы, стойкости человеческого духа. Почти их память, живя полной жизнью, которая приносит тебе радость. Подумай о них, разве им было бы приятно знать, что их единственная дочь упивается болью всё оставшуюся жизнь? Сделай родителей счастливыми, чти их память жизнью, которую они заслуживали. Смейся во их имя, радуйся вспоминая о них. Не дай им умереть, умирая самой. Ты единственное, что может продолжить их жизнь.

Боль. Боль. Сплошная боль.

— Я не могу... — прошептала я, мой голос был едва слышен на фоне его отчаянных мольб.

— Ты можешь, Кристал! Ещё как можешь! Ты просто нашла утешение в своей боли, но в глубине души ты знаешь, что это не то, чего они хотели бы для тебя. Ты боишься двигаться дальше, боишься принять жизнь без постоянной боли от их отсутствия. Но ты должна спросить себя, действительно ли это та жизнь, которую они хотели бы для тебя?

Его слова эхом разнеслись по комнате, отдаваясь в глубинах моей души. Я почувствовала, как рушится мое сопротивление, стены, которые я возвела вокруг своего горя, медленно уступают место проблеску надежды.

Голос Айзека стал громче, наполненный силой его убеждения. — Ты должна выбрать жизнь, Кристал. Ты в долгу перед ними, перед самой собой и перед любовью, которую ты разделяла с ними.

— В тебе есть сила, Кристал, — продолжил он, теперь его голос звучал успокаивающим шепотом. — Ты перенесла невообразимую боль, и эта сила — твой дар. Пришло время высвободить её, обуздать и проложить путь к исцелению.

Я чувствовала, как его слова проникают в мою душу, разрушая стены, которые я возвела вокруг своего горя.

— Избавься от чувства вины, любовь моя, — умолял он, его взгляд был полон нежности. — Ты не несешь ответственности за их судьбу. Их любовь остается запечатленной в твоём сердце, и их дух продолжает жить в тебе.

Слезы текли по моему лицу, смесь печали, облегчения и вновь обретенной решимости. Айзек оставил несколько быстрых поцелуев, пытаясь предложить комфорт и покой.

Я покачала головой в знак согласия, пытаясь быстро закончить этот разговор.

— А что насчёт мести? Сделала бы она тебя хоть чуточку удовлетворённой?

— Да, — тихо ответила я, не желая осознать это.

— Вот и хорошо, — сказав это, он достал спичку и свечку. — потому, что поверь, мой нежный ангел, мы сделаем это.

— Как?

— Доверься мне, я принесу их к твоим ногам.

Наши взгляды встретились и увидев твердость в его прекрасных голубых глазах — я поверила.

Одинокая слеза покатила по моей щеке.

Он развязал мои руки и зажег свечку.

— Потяни одну руку вперед.

— Зачем? — спросила я.

— Просто доверься мне, — прошептал он.

Я на мгновение заколебалась, мерцающее пламя отбрасывало танцующие тени на его лицо. Но что-то в его взгляде, что-то грубое и неотразимое, побуждало меня повиноваться.

Айзек медленно приблизил свечу, пламя огня отбрасывало теплый отблеск на его мужественно красивое лицо. Он наклонил свечу, позволяя расплавленному воску растекаться и капать завораживающим каскадом темно-красной жидкости.

У меня перехватило дыхание, когда первая капелька упала на мою кожу, её тепло распространилось по моему плечу. Ощущение было ужасно неприятным.

— Ай! — закричала я, пытаюсь убрать руку, но Айзек схватив её, не дал мне этого сделать.

Прикосновение Айзека повторило путь воска, его пальцы нежно скользили по моей обнаженной плоти. Каждое прикосновение посылало мурашки электрического возбуждения по моему телу, усиливая огненные ощущения, которые уже бушевали во мне.

Айзек продолжил держать свечу в горизонтальном положении и воск стекал, образуя замысловатые узоры на моей коже. С каждой каплей волна жара и странное чувство удовольствия захлестывало меня, толкая все дальше в глубины наслаждения.

Комната, казалось, пульсировала энергией свечи. Я закрыла глаза, теряясь в водовороте ощущений, смеси жара и прохлады, удовольствия и боли.

Голос Айзека, чуть громче шепота, достиг моих ушей: — Почувствуй это, любовь моя. Отпусти контроль и погрузись в настоящий момент. Отдайся огню, который течёт по твоим венам.

Его слова, такие повелительные, но и в то же время наполненные нежностью, заставили меня дрогнуть. Неожиданно Айзек взял меня за волосы и притянул к себе. Его зубы впились в мою нижнюю губу со смесью голода и похоти. Я ахнула в удивлении, позволяя его языку проникнуть мне в рот и завладеть им с неистовым голодом. Его поцелуй был собственническим и требовательным. Я инстинктивно отдалась ему, не в состоянии сопротивляться.

— Единственный способ избавиться от боли — это заменить её другой, — прошептал он мне в губы, перед тем как отойти. — Ложись на пол. На спину.

— Может сначала развяжешь мне ноги?

— Доползёшь, — его тон был холодный и грубый, словно его подменили.

Я медленно наклонилась на пол, всё ещё надеясь, что он передумает, и сделала как велел.

— Молодец, — ответил он и, встав на колени, наклонился надо мной.

Пламя отразилось в глазах Айзека, когда я почувствовала, как его вес присоединился к моему на полу. Он склонился надо мной с хищной улыбкой на лице, его взъерошенные волосы ниспадали мягкими волнами, обрамляя точеное лицо.

Он выглядел так чертовски хорошо, что мне самой хотелось впитаться в его полные и манящие губы, которые изогнулись в дьявольской улыбке, посылая электрический разряд по моему телу.

Господи, почему такой ужасный человек должен был быть таким горячим?

И тут я почувствовала первые несколько капель на моей одежде.

Только сейчас я заметила, что на мне было платье. Платье из моего гардероба, которое я купила незадолго до переезда.

Материал стал воспламеняться.

— Решил сжечь меня? — Спросила я, пытаюсь казаться спокойной.

— Нет, пока.

В платье образовалась большая дыра и я зажмурила глаза от страха, чувствуя жар. Айзек подул на него и затушил. Одним лёгким движением он порвал мою одежду надвое, оставляя меня в одних трусиках. Я выдохнула, понимая, что всё это время держала дыхание.

Айзек туго связал мои руки над головой, чтобы я не могла ими двигать. И теперь уже расположил свечу над моей голой грудью. Кап. Воск был достаточно горячим, чтобы я вздрогнула, но не обожглась. От страха я сидела как статуя, в своих оковах, боясь двинуться. Он подержал свечу вертикально несколько секунд, заставляя меня ждать следующих расплавленных капель.

Кап. Ещё одна капля, прямо на мой левый сосок.

Кап. Кап. Кап. Затем три медленные капли между.

Когда накоплений стало много, они начали стекать вниз. Айзек мастерски управлял этим горячим дождем, не позволяя ему менять направление их движений.

— Дыши, Кристал, — сказал он хриплым голосом.

Сдаваясь и потихоньку привыкая к острому ощущению, я закрыла глаза и позволила ему. Он осветил свечой основание моей шеи, проходясь по линии посередине, между грудями. Айзек обводил мои изгибы горячим воском, каждый из которых был искрой боли, сопровождаемой распространяющимся теплом и пьянящим приливом адреналина.

Я стала непроизвольно стонать, по мере того как капли падали на чувствительную кожу. И каким-то образом, в промежутках между моими собственными звуками, я слышала, как Айзек восхищается своей работой, издавая прерывистое мурчание:

— Мммм, как же ты красивая, Кристал.

Он внезапно переместился вниз.

Сразу после этого последовал дождь из капель, сначала на моё левое бедро, затем на правое. Айзек наклонил свечу так, что, когда падали следующие капли, они останавливались внизу моего живота прежде, чем остыть. Я извивалась от каждого шквала капель и чувствовала, как мое собственное возбуждение разливается внутри меня, хотя не хотела признавать это.

С небольшим порывом прохладного воздуха я почувствовала, что он действительно отпустил мои трусики вниз, полностью обнажая меня. Айзек стал провоцировать меня, он позволил горячему воску пролиться вдоль моей талии, сверху, но не доходя в мою промежность. Его дразнящая игра заставила меня сильно возбудиться.

Мне нужен был он. Я хотела его внутри.

Словно чувствуя моё разгорячившееся желание два его пальца скользнули внутрь без предупреждения, и я совершенно непроизвольно выгнула спину в ответ на его действия. Я открыла глаза и увидела его ухмылку. Айзек сделал несколько движений, и только я смогла насадится на них, он вытащил свои пальцы из меня и положил их себе в рот.

— Мне так нравится вкус твоего отчаяния и желания. Такой сладкий и такой мой.

— Единственный отчаявшийся здесь ты.

Он задул свечу и наклонился надо мной, чтобы поставить её рядом. Когда он

наклонился, я почувствовала, как его эрекция сквозь материал брюк коснулась моего бедра. Я подняла на него глаза и прикусила нижнюю губу.

— Ты права, я тут очень сильно нуждаюсь в тебе, — сказал он, заставляя меня краснеть.

С этими словами он снова переместился между моих ног и опустил свою похотливую ухмылку между моих бедер. Он оставил несколько поцелуев внизу живота, два пальца скользнули внутрь меня, и снова моя спина выгнулась от удовольствия. Чёрт, он слишком хорош. Однако на этот раз, когда мои бедра приподнялись, Айзек не стал играть и сразу прильнул ко мне. Когда его язык коснулся моего клитора, по мне пробежала сильная дрожь. Моё тело не могло решить, хочет ли оно выгнуться дугой наружу или свернуться внутрь от невероятной стимуляции, и это не имело значения, потому что я не могла сделать ни того, ни другого. Я могла только отдаться волнующим ощущениям, когда его пальцы сжимали мою чувствительную точку.

— Ты всё, что мне нужно. — прошептал он, и его язык стал нежно ласкать мой клитор, уделяя ему всё нужное время. Айзек делал это в определенном ритме, он то прерывался, время от времени покусывая меня и заставляя дёргаться и посылая по мне мурашки, то был аккуратен и медленен. Он дразнил меня, зная какой эффект это имеет на меня. Я потеряла контроль над собой, лишь чувствовала, как напряглись и расслабились мышцы живота и как я перестала останавливать свои стоны и крики.

Я стала чувствовать, как подхожу к краю.

— Только, когда я скажу. — строго ответил Айзек остановившись.

— Пожалуйста! Я не могу больше терпеть, Айзек. — я вздохнула. — Пожалуйста! — с каждым разом я становилась все громче, все отчаяннее просила разрешения кончить, и всё больше сомневалась, смогу ли я дольше сдерживаться, если не получу разрешения. — Господи, как же сильно я хочу тебя убить!

На что, он укусил меня, заставляя вскрикнуть.

— Козёл. — простонала я.

С рычанием, которое отдавалось у моего клитора, он сказал:

— Давай, детка, кончи.

Я чувствовала приход оргазма всем своим телом, сжавшись насколько сильно мне позволяли это веревки.

— Айзек... — я напряглась так сильно, что мой голос оборвался.

Только когда волны моего оргазма утихли, я снова смогла сделать вдох. Тяжелый, прерывистый выдох, который быстро перешел в учащенное дыхание.

Айзек встал на колени и посмотрел на дело своих рук с гордым и довольным видом. Он тоже был красный и запыхтевший, и, когда я подняла на него глаза, он облизал губы.

— Моя хорошая девочка, — сказал он ухмыляясь.

Я почувствовала, как дрожь пробежала у меня по спине от его слов, и я знала, что он мог видеть, какой эффект он производил на меня. Он склонился надо мной, прижимаясь к моему полностью покрытому воском телом и запечатлевая поцелуй на моих губах. Айзек развязал мои руки и протянул воду. Я стала жадно пить, пока он поддерживал моё все ещё слабое тело.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да.

— Хорошо, — он стал быстро развязать мои ноги и как только он покончил с ними, то встал и отошёл, — тогда можешь вставать.

Я сделала, как он сказал.

— Кристал, всё это время ты хотела уйти отсюда.

— Я всё ещё хочу! — упрямо ответила я.

— Отлично, потому, что, — Он взял пистолет и кинул мне в ноги. — у тебя появился шанс.

— Как это?

— Так, как ты это понимаешь.

— Эта какая-то шутка? — ответила я с недоумевая.

— Я похож на клоуна? — глазами он показал ружьё.

— Нет, нет. Я не буду этого делать.

— Кристал, взяла пистолет в руки живо! — прорычал он и стал идти на меня.

Я посмотрела на него, ища хоть какую-то подсказку. Ярость Айзека проявлялась в его пронзительном взгляде, его глаза горели интенсивным огнем, который, казалось, мог сжечь меня заживо. Его брови нахмурились, образовав глубокие складки на лбу, в то время как челюсть была сжата. Так же, как и кулаки. Его ноздри раздувались при каждом резком вдохе, как будто он вдыхал само пламя своей ярости. Его губы, обычно такие мягкие и манящие, сейчас были сжаты в тонкую линию. Каждое его движение было наполнено опасностью.

В тот момент Айзек был бурей, которая могла одним движением вызвать разрушение.

И вот опять жестокое возвращение в реальность.

Смотря на Айзека, что-то действительно не по себе стало.

Айзек стал ускорять свой шаг, и я в панике схватила пистолет и направила на него.

Глаза Айзека встретились с моими, его взгляд был непоколебим.

— Кристал, если ты действительно хочешь освободиться, сделай это.

Я посмотрел на оружие, ощущая его тяжесть в своих ладонях. Моё сердце бешено колотилось, разрываясь между желанием бросить ему вызов и нездоровым любопытством к тому, что будет значить нажать на курок. Комната, казалось, сомкнулась вокруг нас, удушая меня своей напряженностью.

— Я не могу.... — слёзы навернулись на мои глаза от страха.

— Пристрели меня, Кристал, — настаивал он. — Этим действием ты восстановишь свою силу, доказав себе, что ты больше не пленница.

Во мне бурлил водоворот эмоций. Я увидела вызов в его глазах. Смогу ли я набраться смелости, чтобы бросить вызов своей неуверенности в себе и противостоять боли, которая так долго держала меня в плену?

Нет, я не убийца.

Я так и сказала.

— А заложница ли ты? Жертва ли ты?

Держа пистолет дрожащими руками, тяжесть слов Айзека глубоко запала мне в душу.

Со смесью страха и решимости я подняла пистолет, целясь Айзеку в сердце. В комнате воцарилась тишина, время, казалось, остановилось. Каждая клеточка моего существа сомневалась в разумности этого поступка, и всё же вновь обретенная сила разлилась по моим венам.

Но если я это сделаю, то наконец покончу с этим ужасом.

Месяц назад.

Как только мой палец начал сжиматься на спусковом крючке, меня захлестнула волна сомнений и осознания. Я не могла этого сделать и поэтому опустила пистолет вниз.

Глаза Айзека горели яростью, когда он опустился передо мной на колени.

— Может быть, я и сильный человек, Кристал. Сильный телом и разумом. Но, когда дело касается тебя, я совершенно слаб. Твое прикосновение обладает силой уничтожить меня и забрать весь контроль из моих рук.

Руки Айзека обхватили мои руки, и его пальцы переплелись с моими. Айзек приставил оружие к собственной голове.

— Почувствуй тяжесть этого, Кристал, — пробормотал он, хриплым и низким рычанием, которое эхом отдавалось во мне. — Это сила, которую я отдаю тебе. Возможность покончить со всем этим.

У меня перехватило дыхание, когда я уставилась на открывшуюся передо мной сцену. Да, я осознавала происходящее, но сейчас словно что-то щёлкнуло у меня в голове, и реальность ощущалась гораздо резче.

— Я не могу... — прошептала я, мой голос был едва слышен, сердце бешено колотилось в груди. — Я не могу этого сделать, Айзек. Это не выход.

Он крепче прижал пистолет к голове, дрожь пробежала по моему телу.

— Можешь, ещё как можешь. Ты держишь мою судьбу в своих руках, Кристал, — признался он, его голос был напряжен от смеси отчаяния и тоски. — В этот момент я в твоей власти, и это и есть выход.

Голос Айзека сочился опасным очарованием, его глаза впились в мои с такой силой, что у меня по спине побежали мурашки. Воздух потрескивал от электрического напряжения, причудливого танца между желанием и трепетом. Одинокая, еле заметная в этом тусклом свете, слеза покатила по его щеке.

— У тебя есть сила покончить со всем этим, Кристал, — прошептал он, и в его голосе слышалась мольба и прощение. — Одно нажатие на спусковой крючок, и точка поставлена.

У меня сильно кружило голову.

— Ты думаешь, это единственный выход? — возразила я, мой голос дрожал. — Ты хочешь поиграть в эту опасную игру, Айзек? Играть с жизнью и смертью?

Глаза Айзека сузились, кривая усмешка расплзлась по его лицу.

— О, Кристал, — промурлыкал он. — Игра с огнем может быть довольно увлекательной, тебе не кажется? Этот трепет от танца на грани опасности... Опьяняющий прилив адреналина... К тому же, меня здесь ничего не держит.

Я крепче сжала пистолет. Его слова были провокационным вызовом, побуждавшим меня сделать шаг.

А как же я? Хотелось мне спросить. Как же я? Неужели он мог так легко бросить меня? Втянуть меня в этот кошмар, а потом просто уйти?

Он выглядел таким уязвимым, но что-то в его глазах твердило обратное. Он не попятился, не вздрогнул при виде направленного на него пистолета. Вместо этого он стоял на своем, его пристальный взгляд пронзал мою решимость насквозь, и, стоя перед дулом пистолета, он является намного сильнее, чем я.

— Ты прав, Айзек, — ответила я. — Эта игра, в которую мы играем, где один неверный шаг может означать конец... Но, чёрт тебя побери, мой палец на спусковом крючке. Слышишь? И я без колебаний пушу его в ход.

— Мой драгоценный кристалл, я никогда и не сомневался в тебе, — его голос так и сочился самоуверенностью и насмешкой. — Но будь осторожна, играть со мной — все равно что с дьяволом. Ты можешь держать пистолет, но, что ты с ним сделаешь, контролирую я.

Я чувствовала сердце в горле и нарастающую тошноту.

— Ты пытаешься испытать меня, Айзек? Чтобы подтолкнуть меня к краю пропасти и посмотреть, не рухну ли я? Что ж, я не доставлю тебе такого удовольствия.

Он недовольно цокнул.

— Всё слишком просто. Зачем так усложнять? Один выстрел решит всё. Нажми на курок, Кристал, — подстрекал он. — Давай, сделай это, и мы посмотрим сколько правды в твоих словах.

Я не позволю ему сломить меня.

Быстрым и неожиданным движением я взмахнула пистолетом со всей силы, целя удар в лоб Айзека, но он молниеносно увернулся. Оружие просвистело в воздухе, едва не попав в цель, и звук его удара о стену эхом разнесся по комнате.

От того человека, с которым мне было так хорошо ночью, не осталось и следа. Теперь Айзек был противником.

— Это то, чего ты хотел, Айзек? — прошипела я сквозь стиснутые зубы. — Чтобы бросить мне вызов, спровоцировать меня? Что ж, ты получил то, о чем просил.

Я потянулась сделать удар, но он опередил меня, хватаясь за мою руку и заставляя упасть на пол. Айзек пересилил меня и навис надо мной. Его рука обхватила моё запястье, не давая мне ударить снова. Я боролась с его хваткой, но он был неумолим, с легкостью одолевая меня. Я обнаружила, что прижата к нему тесно. Его тело находилось над моим, и наше дыхание смешивалось в накаленной атмосфере.

— Кристал, и это всё? — он усмехнулся, в его глазах появился блеск. — Я ожидал от тебя большей борьбы. Давай, покажи мне, на что ты действительно способна.

— Поверь мне, Айзек. Я только начинаю. Мы же никуда не торопимся? Я собираюсь насладиться муками, которые я навлеку на тебя.

Наша борьба усилилась и каждый из нас отчаянно стремился одержать верх.

— Хотелось бы на это посмотреть.

— Ох, ты не только это увидишь,

Когда он прижал меня к себе, его горячее дыхание коснулось моего уха. Опасность этого момента разлилась по моим венам, обостряя мои чувства и разжигая запретное желание.

— Удиви меня, малыш, — хрипло прошептал он.

— Не говори мне, что делать!

Его губы изогнулись в лукавой улыбке, в глазах вспыхнула смесь возбуждения и вызова.

С приливом решимости я нанесла быстрый удар ему в грудь, стремясь ослабить его хватку на мне. Но рефлексy Айзека были молниеносны, и он быстро перехватил мои руки в середине удара.

Его глаза впились в мои, опасный огонь горел в его взгляде, который заставил меня попробовать еще раз.

— Неплохо, — на его губах заиграла лукавая улыбка.

Я сжала челюсти от злости и попыталась изогнуться всем телом, пытаясь вырваться из его хватки.

Я чувствовала жар его дыхания на своей коже, его грудь поднималась и опускалась с каждым затрудненным вдохом. Близость была удушающей, наэлектризовывающей. Грань между пылающей ненавистью и чем-то большим становилась размытой, и мне было сложнее концентрироваться.

— Это ещё не конец! — я сказала, старательно выравнивая сбившееся дыхание.

— Конечно, всё только начинается. Ведь ты никуда не уйдешь, Кристал, — пробормотал он низким голосом. — Я тот, кто решает, когда это закончится.

От его слов у меня по спине пробежала дрожь. Наши глаза встретились, и на короткое мгновение напряженность между нами стала ощутимой, как будто мир вокруг нас превратился в ничто.

Вздых сорвался с моих губ, когда боль пронзила меня насквозь, разжигая внутри яростный огонь. Я обрушила шквал ударов, целясь в любое уязвимое место, которое смогла найти, оставив видимые следы на его коже. Звук соприкосновения плоти с плотью эхом разнесся по комнате, прерываемый редкими вздохами или кряхтением. Синяки и царапины уже украшали наши тела. Заряжаясь только сильнее, я последовала быстрому удару ногой, целясь ему в бок.

Я отказалась сдаваться. Отказывалась принимать его слова за правду. Поэтому, собрав в кулак всю свою силу, я дернула бедрами, используя элемент неожиданности, чтобы застать его врасплох. Внезапное изменение действий заставило Айзека на мгновение потерять бдительность. Теперь я уже не пользовалась силой, а скоростью и гибкостью.

Быстрым и плавным движением мне удалось вырваться из его хватки и ускользнуть от него, и сейчас настала моя очередь быть сверху, и, оседлав его с новообретенным чувством власти, я схватила его руки и прижала к полу. Это был мой момент расплаты, мой шанс захватить контроль.

Торжествующая улыбка заиграла на моих губах, когда я посмотрела на него сверху вниз. Роли поменялись местами, и я испытывала удовлетворение от того, что преодолела, казалось бы, непреодолимое.

Воздух затрепал от предвкушения, когда я наклонилась, мои губы зависли всего в нескольких сантиметрах от его.

— Какого это, Айзек? Ощутить тяжесть моей победы?

В его глазах промелькнула смесь восхищения и гордости, неоспоримая химия между нами разожгла пламя, которое угрожало поглотить нас обоих.

— Чертовски сладко, — он попытался закрыть расстояние, между нашими губами, но я отпрянула.

Звонкая пощечина эхом разнеслась по помещению. Голова Айзека дернулась в сторону, и его щека покраснела от силы моего удара.

— Я ненавижу тебя! — я закричала, слова вырывались из глубин моей души. — Я чертовски ненавижу тебя, ублюдок!

Слезы текли по моему лицу, смешиваясь с потом и грязью, которые покрывали всю меня. Вся эта борьба истощила меня физически и эмоционально, оставив сломленной и уязвимой.

Медленная улыбка заиграла на его губах, в глазах горела смесь веселья и желания. — Черт возьми, Кристал. Ты ещё более очаровательна, когда злишься.

Я устала на него, смесь разочарования и влечения струилась по моим венам. — Не смей наслаждаться этим, — прошипела я, мой голос сочился ядом. — Ты извращенный, манипулирующий ублюдок, и я не позволю тебе забыть об этом!

Выражение лица Айзека ожесточилось, в его глазах промелькнуло что-то темное. Он протянул руку, его пальцы коснулись ожога на щеке в том месте, куда ударила моя рука.

Я сжала кулаки. Моё сердце бешено колотилось в груди.

— Ох, Кристал, — пробормотал он. — Я не забуду.

Мне было совершенно не по себе и плача, и крича, я стала колотить его в грудь, пытаюсь унять боль.

— Ненавижу! Ненавижу! Н-

И затем, в разгар моей истерики, руки Айзека обхватили меня, притягивая в свои объятия. Как же мне сейчас это нужно было. Его прикосновение было одновременно нежным и твердым. Я рухнула на него, зная, что всегда могу найти комфорт в этих сильных объятиях. Моё тело безостановочно дрожало от смеси усталости и облегчения.

— Я не хочу любить тебя, — прошептала я. — Но почему-то я не могу это остановить.

Объятия Айзека крепче сжались вокруг меня, и он заговорил, его голос был наполнен нежностью и теплом:

— Я тоже, Кристал, — пробормотал он, и его слова прозвучали как нежное признание.

Я уткнулась лицом в изгиб его шеи, ища утешения в его присутствии. Его прикосновение разожгло во мне вихрь эмоций, битву между моим сердцем и разумом, с которой я не могла легко примириться.

— Ты можешь думать обо мне, что хочешь, но признай, что всё, что я сделал, тебе нужно было. — продолжил он, его голос был успокаивающим и таким душевным.

— Почему из всех способов выбрал такие экстремальные? Нельзя было так к психологу записать или в тир отвести? — всхлипывая, спросила я.

За долгое время он искренне засмеялся, заставляя меня улыбнуться.

— Мы оба знаем: это для тебя не сработало.

И то правда.

Пальцы Айзека нежно коснулись моей щеки, вытирая случайную слезинку.

— Кристал?

— Да?

— Отрицание чувств не заставит их исчезнуть. Это только оставит тебя с пустотой, которая никогда не сможет быть заполнена. Ты же знаешь, это всё, что я сделал, чтобы помочь тебе? Я бы никогда не причинил тебе боль специально.

Только глупец поверил бы его словам. И я была именно этим глупцом.

— Господи, как же болит моя голова, — прошептала я, игнорируя его комментарий.

— тебе нужно поспать. — ответил Айзек, глядя меня по волосам.

— Мне что-то и в правду хочется спать.

— Я знаю, это диазепам и золпидем, которые я тебе дал. Не смотри на меня так.

— У меня просто нет слов.

— Пойдём, искупаешься и пойдёшь спать.

Я была слишком уставшей, чтобы сопротивляться, поэтому, когда он встал и протянул мне руку, я взяла её. Он снял свою футболку и протянул её мне.

— Зачем?

— Чтобы тебе холодно не было.

***

После того как я протерла себя более литром масла, наконец-то, ни капли воска на мне не осталось.

Тем временем Айзек наполнил ванну, и комната покрылась теплым туманом. Ванная была залита мягким светом мерцающих свечей, отбрасывающих танцующие тени на стены.

Я погрузилась в воду, ощущая, как напряжение медленно покидает мое тело. Аромат лаванды наполнял воздух, успокаивая мои чувства и погружая меня в состояние умиротворения. И когда я закрыла глаза, отдаваясь моменту, то почувствовала присутствие Айзека рядом со мной.

Он осторожно погрузился в воду, усаживаясь напротив меня. Жидкость обволакивала его фигуру, подчеркивая контуры его тела, словно произведение искусства. Капельки воды, прилипшие к его бронзовой коже, мерцали в мягком свете, придавая ему неземное очарование. Я прикусила нижнюю губу.

В нем была какая-то дикость, неукротимый дух, который манил меня и заставлял каждый раз попадать на его удочку.

Глаза Айзека, завораживающего темно-синего оттенка, были устремлены на меня. В них сверкала смесь желания и нежности. Он провёл рукой по волосам из-за чего влажные локоны прилипли ко лбу, придавая ему слегка взъерошенный вид, что только усиливало его суровую привлекательность.

Я вернула ему такой же взгляд, проходясь глазами по его широким плечам, рельефной груди и мускулам, которые прятались за водой.

Наши ноги случайно соприкоснулись. Тепло его кожи, прижатой к моей, вызвало дрожь предвкушения во мне. Его присутствие всегда туманило мне голову.

— Как тебе вода? — спросил он.

— Хорошо.

Пальцы Айзека выводили изящные узоры вдоль изгиба моей руки, его прикосновение заставляет мои волосы вставать дыбом. Когда он подвинулся ближе ко мне, мышцы на его руках и груди напряглись, подчеркивая его мужественные формы и очертания татуировок.

Его рука нежно провела дорожку вдоль моей ключицы. Подушечки его пальцев коснулись моей кожи, оставляя за собой шлейф покалывающих ощущений, заставляя меня желать большего.

Я перевела свой взгляд на него, и наши взгляды встретились.

— Ты такая красивая, — прошептал он, словно боялся спугнуть момент.

Наклонившись, он прижался губами к чувствительной коже моей шеи, его дыхание было теплым и дразнящим. Дрожь пробежала по моему телу, заставляя ощущать холодок. Я почувствовала, как его губы изогнулись в игривой улыбке на моей коже, молчаливое признание того эффекта, который он произвел на меня, когда я покраснела.

Его пальцы скользнули вниз по моей руке, оставляя за собой дорожку из мурашек.

Мягким, но решительным движением руки, Айзек приподнял мой подбородок, соединяя наши губы в долгом поцелуе. Его вкус, дразнящая смесь сладости и страсти. Наши губы двигались совершенно синхронно в танце языков, нуждаясь в друг друге.

Руки Айзека, сильные и властные, свободно блуждали по моей спине, исследуя каждый изгиб и впадинку с голодом, который отражал мой собственный. Не в состоянии больше сдерживаться, он грубо взял меня талию и притянул к себе.

— Мне нужно больше тебя, — сказал он, оставляя поцелуй на моей щеке.

— Почему ты тогда просто не позвал меня на свидание? — горько спросила я.

Его губы продолжили путь вдоль линии моего подбородка, оставляя дорожку из обжигающих поцелуев, от которых по моим венам побежали волны желания. Приятный запах мыла смешивался с пьянящим ароматом его одеколona.

Его дыхание щекотало мне ухо.

— Притворяться милым и вообще пытаться быть кем-то, кем я не являюсь? Я не люблю врать, ты знаешь. В свиданиях в начале знакомства нет смысла.

Его губы снова встретились с моими с животным желанием.

— Нет, тебе не нужно было бы врать. Просто быть собой, — возразила я и откинула голову назад, давая ему разрешение на дальнейшие прикосновения.

— Ага, и как ты себе это видишь? Посмотри на меня, — он слегка отсранился и взял моё лицо в свои руки. — Девушка, у вас невероятные глаза. Так и заставляют меня тонуть в них. Можно вас трахнуть? — я ударила его в плечо и недовольно скрестила руки у груди.

— Хей, я только пошутил, — он стал тыкать в меня, вызывая щекотку и заставляя меня распуścić руки. Большим пальцем, Айзек погладил тыльную сторону моей ладони. Простой жест, который говорил о многом.

— Ты знаешь об эксперименте Патнэма «Двойная земля»? — я покачала головой, и он продолжил: — В нем предлагается идея параллельной вселенной, где существуют все возможные исходы. Это концепция, которая предполагает, что не важно какое название ты дашь вещи, это всё равно одно и то же. Мы сломленные люди, наши шрамы, складываясь вместе, как кусочки пазла, соединяются воедино, но мы тоже дойдём до нашего счастливого конца, просто своим путём.

— Почему ты думаешь, что у нас будет счастливый конец? Точнее он будет счастливый потому, что мы разойдёмся и будем счастливы. Поодиночке, — мои собственные слова резали мою горло, заставляя сердце кровить.

Его губы нежно прижались к моему лбу, оставляя теплый след.

— Ты действительно думаешь, что заслуживаешь какого-то сопляка, который тебя не понимает? Хороший не значит правильный. Потому что я знаю, что ты заслуживаешь намного большего, мой драгоценный камень. Ты жаждешь острых ощущений и огня. И это именно то, что даю тебе я.

Меня бесила его самодовольная улыбка, то, как хорошо мне было с ним, а самое большее, что он был прав.

— Ты прав. Я заслуживаю большего. Не того, кто заставит меня ходить по кругам ада, чтобы дойти до рая. А того, кто принесёт рай к моим ногам.

Он укусил меня ниже ключицы, заставляя вскрикнуть от неожиданности.

— Что это за рай, который бросают к ногам? К тому же, к нему ты была бы явно не готова. Ад имеет причины существовать. Пока ты не очистишься, ты не сможешь насладиться им. И я взял тебя, чтобы помочь, а не из-за собственного интереса, — Айзек остановился, его поцелуи опустились ниже к груди, а затем он продолжил: — всё, что случилось потом, произошло незапланированно.

— И что ты собираешься с этим делать? Уверена, у тебя есть какой-то замысловатый ответ на то, как справиться с вспорхнувшими чувствами.

Он остановился и поднял свой взгляд на меня.

Месяц назад.

— Доброе утро, — сказал Айзек, оставляя поцелуй на моей щеке.

Спросонья я лишь улыбнулась и забрала стакан горячего кофе из его рук.

Всё, что случилось вчера, словно и не было. Я прошлась рукой по волосам, закидывая их назад, чтобы они не лезли на глаза, и уставилась на Айзека. Он открыл дверь печи, и запах свежей выпечки просочился наружу.

— Ты приготовил круассаны?

Он засмеялся, качая головой.

— Купил их утром в пекарне и решил согреть.

— В пекарне?

Он порезал свой горячий круассан на двое и стал мазать его шоколадным маслом.

— Да. У нас заканчивались продукты, и я поехал в город. Начинай кушать пока не остынет, — ответил он, спокойно выпивая свой кофе.

Я раздражённо отодвинула свою тарелку.

— Айзек, что происходит?

— Мы завтракаем?

Я закатила глаза.

— Ты не можешь просто усыпить и связывать меня, чуть не пристрелить, а потом готовить мне завтрак, словно ничего не было.

— Ты голодная, вот и злая, — ответил он, пожимая плечами.

Я громко вздохнула, понимая, что Айзек не собирается мне отвечать. После завтрака мы уселись на диване, я взялась дочитать книгу, которую он читал мне в прошлый раз, а сам он стал что-то писать на своём компьютере. Я засмотрелась на него. Черты его лица освещались ярким сиянием экрана компьютера. Темные взъерошенные волосы были неопрятно собраны в пучок. Я улыбнулась.

В нём было что-то такое простое и милое.

Его белая домашняя кофта облегла его скульптурное телосложение, а короткие рукава открывали вид на мускулистые предплечья, покрытые замысловатыми татуировками. Ткань облегла его грудь, намекая на рельефные мышцы под ней. Легкая щетина на линии подбородка придавала суровость его в остальном безупречному внешнему виду.

Когда он откинулся на спинку стула, его пальцы быстро задвигались по клавиатуре. Его стеклянный взгляд время от времени отрывался от экрана, встречаясь с моим, но он витал в своих мыслях, поэтому даже не замечал этого.

Как бы я ни старалась сопротивляться своим чувствам, я обнаружила, что меня необъяснимо тянет к нему. Его присутствие заставляло меня чувствовать себя спокойно, и мне страстно хотелось прикоснуться к нему, почувствовать, как его сильные руки обнимают меня, прильнуть к его губам и просто наслаждаться его вниманием. Я представила, как провожу пальцами по его волосам, по изгибам его мышц и страстно целую его. Мысль о том, чтобы быть с ним, заставляла моё сердце учащенно биться, а тело сладко болеть от желания. Я не могла поверить, насколько сильными были эти чувства, особенно учитывая, что мы не так долго знакомы. Но было в нём что-то такое, что вызывало во мне, что-то, что заставляло меня поддаваться этим порывам и исследовать это дикое влечение.

— Айзек, мы можем поговорить?

Он поднял голову и, заметив мой серьёзный взгляд, закрыл компьютер.

— Да, конечно. Что случилось, мой драгоценный камень?

И вот опять. Он говорил эти слова не просто так, а придавал им самый настоящий смысл.

— Когда кончается наша неделя?

— Через два дня.

— И какие у тебя планы на эти дни?

— Не знаю, у тебя есть какие-то предложения?

— А, если я предложу, ты согласишься?

Он улыбнулся, выставляя свои ямочки на показ.

— Зависит что. Если хочешь куда-то пойти, мы можем это сделать.

Я не знаю, что он задумал, но что, если я займу нас на два дня, он не сделает этого.

В этот момент радостные эмоции наполнили меня, и я почувствовала себя каким-то гением. Глупо, конечно же, но надежда была.

— Мы же можем просто сходить куда-то вместе? Не важно куда, у меня здесь голову уже кружит.

Он задумался.

— Хей, это я должен тебя на свидание приглашать! — он положил свою руку на моё колено. — Хорошо, собирайся, у меня уже есть идея.

— Правда? — я не могла поверить своему счастью.

— Да, иди уже в спальню, а я принесу тебе одежду.

***

Мои руки буквально дрожали от ожидания. Айзек принёс моё простое, чёрное платье, и я, слегка накрашившись, была готова идти.

— Можно? — спросил Айзек, заходя в спальню.

Впервые за всё это время он был одет в что-то строгое. На нём был костюм, который чертовски сильно ему подходил. Его татуировки были скрыты, и теперь Айзек имел совершенно другой вид. Вид властного и серьёзного мужчины.

Он осмотрел меня с ног до головы, заставляя мои щёки пылать.

— Ты выглядишь просто восхитительно.

— Спасибо, ты тоже.

Айзек открыл дверцу машины для меня, и мы стали ехать в сторону города.

— Куда мы едем?

— Секрет.

— А какую-то подсказку?

— Тебе очень понравиться.

— Мне многое нравится, можно специфичнее?

Свободную руку он положил на мою ногу.

— Наслаждайся поездкой, милая.

— Как я могу это делать, если не знаю куда меня везут? Вдруг убить?

— Нет, тогда бы мы поехали направо. Там более безлюдно.

Я легонько ударила по руке.

— Вот как тебе не стыдно, а! Ты шутишь, а я несколько часов назад была под дулом пистолета.

— Тогда тем более тебе не должно быть страшно, — он посмотрел на меня через зеркало заднего вида, на что я драматично повернулась в сторону зеркала.

— Хей, детка. Посмотри на меня.

— Чего тебе?

— Мы поедem на ужин, но перед этим я хочу, чтобы ты посетила одно место. Клянусь, тебе очень понравится.

Черт, как же тяжело устоять перед его очаровательной улыбкой.

— Ладно-ладно. Я просто боялась, зная твои сюрпризы, немного напряглась.

Но видя приподнятое настроение Айзека, я заметно расслабилась и, положив голову на его плечо, стала молча наслаждаться зеленью, окружающей нас.

Как же классно это было! Я всегда мечтала получить права, а потом бесцельно путешествовать, в надежде найти интересные места

Я повернулась посмотреть на Айзека.

Два дня.

Даже думать не хочу, что же будет дальше.

Через две остановки у заправки, одного похода в магазин и часовой пробки, мы наконец прибыли. На улице было уже очень поздно. Но яркие, городские света сигнализировали о бурной жизни непоколебимой ночью. Нам пришлось немного пройтись из-за дальнего месторасположения парковки. Так же как и людей, на улице было полно машин. На меня невольно нашла идея попытки сбежать, но оставалось чуть меньше 42 часов. Этого риска оно не стоило.

Перед нами стояла большая очередь, и я собиралась спросить, куда же мы пришли, как увидела надпись на билетах.

Не может быть! Это же представление «Нет больше сна»!

— Айзек, спасибо тебе большое! — я ринулась обнимать его.

Наконец, мы зашли в помещение.

От тускло освещенных коридоров и жуткой атмосферы у меня по спине побежали мурашки, но я не могла отрицать волнующего предвкушения. Нам дали наши маски.

Пока я рассматривала помещение, мы всё дальше углублялись внутрь через лабиринтообразную дорогу. Актеры, красиво наряженные и в масках, стояли по сторонам и ожидали гостей. Иногда они здоровались и трогали тебя в манере персонажа, которого представляли. Сюрреалистичное пространство, музыка и сама атмосфера заставляла тебя насторожиться. Но чувствуя присутствие Айзека рядом с собой создавало видимость безопасности среди этого хаоса. Он нежно сжал мою руку привлекая внимание к себе.

— Ты в порядке? — прошептал он мне в ухо.

— Да. Просто не ожидала такой темной атмосферы.

После того как нам велели надеть маски, нас провели дальше. Шепот гостей и удивленные возгласы витали в воздухе, подпитывая атмосферу интриги. Каждая комната, в которую мы входили, хранила свои собственные секреты и историю, которую нужно было разгадать. Персонажи взаимодействовали с нами, увлекая нас все дальше в свой загадочный мир.

Спустя какое-то время я обнаружила, что охотно углубляюсь в запутанное повествование, разворачивающееся перед нами.

По мере того как дальше мы шли, границы между реальностью и фантазией стирались. Теперь уж разные комнаты вели разное повествование. Мы прошли дальше и зашли в первую

попавшуюся комнату. Освещение варьировалось от тусклого до очень темного; гостей стали намеренно отделять от людей, с которыми они прибыли. Айзек встал впереди меня и нам удалось остаться вместе. Представление номер один начинается. Макбет.

Король Дункан объявляет, что его старший сын станет новым королем после его смерти. До этого времени он поручает Макбету заботиться о нем и направлять его. Когда король Дункан приезжает навестить их поместье, леди Макбет убеждает Макбета исполнить древнее пророчество и убить Дункана. Макбет совершает свой поступок, даже несмотря на то, что ему больно это делать. Сын Дункана бежит, опасаясь за собственную жизнь только для того, чтобы его заподозрили в убийстве, и так Макбету удаётся унаследовать трон.

Дальше мы видим, как леди Макбет медленно сходит с ума, преследуемая призраками своих поступков. Врачи говорят Макбету, что её нельзя вылечить.

На сцене появляются две ведьмы, чтобы передать Макбету всемогущее пророчество. Двух ведьм зовут по именам: сексуальная ведьма, ведьма-мальчик. Сексуальная ведьма одета в бирюзовое платье с глубоким вырезом. Мальчика-ведьму можно увидеть одетым в элегантный костюм в стиле 1930-х годов и густо подведенным глазом. Ведьмам приходится некоторое время гоняться за Макбетом по вестибюлю, пока он, наконец, не смиряется с чтением пророчества. В следующей комнате леди Макбет лежит раздетая и сидящая на бортике ванны. По всему полу разбросаны ноты. Некоторые гости пошли и взяли их, чтобы почитать. Мы тоже взяли одно. В нём подробно излагается пророчество ведьм.

Одна из самых красивых частей этой сцены — когда леди Макбет забирается в ближайший комод, где исчезает, а затем снова появляется внутри стеклянного ящика с другой стороны. Там она исполняет завораживающе красивый танец. Просто бесподобно.

В конце концов леди Макбет снова вылезает из стеклянного ящика, теперь уже одетая в шелковую черную ночную рубашку. Она неистово танцует по комнате, запрыгивая на мебель, бросаясь из стороны в сторону, как одержимая. Все в этот момент замерли и наблюдали за этой картиной молча.

Какой же опасный и столь чувственный танец.

Появляется Макбет, и они танцуют вместе. Пока они танцуют, она начинает давить на него в связи с убийством Дункана, и некогда романтический танец превращается в агрессивную битву. К концу танца кажется, что леди Макбет убедила Макбета убить Дункана, и он выходит из комнаты в оцепенении. Нас просят идти дальше.

В тускло освещенных коридорах Айзек резко прижимает меня к стене, заставляя меня громко ахнуть от испуга. Он поднял наши маски.

— Тшшш, это всего лишь я, — после этих слов губы Айзека встретились с моими в жадном и беспощадном поцелуе. Руками я притянула его за шею к себе.

Прикосновения Айзека становились всё смелее, его руки скользили по изгибам моей талии с первобытным голодом, давая страсти и адреналину, который собрался в нас за всё это время, выбраться. Он спускается ниже и поднимает меня, я хватаюсь ногами за его бедра, чтобы удержаться. Не говоря ни слова, мы отдались опьяняющей атмосфере и позволяем потокам желания унести нас прочь.

Каким-то образом, среди вихря актеров и исполнителей, мы оказались в уединенной комнате. Слышались и стоны, и крики, и музыка, яркие тени падали на нас, но нам было всё равно. Пространство, казалось, пульсировало неоспоримой энергией, приглашая исследовать наши самые сокровенные желания. Айзек положил меня на мягкую поверхность. Это был диван.

Я тихо застонала, когда его поцелуи опустились ниже. Предыдущий страх сменился похотью. Всё моё тело желало Айзека.

— А если кто-то зайдёт? — спросила я.

— Им будет на что посмотреть.

Нетерпеливым и быстрым движением он стянул с меня трусики и расстегнул свой ремень. Не церемонясь он стал сразу входить в меня. Музыка шоу переплеталась с нашими собственными стонами и шепотом, создавая симфонию удовольствия, которая находила отклик глубоко в наших душах.

Я стонала, задыхаясь, не в силах произнести связные слова, когда удовольствие захлестнуло меня. Наши тела двигались синхронно. Внезапный яркий красный свет охватил нас, и, когда мы наконец решили обратить на него внимание, я замерла. Оказалось все гости собрались вокруг нас, пристально наблюдая за нами. Напротив нас стояла ванная, заполненная искусственной кровью. Даже актеры в ней были изрядно запачканы. Они исполняли какой-то извращённый и эротический танец.

— Давай покажем им как надо, детка, — прошептал он мне в ухо и прижимал меня к себе.

— Я не могу... Боже!

Но должна признать: что-то в этом было невероятно сексуальное.

Айзек натянул мою маску обратно на лицо.

Как только моё внимание снова переключилось на Айзека, мир вокруг перестал существовать для меня.

— Давай, Кристал, ради меня.

Не дождавшись моего ответа, его толчки возобновились, и теперь он был быстрее. Агрессивные рывки и ощущение толпы взглядов возбуждали нас сильнее.

— Стони сильнее, сладкая, пусть все знают, как же хорошо я трахаю тебя, — его рычание заставило меня выгнаться от удовольствия.

Я доходила до пика и только сильнее прижалась к Айзеку. Судя по его стремительным движениям, он тоже был близок. Мы отдались экстазу. Наши тела были плотно переплетены, сердца бешено колотились, и мы потерялись в мире, где не существовало ничего, кроме опьяняющего чувства.

Когда актеры ушли, забирая с собой зрителей, мы быстро выбежали, пока нас не поймала охрана. Наши тела всё ещё гудели от адреналина и недавнего секса.

— Голодная? — спросил Айзек.

— Умираю просто.

Он накинул на меня свой пиджак, и мы стали проходиться по улицам, ища подходящее местечко.

— Давай зайдём, в таких отелях всегда хорошие рестораны, — сказал Айзек на входе в красивое высокоэтажное здание.

— Пошли.

Мы спросили, где находится ресторан, и поднялись на лифте.

Предвкушение вкусной трапезы наполнило воздух.

Я заметила столик у окна, откуда открывался захватывающий дух вид на городской пейзаж. Айзек подошел к администратору, который сообщил нам, что столик был забронирован.

— Садитесь к нам! Мы скоро уходим!

Я повернулась посмотреть на того, кто это сказал. Это оказалась милая, пожилая пара.

— Садитесь-садитесь! — настояла женщина.

Мы с Айзеком переглянулись и приняли их предложение.

Айзек подвел меня к столу, и мы уселись с чувством благодарности.

— Спасибо большое.

Нам дали меню, и они стали нам помогать с выбором.

— Мы с Джорджем всегда приходим сюда, когда приезжаем в Нью-Йорк, — сказала женщина, приобнимая мужа за плечи.

Они стали рассказывать нам про своё путешествие и немного о себе.

— А вы здесь на долго?

— Нет, на день. Мы живем в другой части города. «Хенри Вуд» и дальше.

— Какая там красота! Вот, вы молодцы. Нечего в городе делать, здесь даже яблоку негде падать, помнится мне...

Мужчина стал охотно рассказывать о чём-то своём. Айзек наклонился ко мне, я положила голову на его плечо и просто наслаждалась моментом.

Наши новые друзья заказали себе ещё кофе.

По мере того как шел вечер, смех пожилой пары наполнял ресторан, отражая радость, которую мы испытывали в их компании. Их любовь и теплота были заразительны, напоминая нам о красоте каждого мгновения, независимо от того, в каком возрасте или на каком этапе жизни мы находились.

Айзек наклонился ближе, его голос был смягчён от неподдельной нежности.

— Кто же знал, что после того, что произошло на шоу, мы окажемся здесь?

Я ухмыльнулась.

Наслаждаясь вкусной едой и смеясь вместе, мы почувствовали глубокую признательность за вечер, который свел нас вместе с этими приятными людьми.

Через час они стали прощаться с нами и обмениваться искренними объятиями и обещаниями оставаться на связи.

Вскоре мы остались одни доедать мороженое.

Айзек сделал глоток виски и откинулся на стул.

— Один день остался. Какое твоё решение?

— Ухожу, — тихо прошептала я.

— Почему? — он казался слишком спокойным, пока я пыталась из всех сил делать вид, словно меня ничуть не волнует наш разговор.

— Потому что ты похитил меня, и всё, что произошло ужасно!

— Если я тебя похитил, иди к официантке и скажи ей.

— Бред какой-то.

— Давай, Кристал. Скажи, как есть. Пусть она вызовет полицию и меня заберут.

— Перестань, Айзек.

Я видела вызов в его глазах и уверенность в улыбке.

— Разве так ведёт себя похищенный? Или ты струсила?

Гнев захлестнул меня, я медленно встала со своего места и пошла к официантке. Девушка пробивала заказ и не сразу обратила на меня внимание.

— Извините меня, — сказала я, в моём голосе слышалась смесь страха и отчаяния. — Мне нужна ваша помощь. Меня похитили, и мне нужно, чтобы вы позвонили в полицию.

Официантка посмотрела на меня, её глаза расширились от удивления.

— Мужчина за моим столом. Он мой похититель, — прошептала я.

Девушка посмотрела Айзека, который в это время был занят телефонным звонком, а затем она расхохоталась.

— О, вы двое просто отличная пара, — усмехнулась она. — Не нужно так дурачиться.

Я недоверчиво уставился на неё. Как она могла не воспринимать меня всерьёз? Разве она не видела твёрдости в моих глазах? Страх, который таился под поверхностью?

— Я не шучу, — настаивала я, мой голос дрожал от разочарования. — Это правда. Пожалуйста, позвоните в полицию.

Но официантка просто покачала головой, отклоняя мою просьбу, и пошла вытирать стол возле. — Извини, но я ничем не могу помочь. Наслаждайтесь вечером и, пожалуйста, так больше не шутите.

Я прихватила девушку за её локоть и потянула к себе, чтобы прошептать:

— Девушка, я умоляю...

Она резко оттянула свою руку и процедила сквозь зубы:

— Отпустите меня или я охрану вызову, чтобы вас вывели!

Побежденная и подавленная, я вернулась к Айзеку. Осознание того, что я попала в ловушку этой запутанной игры, всё глубже проникало в моё сознание. Казалось, что даже когда я обратился за помощью, мир закрыл на это глаза, отвергнув мои мольбу, как не более чем игривую шараду.

Глаза Айзека встретились с моими, в них плясал намек на веселье. Увидев меня, он сказал собеседнику, что перезвонит.

— И как? Мне уже собираться?

Я покачала головой.

— Она даже не поверила. Сказала, что мы отличная пара, — я рухнула на стул, всё ещё не веря. — Ты представляешь?

— Мда, кто поверит в такую историю? Но должен согласиться, мы и вправду неплохая пара.

Я не осмелилась посмотреть на него, разочарование и гнев выплескивались на поверхность.

— Моя жизнь — это не игра, Айзек, — огрызнулся я. — Я не притворяюсь. Я хочу уйти. Я хочу сбежать от этого кошмара.

Он серьёзно посмотрел на меня.

— А что, если выхода нет, Кристал? Что если мы запутаемся в паутине, которую сами же и сотворили, и не сможем вырваться на свободу?

От его слов у меня по спине пробежал холодок.

Он притянул меня к себе и оставил поцелуй на лбу.

— Ладно, уйдёшь ты, как время придет. Потерпи чуть-чуть.

***

Изнеможденные после наших острых приключений, всю дорогу домой мы молчали. Я посмотрела на время. Уже наступил следующий день. У меня появилась идея, я с нетерпением ждала, пока мы приедем, чтобы исполнить задуманное.

— Кристал, малыш, просыпайся, — услышала я, словно издалека.

Потерев глаза, я сонно потянулась.

— Мы приехали?

Айзек положил одну руку за мою голову, а другую под мои колени и резким движением

взял меня на руки.

— Уже как 20 минут, — его пристальный взгляд прикован ко мне с такой силой, что у меня по спине побежали мурашки.

Его губы коснулись моего лба, оставляя дорожку из нежных поцелуев, которые пробудили мои чувства. Тепло его прикосновения окутало меня, прогоняя остатки сна.

Я слегка пошевелилась в его объятиях. Его сильные руки крепче обхватили меня, надежно прижимая к своей груди, словно не хотя отпускать меня.

— Почему ты не разбудил меня раньше? — я подняла на него глаза, изучая его лицо и впитывая каждую деталь. Линии его подбородка, изгиб губ, глубина глаз — каждая черта казалась более пленительной, чем предыдущая. В тусклом свете он выглядел ещё более привлекательным.

— Ты так сладко спала и так красиво выглядела, — пробормотал он хриплым от желания голосом. — Может я просто хотел насладиться? — его слова заставили меня покраснеть.

Айзек наклонился ближе, его губы стояли всего лишь в миллиметре от моих, дразня меня своей близостью. Я чувствовала тепло его дыхания на своей коже, такое опьяняющее и манящее.

Не в силах больше сопротивляться я преодолела оставшееся расстояние между нами, схватив его за шею и прильнула к его губам своими в пылком, страстном поцелуе.

В его объятиях хотелось раствориться и забыть обо всём.

Наши языки переплелись в страстном танце, исследуя, пробуя на вкус. Айзек положил меня аккуратно на пол и прижал к себе за талию. Он попытался отпрянуть, но я не давала ему.

— Спокойнее, тигр, — сказал он ухмыляясь.

— А я ещё ничего и не сделала, — я положила руки по обе стороны его щёк и соблазнительно прикусила нижнюю губу.

Отойдя к столу, Айзек достал бокалы и налил нам вина. Он долго следил за мной, а затем выдал:

— На колени, Кристал.

Его приказ был твердым, не оставляющим места для колебаний.

В комнате стояла полная тишина. Смесь неуверенности и возбуждения бурлила во мне, но какая-то часть меня была готова повиноваться каждому его желанию.

Может так я выиграю время.

С трудом сплотившись, я опустилась перед ним на колени, шероховатая поверхность подо мной напоминала как реально всё это было. Моё сердце бешено колотилось, моё дыхание стало быстрым. Я почувствовала пьянящий прилив адреналина, странную смесь уязвимости и силы, от которой мои чувства обострились.

Глаза Айзека впелись в мои, напряженные и непоколебимые. Его голос смягчился, но скрытая властность осталась.

— Хорошая девочка, — пробормотал он, нежно касаясь пальцами моей щеки. — У тебя такой прекрасный характер, Кристал.

От его слов у меня по спине пробежали мурашки. Страх и предвкушение. Я чувствовала тяжесть его пристального взгляда на себе, как будто он мог видеть сквозь слои, которые я пыталась скрыть от мира.

Его рука скользнула в мои волосы, нежно откидывая мою голову назад, подставляя ему

шею. Я ахнула.

Его губы впились в мою шею, покрывая её кровожадными поцелуями, от которых по моему телу пробежали искры удовольствия.

— Кристал, — сказал он хриплым от желания голосом, — Иногда хочется отдаться моменту и принять удовольствие, которое приходит. Не так ли?

У меня кружилась голова и перехватывало дыхание.

— Д-да.

— Тогда получи своё, сладкая, — сказал он.

Айзек опустил пояс нижнего белья ниже. Мои глаза невольно расширились. Находясь прямо перед моим лицом, он выглядел таким большим и выпуклым. Смазка блестела на толстом кончике.

Айзек закончил свой напиток, и, положив его на стол, схватил меня за затылок и прижал свой член к моему рту. Он провел им вокруг меня, и его смазка скользила по моим губам и щекам.

Я дрожала от предвкушения и лёгкой паники.

— Открой, детка.

Сделав глубокий вздох, я стала медленно открывать рот.

— Умничка, — он похвалил меня, заставив покраснеть.

Он потянул меня за голову, вталкивая свой член, который был влажным от слюны.

— Вот так, сладкая, — поощряюще прошептал Айзек.

Мне казалось, что я не смогу взять его всего. Но Айзек не спешил и медленными и осторожными движениями только вводил кончиком: внутрь и наружу. Я чувствовала, как его член растёт у меня во рту. Неосознанно я схватила Айзека за бёдра, когда он стал входить глубже. Я стала входить во вкус, и уже стала двигать головой вперед, пытаясь взять всего его.

— Блять, — он откинул голову назад с тихим стоном.

Его толчки становились все быстрее, а его хватка на моих волос всё крепче. Мои глаза стали слезиться. Ещё больше смазки вытекло из его члена на мой язык.

— Ты сводишь меня с ума, — прохрипел он. Мой язык двигался под головкой, вверх и вокруг нее.

Чёрт, как же мне это всё нравилось. То, что я делала с ним, как он поддавался моим действиям и как я заставляла его дёргаться, было невероятно упоительно.

Его член стал твёрже, а вены вздулись ещё сильнее. Голос в голове твердил мне, как грязно и неправильно было то, что я делаю. Но мне было всё равно. Я лишь раскрыла рот сильнее и наслаждалась этим пошлым звуком хлюпаний и чавканий, когда он входил и выходил из моего рта.

— Кристал, — в полустоне шепчет он, возбуждая меня лишь сильнее.

Он схватил меня за грудь и заставил заглотить во всю длину. Моя кожа горела под его сильными и властными руками. Я сжала свои руки на его бедрах, пытаясь удержаться. Я давилась и задыхалась, но терпела. Начав хныкать, я изо всех сил пытаюсь справиться с его яростными толчками.

Его крепкая хватка означает, что я не могу оторваться, пока он не позволит. Айзек использует мои волосы, чтобы тянуть мою голову вперед и назад, как тряпичную куклу, когда он трахает мой рот.

Его стоны становятся громче, а темп ускоряется. Я знаю, что он сейчас кончит, и моя первая мысль — облегчение. И с последним резким толчком и звериным ревом он

выплескивает свою горячую белую сперму мне в горло.

Он яростно оттягивает мою голову назад и вытаскивает свой член изо рта, позволяя второй порции спермы стекать по моему лицу и вниз по груди к платью. Его хватка на моих волосах ослабевает, но он не отпускает меня. Я изо всех сил стараюсь проглотить все, что могу. Я знаю, что он этого ожидает. Он смотрит на меня сверху вниз, его глаза потемнели, на его лице легкая довольная улыбка.

Извращённая часть меня тоже наслаждается этой картиной. Айзек выглядит невероятно сексуальным: его лицо всё красное, пряди волос выбиваются из пучка, падая на его лицо нижняя губа укутана до крови.

Мои колени немного болят, и я пытаюсь двигаться, чтобы встать. Айзек протягивает мне руку и помогает встать.

Он отходит и наливает нам ещё алкоголя. Гробовая тишина резко нарушена его смехом. Айзек засмеялся и оставил быстрый поцелуй на моём запястье, когда он передавал мне бокал.

— Ты такая милая, Кристал. Я прям не могу.

Я нахмурилась и вскинула брови от удивления.

— Неужели, ты пыталась соблазнить меня?

Я не могла поверить в его дерзость. Его смех лишь подпитывал гнев, который бушевал во мне.

— Находишь это забавным? — огрызнулась я, мой голос был полон негодования.

— Ты думала, что сможешь соблазнить меня, Кристал? — спросил он, делая глоток вина.

— А ты думаешь, у меня есть выбор?

Я выдохнула и выпила всю жидкость в моём бокале за раз.

— Нет, Кристал, — прошептал он хриплым от волнения голосом.

Мои глаза налились слезами.

— Каждый божий раз твои пытки становятся всё страшнее и страшнее! Ты знаешь какого это? Ждать, что сейчас тебя усыпят и начнут пытать! Я... — я проглотила ком в горле и посмотрела ему прямо в глаза. — Я хочу любить тебя... Я ищу оправдание твоим действиям, несмотря ни на что. Но ты не даёшь мне! — он попытался взять меня за руку, но я быстро среагировала. — Может это и хорошо. Мои чувства — это всё равно просто стокгольмский синдром, и чем больше ты будешь делать мне больно, тем меньше у меня останется сил терпеть тебя.

Он кивнул головой.

— Давай я тебе с этим помогу. Идём за мной.

— Вот и отлично. Чем раньше мы покончим с этим, тем лучше, — сказала я уверенно.

Враньё.

Но деваться было теперь уже некуда.

— Я думаю, ты захочешь сбежать в уборную вначале? — спросил он с самоуверенной улыбкой.

— Ой, пошёл ты к чёрту, — крикнула я ему, направляясь в ванную.

Месяц назад.

— Ступай за мной, — сказал Айзек и повёл за собой.

Я молча последовала за Айзеком, мой гнев стал медленно превращаться в страх. Когда мы спускались в глубину подвала, я не могла ничего поделать с собой.

Спокойно, Кристал.

А то если бы ты не сказала бы, он бы тебя не повёл?

Айзек открыл дверь и потерялся в темноте. Я громко вздохнула, перекрестилась и зашла за ним. Из далекого небольшого окошка в комнату попадал тусклый свет, который едва освещал углы. Воздух был тяжелый. От знакомой обстановки у меня по спине пробежали мурашки.

То самое место.

Я чувствовала его взгляд, он пронзал темноту и смотрел прямо на меня. Моё сердце бешено колотилось.

— Если это то, чего ты хочешь, Кристал... Ведь так?

Когда дверь за нами закрылась от сквозняка, заставляя меня отдёрнуться.

— Д-да, — мой голос твердил обратное.

До жути знакомое пространство давило на меня, напоминая о тьме, которую я пережила и обо всех пройденных пытках. Это было место, в котором хранились мои самые глубокие страхи.

Я собралась с духом, чтобы встретиться лицом к лицу с демонами, которые таились внутри.

Стоя в этой крошечной темноте, спустя всё, что произошло здесь, это было далеко ещё не концом. Часть меня надеялась, что здесь есть какой-то подвох. Что моё бесстрашие будет награждено. Но этого не происходило. Вместо этого был момент расплаты, испытание на стойкость.

Айзек включил свет. Когда мои глаза освоились к такой яркости, я сразу заметила деревянную раму в углу. Она была замысловато спроектирована, с её прочной конструкции свисали веревки.

Всё это время здесь был нормальный свет? Твою ж мать...

Пока я рассматривала эту неизвестную вещь, Айзек подошёл ближе к ней. Его руки тянулись к канатам.

С умелой ловкостью он начал плести веревки, создавая замысловатый узор.

Когда он закончил, Айзек повернулся посмотреть на меня.

Словно его первобытные инстинкты взяли вверх, и он, идя на меня, схватил за запястья и прижал к стене. Его глаза горели диким голодом. Напряженность между нами потрескивала как электричество.

Со злобной ухмылкой он потянулся за куском веревки. Я попыталась отдёрнуться, но его хватка была слишком сильной.

— Кристал, если бы я смотрел прямо в твою душу, что бы я увидел?

Я и не знала, что ответить.

Айзек взял мою руку в свою. Его прикосновение было одновременно нежным и твердым. Он схватил платье за подол с обеих сторон и поднял его вверх, чтобы снять.

— Я говорил тебе до этого, что хочу поселиться в самых темных глубинах твоей души, но для этого, то, что я делал, недостаточно, — с этими словами он опустился передо мной на колени.

— Раздвинь ноги.

Я послушалась. Его руки, двигаясь с грацией, провернули веревку вокруг моих бёдер. Прикосновение жесткой, плетённой веревки к моей коже вызвало дрожь предвкушения.

Плотно закрепив узел на нижней части моего живота, он перешёл на мои ляжки. И с каждым сложным узлом, который он завязывал, напряжение росло. Веревки обхватили мою плоть. Я чувствовала, как усиливается давление и пыталась не думать об этом, чтобы не вгонять себя в панику.

Его кончики пальцев прослеживали путь веревок, проверяя каждый узелок. Это ощущение посылало волну мурашек по коже.

По мере того как крепления спускались миллиметр за миллиметром, я, затаив дыхание, смотрела, как образуется целая картина. Движения его пальцев были целеустремленными, точными и ловкими. Веревки будто стали продолжением прикосновения Айзека.

Иногда его руки останавливались на узлах, проверяя их прочность и сохранность. Я не заметила, как отдалась ему, позволив себе полностью погрузиться в мастерство канатов.

Когда Айзек закончил, то встал на ноги. Он обвёл глазами всё моё тело и лишь выдал:

— Отлично.

Айзек положил руки на мои плечи и легонько сжал их.

— Ты думаешь, кристаллы стоят своей цены?

— Обычные камни.

— Ну, что же ты так? Они очень красивые, — ответил он с замысловатой улыбкой.

— Красивые, но, в конце концов, это просто безжизненные объекты. Люди придают им значение, придавая им ценность и значительность. Но они — не более чем фрагменты земли, сформированные временем и природой. Мы с тобой оба знаем, что это всё простой маркетинг.

Он долго смотрел на меня, перед тем как сказать:

— Они больше, чем просто обычный камень. У них присутствует уникальный блеск и пленительное очарование, которое отличает их от остальных. Люди не зря любят их так сильно. По мне, они — сокровище. Драгоценный камень, который заслуживает того, чтобы им дорожили и восхищались. Вот только нужна немного помощь, умелая рука, которая поможет сиять ярче.

— Разговор всё ещё про камень?

— А ты как думаешь? — подмигивая ответил он.

Айзек достал повязку из кармана. Я поставила руки перед собой, блокируя его действия.

— Подожди, зачем тебе это?

— Сейчас сама поймёшь.

Он завязал мои глаза, а потом повернул в обратную сторону. Айзек прижал меня к стене, моё лицо примкнуло к прохладной поверхности, волна мурашек прокатилась по мне.

— Какого чёрта? — злобно процедила я.

Быстрым вижением руки Айзек завел мои руки за спину. Я ахнула от неожиданности. Он делал это быстро и резко. Ощущение его рук на моих запястьях вызвало дрожь возбуждения у меня по спине. Я чувствовала, как веревка обвивается вокруг моих запястий, сцепляя их крепко вместе, тепло его ладоней на моей коже, когда его пальцы прокладывали

путь для узелков, будоражило меня в контрасте с холодным камнем.

— Шибари — искусство связывания. Связанный находит свободу в своих ограничениях, — продолжил Айзек, его дыхание коснулось моего уха.

— Как это?

Айзек стал подниматься вверх к локтям. Каждое переплетение было завязано с определенной целью, закрепляя всё таким образом, чтобы они ограничивали, но не стесняли. По мере того как пути затягивались все туже, я чувствовала повышающееся давление. Веревка обхватила меня, повторяя контуры моих рук.

— Веревки выпускают внутреннюю тебя, — он потянул край веревки, заставляя меня зашипеть от боли. — Они усиливают твои самые первобытные инстинкты, оставляя тебя обнаженным и незащищенным, но в то же время они дают тебе полную безопасность.

Он отпустил меня и отступил назад, чтобы полюбоваться делом своих рук.

— Что-то я не чувствую себя в безопасности.

— К ней надо прийти. Об этом потом.

— И что ты собираешься сделать сейчас? — со страхом спросила я.

— Что я буду делать? — повторил он, и я почувствовала ухмылку сквозь его слова. — Ох, моя дорогая, возможности безграничны.

Я чувствовала смесь возбуждения и трепета.

— Раз это наша последняя ночь, мы посмотрим, чему же ты научилась. Но сначала, — сказал он, его голос сочился желанием, — я собираюсь насладиться тобой.

Айзек повернул меня к себе, придерживая меня за предплечья, чтобы я не упала.

Мне было страшно даже спросить, что же он имел в виду.

— Кристал, мой драгоценный камень, если бы только ты могла бы увидеть себя.

Каждый изгиб, каждая частичка...просто идеальна, — руки Айзека обвели линии веревок, переплетающиеся с моим телом. Всё, что происходило здесь, происходило в вакууме. Это всё неорганично и неестественно. Но наши чувства, Кристал, выходят за рамки этой комнаты, — его слова заставили моё сердце биться сильнее.

— И ты считаешь, что можешь оценивать, что реально, а что нет? — ответила я его же фразой.

— Сейчас для меня это не важно. Я мечтал об этом моменте, о том, чтобы ты была полностью в моей власти. И теперь, когда это происходит, я намерен извлечь из этого максимум пользы. Ты почувствуешь то, чего ты никогда раньше не чувствовала. Удовольствие, боль, экстаз — всё сразу и вместе.

— Айзек, пож-

Он прижал палец к моим губам, не давая высказаться.

— Я советую тебе просто расслабиться, — с этими словами он оставил быстрый поцелуй на моём лбу, а затем отошёл.

— На пол. Лицом к стене, Кристал, — его голос, такой мужественный и чарующий, не оставлял места для сопротивления. Я на мгновение заколебалась, неуверенная в том, что именно мне нужно сделать. Медленно я опустилась на колени, чувствуя на себе его внимательный взгляд, и руками нащупав холодную поверхность встала, как он сказал. Повернув лицо в сторону его голоса, я ждала следующих приказов.

Он протянул руку и нежно коснулся моей щеки. Без возможности видеть, каждое его движение было для меня неожиданностью и, даже такое невинное прикосновение посылало мурашки по моей спине, заставляя вздрагивать. Я чувствовала жар и напряженность.

— Ты выглядишь чертовски сексуально в этом положении, — сказал он низким голосом, полным желанием.

Мне никогда не было так стыдно и горячо одновременно.

Его пальцы скользнули вниз по моей шее, оставляя за собой огненный след.

— Ты доверяешь мне, Кристал? — спросил он мягким и ободряющим голосом.

Насколько это не было бы глупо, ответ всегда был положительный. Потому что, несмотря ни на что, Айзек никогда не казался угрозой для меня. Меня пугала непредсказуемость его действий, то, как он играл с моими чувствами, и власть, которую он имел надо мной. А не мужчина, который был всегда рядом, чтобы утешить. В нём было что-то такое, что притягивало меня, что-то, что я не могла выразить словами. Он заставил меня почувствовать себя живой.

Да, он причинял мне боль как физическую, так и моральную, но я также знала, что не могла сопротивляться его притяжению ко мне, магнетической силе, которая притягивала нас к друг другу снова и снова.

Я кивнула.

— Да, — прошептала я. — Я доверяю тебе.

— Хорошо, — сказал он. — Потому что я обещаю тебе, моя сладкая, это будет опыт, который ты никогда не забудешь.

С этими словами он наклонился и захватил мои губы в страстном поцелуе. Сила его прикосновения послала по мне ударную волну, и я почувствовала, что растворяюсь в нем, полностью отдаваясь моменту.

— На четвереньки.

Опираясь правой стороной на стену, я послушалась, предвкушая его дальнейшие действия.

Он положил руку на мою спину и прошёлся по ней, оставляя дорожку из мурашек за собой. Айзек куда-то удалился, но в скором времени вернулся.

Я услышала металлический звон и как что-то тяжелое упало на пол.

Он расстегнул свои брюки.

Айзек потёр свои руки, и приятный запах наполнил комнату. Его влажные руки, видимо покрытые каким-то маслом, скользят по моей попе, заставляя моё дыхание сбиться от холодного касания. Айзек проводит рукой по всей поверхности, тщательно следя за тем, чтобы она была хорошо смазана.

Внезапно он отстраняется и сильно шлепает меня, вызывая ноющее жжение. Я немного подпрыгнула вперед, но быстро собрала себя.

— Ай! — вскрикнула я.

Хоть и моё всхлипывание было больше от возбуждения.

— Что, сладкая? Уже сдаёшься?

— Неа, тебе надо постараться получше, — с ухмылкой отвечаю я.

— Я так и думал.

Он снова трёт мою кожу, чтобы распространить тепло, поднимающееся к поверхности, и повторяет шлепки. Айзек старается каждый раз попадать в разные места. Я не издаю ни звука, пытаюсь сдерживаться. Резко схватив меня за волосы, он кусает мочку моего уха и хрипло шепчет:

— Хорошая девочка.

Его похвала растекается по всему моему телу, и я мурлычу от удовлетворения.

Ощущение жжения уже не было таким болезненным. Вместо этого мне захотелось, чтобы он снова и снова шлепал меня, показывая, каким именно грубым он может быть.

Он продолжал удерживать меня за волосы. У меня начало покалывать в голове, но это лишь придало остроты. Другая его рука находилась у меня на бёдрах. Айзек приказывает расставить ноги шире. Не теряя ни минуты, он вытащил свой член из штанов и, смазав его, Айзек схватил меня за бедра и стал медленно входить. Он знал, что ему нужно сделать, поэтому не торопился, чтобы убедиться, что будет не слишком больно, когда он войдет в меня сзади.

— Расслабься.

Потребовалось некоторое время, прежде чем он смог полностью войти в меня.

— Черт, детка... ты такая чертовски тугая, — пробормотал он, пытаясь осторожно проникнуть в меня еще глубже.

Сначала толчки были неспешные и осторожные, но как только Айзек убедился, что может начать входить в меня свободно, он стал набирать скорость по мере того как росло его возбуждение.

— Кристал, как же, блять, мне нравится быть в тебе, — хрипло шепчет он.

Он прижимал меня к себе с каждым толчком, заставляя меня громко стонать, потому что сдерживаться было невозможно. Это было чертовски приятно, и, хотя у меня начинало болеть между ног, я не хотела, чтобы он останавливался. Почувствовав, как близко я была к оргазму, он решил ускорить процесс и вошёл в меня двумя пальцами, поглаживая клитор. Я сжала руки в кулаки, в то время как мои ноги начали дрожать. Айзек сделал несколько быстрых толчков и перестал двигаться.

— Айзек! — простонала я и почувствовала, как его сперма наполняет меня.

***

Когда мы пришли в себя, Айзек вытер меня мокрым полотенцем, но не стал снимать ни повязку, ни расплетать верёвки. Когда я спросила его, он сказал, что осталось совсем мало.

— Осталась последняя часть, — ответил Айзек, преподнося бутылку воды к моему рту.

Я была успокоена, что это был конец. Больше никаких мучений и секретов. Но, с другой стороны, странное чувство окутало меня. Словно моё сердце сжалось. А что будет с нами? Он просто забудет меня? Словно всё, что было между нами и не происходило? Нет, меня сейчас это не должно волновать.

Я опешила. Будучи так глубоко в своих мыслях, Айзек не стал терять времени и, взяв меня на руки, оторвал меня от земли. Он перевернул меня и зацепил мои руки за что-то. Дальше он поднял мои ноги и сделал тоже самое.

— Айзек? — спросила я, дрожа в страхе.

— Да, солнышко? — его ласковый голос раздался издалека.

Этого не могло быть...

Получается, что моё тело повисло в воздухе, подвешенное на веревках, которыми я была связана. Это было сюрреалистическое и дезориентирующее ощущение, мои ноги больше не касались пола, оставляя меня полностью в его власти. Я попыталась двинуться, но испугалась упасть.

— Расслабься, Кристал, — пробормотал он мягким и ободряющим голосом. — Отпусти и доверься мне. Я здесь.

— Нет, ты не здесь! А что, если я упаду?

Я сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться и смириться с незнакомым положением.

Моя голова свободно плыла и вдруг стала гиперчувствительной к темноте. Мои глаза метались из стороны в сторону, поймать хоть какой-то силуэт.

— Я совсем рядом, мой драгоценный камень. Я не дам, чтобы с тобой что-то случилось.

Айзек положил руки на меня, он надежно удерживая меня на месте. Я чувствовала его тепло на своей коже, напряженность его взгляда на себе. В этот момент была странная близость, связь, которая выходила за рамки слов.

Кровь прилила к моей голове, отчего все стало казаться более ярким и насыщенным. Это было одновременно волнующе и пугающе, как американские горки эмоций, от которых у меня перехватило дыхание.

Руки Айзека нежно скользили по моему телу, прослеживая линии веревок и посылая дрожь удовольствия по всему моему телу.

— Сделай пять резкий вдохов.

Я кивнула, не в силах подобрать слова, и сделала, как он сказал.

Ощущения были пугающими, поскольку я чувствовала себя полностью во власти Айзека. Грубая текстура веревок на моей коже вызывала мурашки по спине, и это положение делало меня уязвимой и незащищенной. Шея стала немного затекать.

— Ты отлично справляешься, — сказал он, и его голос звучал успокаивающе в темноте.

Паника захлестнула меня, и я почувствовала себя диким зверем, попавшим в капкан. Каждая клеточка моего существа кричала об освобождении, о свободе от запутанной паутины веревок, которые держали меня в плену. Моё сердце бешено колотилось в груди, а дыхание стало прерывистым, пока я боролась с путами.

— Отпусти меня! — взмолилась я хриплым от страха голосом. — Отпусти меня!

Я забыла, как дышать. Тьма, окутавшая меня, делала только хуже.

Только не это.

***

— Кристал, дочка, подойди ко мне, — отец усадил меня на коленках. — У тебя всё хорошо? Тебя не обижают?

— Нет, папочка! Мы с мамой вчера весь день были в магазине и закупились новой одеждой!

Он улыбнулся и погладил меня по волосам.

— И что вы покупали?

— Одежду для братика!

Папочка вскинул брови от удивления.

— Какой ещё брат?

— У меня будет брат, папочка! Мама сказала, что мы теперь будем целой семьёй!

— Неужели? Детка, возвращайся в школу. Ты знаешь, маме не нравится, когда мы видимся.

— Хорошо, папочка. А когда мы ещё увидимся?

Папа не ответил.

***

— Папочка? — тихо прошептала я в трубку.

Я спряталась в шкафу, чтобы никто меня не нашёл. Папочка подарил мне отдельный телефон, чтобы говорить с ним. Мне не нравится, что я должна скрывать что-то от мамы, но папа сказал, что если она узнает, то мы с ним никогда больше не увидимся. Когда я спросила его почему, он сказал, что это всё из-за папы Стива, нового мужа мамы. Он плохой и не

хочет, чтобы я виделась со своим настоящим папой. Но в это было сложно поверить, потому что папа Стив был добрый, всегда отвозил меня в школу и читал мне сказку перед сном.

— Что такое? — ответил папа слегка злобно.

— Я боюсь. Мама плакала сегодня. Я услышала, как она сказала папе Стиву, что нам угрожает опасность! Папочка, ты можешь нам помочь?

— Скоро всё закончиться, милая. Иди спать.

— Честно?

— Да. Я приду вам помочь.

***

— Кристал! Приди в себя! — кричит Айзек.

Его хватка всё также оставалась крепкой.

— Ты должна быть сильной, — твердо сказал он.

Я стала барахтаться, но чем больше я сопротивлялась, тем крепче они, казалось, становились, смыкаясь вокруг меня, как удушающие объятия.

— Пожалуйста, — умоляла я, мой голос срывался. — Я больше не могу этого выносить. Мне нужно убираться отсюда! Мне нужно уходить! Отпусти меня!

— Я знаю, это страшно, — мягко сказал он. — Но ты должна доверять мне. Это часть процесса. Ты должна встретиться лицом к лицу со своими страхами.

Я покачала головой, слезы текли по моим щекам.

— Ты ничего не знаешь!

Но Айзек не сдавался. Он отказался освободить меня от веревок, которые удерживали меня на месте. Вместо этого он обнял меня, крепко прижимая к своей груди, его тепло окутывало меня. Руки Айзека сжались вокруг меня, прижимая еще крепче, пока я пыталась вырваться. Но он не отпускал меня, его крепкие объятия только еще больше разжигали мою панику.

— Перестань сопротивляться, Кристал, — прошептал он мне на ухо. — Я не отпущу тебя, пока ты не встретишься лицом к лицу со своими страхами.

Я не слышала его. Мне нужно было бежать.

— Нет, нет, — захныкала я, мое тело дрожало в его объятиях.

— Просто отпусти меня, — взмолилась я, мой голос был подавленный и ломкий.

— Хорошо, — ответил он.

Айзек размотал мои глаза. Затем он спустил меня и стал развязывать меня. Как только мои руки были освобождены, я стала судорожно расплетать верёвки на ногах, но из-за того, как сильно я дрожала, у меня ничего не получалось.

— Кристал, успокойся! — закричал злобно Айзек.

Он взял нож и стал резать эти путины. Он делал это так быстро и свирепо, что случайно поранил меня.

— Чёрт, прости, — пробормотал он.

Как только у меня получилось встать, я побежала. Нащупав дверь, я поднялась по лестницам и выбежала на улицу.

Я бежала через лес, моё сердце бешено колотилось в груди, дыхание вырывалось отчаянными вздохами. От каждого шороха листьев, каждого треска веточки у меня по спине пробегали мурашки, как будто я чувствовала его присутствие прямо у себя за спиной. Адреналин, струящийся по моим венам, заставлял меня двигаться быстрее, чтобы увеличить расстояние между нами, насколько это возможно.

Но как бы быстро я ни бежала, я никогда не могла избавиться от ощущения его взгляда на мне, следящего за каждым моим движением. Это было так, как если бы он играл со мной, забавляясь моим страхом и уязвимостью. На улице была кромешная тьма, но казалось, это мне не мешало.

Я слышала, как его смех эхом разносится среди деревьев, отчего у меня по спине пробежал холодок. Он наслаждался этой игрой, упиваясь властью, которую имел надо мной. Это только подпитывало мой гнев, мою решимость вырваться из его хватки. Айзек знал эту местность как пять своих пальцев, пока я была полностью дезориентирована.

— Ты не можешь убежать вечно, Кристал, — крикнул Айзек, и в его голосе послышались нотки веселья. — Я всегда найду тебя.

Его слова только подстегнули меня, заставив бежать ещё быстрее и усерднее.

Я свернула с тропинки, пытаюсь затеряться в густом подлеске.

— Ты не сможешь спрятаться от меня, — его голос звучал как навязчивая мелодия во мгле.

Видимо свернув не с той стороны, я сделала круг и вернулась обратно. Айзек резко выбежал со стороны и схватил меня.

— Хватит! — крикнула я, и мой голос эхом разнесся по лесу. — Я больше не играю в твои дурацкие игры. Отпусти меня!

Он не стал слушать меня, и закинув на плечо, стал нести меня. Я пиналась и пыталась вырваться, но все мои усилия были бесполезными по сравнению с его цепкой хваткой.

Мы вошли в дом, и он грубо выбросил меня на пол.

— Ай! — закричала я.

Напряженный взгляд Айзека впился в меня, и я могла видеть тьму, клубящуюся в его глазах, что резко контрастировало с очаровательным фасадом, который он часто носил.

Моё сердце бешено заколотилось, и смесь страха и гнева захлестнула меня. Я приподнялась, пытаюсь создать между нами некоторую дистанцию, но его взгляд держал меня в плену.

— Перестань вести себя как ребёнок, Кристал! — он кинул платье мне в ноги, и только сейчас я поняла, что всё это время был полностью обнажена.

— Перестать вести себя как ребенок? — возразила я, мой голос просто дрожал от злости.

— Ты, кажется, забыл, что похитил меня, связал, и теперь ты ожидаешь, что я буду вести себя так, будто всё в порядке?

Лицо Айзека исказилось от гнева, и одним быстрым движением он схватил меня за запястья и прижал к стене. Его хватка была крепкой, почти удушающей.

— Отпусти, — твердо сказала я.

Лицо Айзека оказалось в нескольких миллиметрах от моего. Его дыхание касалось моей кожи, заставляя её гореть. Я чувствовала напряженность его взгляда. Я с трудом сглотнула, пытаюсь не обращать внимания на то, как моё тело реагировало на его близость. Я знала, что должна бояться, должна бороться, чтобы убежать, но я не могла бросить Айзека. Его взгляд упал на мои губы, и не раздумывая он прижался своими губами к моим в требовательном поцелуе.

Я пыталась сопротивляться, оттолкнуть его, но его поцелуй был неумолим, разжигая чувства, которые я не могла игнорировать. Это было неправильно, так неправильно, и всё же я не могла отрицать того, как сильно желала его. Между нами была необычная связь.

В конце концов, я действительно любила его.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила я.

Он ответил не сразу, просто продолжал смотреть на меня своими пронзительными глазами, будто бы испытывал.

— Правду, Кристал, правду.

— О чём ты?

— О том, что ты не рассказала даже под дулом пистолета. — резкий тон Айзека посылал холодок по моей спине.

— Что? — спросила я, пытаюсь скрыть дрожь в своем голосе.

Он ухмыльнулся.

— Ты винишь себя за то, что открыла дверь убийцам. Это было в прямом или переносном смысле?

Чувство жгучей боли и обиды подступило к моему горлу.

— Не знаю, что ты хочешь услышать.

— На сколько хорошо ты помнишь тот день?

— Смутно... Помню звуки, крики... К-кровь...

— Позволь мне напомнить тебе несколько мелких деталей, которые ты забыла, — продолжил он, прожигая меня взглядом. — Например, тот факт, что твой отец на самом деле не был твоим отцом. Он был просто отчимом, который растил тебя как свою собственную. Твой настоящий отец был монстром, который изнасиловал твою мать, и, когда он узнал, что она была счастлива без него, он использовал тебя, чтобы убить их

Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица, когда его слова поразили меня, как удар под дых.

— Нет! — закричал я.

— Да, Кристал.

— Нет, этого не может быть! — он отпустил меня, и я скатилась на пол.

— Вспомни. Уверена ли ты?

Я сжала кулаки и ударила ими в стену, тяжесть моего прошлого давила на меня. Я так старалась убежать от тьмы своего прошлого, но казалось, что оно никогда по-настоящему не отпустит меня.

— Ты не понимаешь, — сказала я, мой голос дрожал от волнения.

— Пойму, если ты расскажешь.

— Нет, нет, нет... Не правда, пожалуйста, нет... — закричала я.

— Откройся, мой драгоценный камень, — он сел на пол напротив меня.

Я глубоко вздохнула.

Неужели это всё правда? Не верю...

Меня словно бросило в какой-то транс.

Вспомни, Кристал, вспомни. О нет.

Бац. Резкий звук вывел меня из моих раздумий. Айзек достал пистолет и выстрелил в сервант, наполненный разными бокалами.

— Айзек, не надо!

Бац. Первый ряд полки разбился вдребезги и полетел на пол, падая на нижний и разбивая некоторые бокалы. Айзек не останавливался, пока не разбил всё.

— Говори, или я не остановлюсь, пока не уничтожу весь дом.

Я прижала ноги к себе и схватилась за колени. Ошеломлённая громким шумом и

сдавленная мучительным страхом, не ожидая от себя я закричала:

— Хорошо, хорошо... Я помню!

Он остановился и посмотрел на меня.

— Да, мой отец, который жил со мной не являясь моим биологическим отцом. Но он всегда так хорошо относился к нам! Я называла его папой Стивом. — я вцепилась в свои волосы, которые падали на лицо и нестерпимо раздражали меня. — Он был таким добрым... Любил как родную дочь. Мой биологический отец был сводным братом матери. Он был хулиганом и уже тогда был связан с плохими людьми. Изначально он обижал маму назло своему отцу. Однажды после ссоры с ним, он сильно напился и изнасиловал Аннабель — мою мать. Тогда она и забеременела мной... — я остановилась, чтобы не взречь и слегка успокоившись, продолжила: — Отец убедил всех, что мама гуляет с разными парнями, вот и забеременела. Ей было так стыдно, что она ушла из дома несмотря на то, что её родители прекрасно понимали, что произошло. Спустя два года она познакомилась с отчимом. Он работал садовником в доме напротив. Да, ты прав. Когда отец узнал, что Аннабель живет вполне нормально, он разозлился. Я тогда этого всего тогда не знала! Он скрытно связался со мной, сказал, что это мама его не любит и всё это время она не давала нам встречаться... — я не смогла сдерживать слёзы. — Я не знала! Я думала он любит меня... Что он спасёт нас... Всё это время я обращалась к нему, думая, что он сможет спасти нас от угрозы. Как же глупа я была! Даже и не подозревала, что он сам и являлся угрозой, от которой бежала мать. Отец внушил мне, что Стив плохой человек, а он заберёт нас с мамой и мы будем большой счастливой семьей... А каков итог? Я впустила его домой и дала разрешение убить всех, кто действительно любил меня... А сам он просто ушёл. Слово меня и не было....

— Кристал, мне-

Покачивая головой, я встала со своего места.

— Не важно, я и знать не хочу! Просто отпусти меня. Наша сделка закончилась.

Он схватил меня за руку. Он словно разжёл ярость и злобу, которые всегда были под моим контролем.

— Я сказала, отпусти меня! — закричала я, отталкивая его изо всех сил. Я ожесточённо посмотрела в его глаза. Лицо Айзека выражало непоколебимую стойкость. Он не сдвинулся с места.

— Боюсь, не могу этого сделать, Кристал, — сказал он на удивление спокойным голосом. — Мы ещё не закончили.

— Ты думаешь, что можешь просто ворваться в мою жизнь и требовать ответов? Я даже не знаю, кто ты. И знать не хочу.

— Кристал, я могу помочь тебе. Мы проделали большой путь.

Напряжение в комнате было ощутимым, когда мы встретились взглядами в ожесточенной битве воле. Я чувствовала, как внутри меня клокочет гнев, подпитываемый страхом и разочарованием, которые копились слишком долго.

— Мне не нужна твоя помощь, — выпалила я в ответ. — Мне не нужно, чтобы кто-то указывал мне, что делать или как себя чувствовать.

Выражение лица Айзека оставалось невозмутимым, его глаза не дрогнули.

— Ты не одна в этом, Кристал, — сказал он спокойным голосом. — Я хочу быть рядом с тобой. Впусти меня, позволь мне просто быть рядом.

Айзек отпустил меня, и вместо этого он взял мои руки в свои и погладив оставил

осторожные поцелуи на них.

Нет. Мне не нужно было его сочувствие. Я хотела, чтобы меня просто оставили в покое.

— Ты не можешь понять. Ты не знаешь, каково это — потерять все, когда весь твой мир разорван на части.

— Может я и не знаю, через именно ты прошла, — сказал он. — но я знаю, каково это — чувствовать себя потерянным, чувствовать, что выхода нет. И я также знаю, что такое отталкивать людей, чтобы избавиться от боли. Какого это, когда ты просто заставляешь себя забыть и начать новую жизнь, словно прошлого нет. Кристал... Отрывая кусочки от себя — у тебя не будет полноценной жизни.

— Ты прав. Ты не знаешь, — я собиралась выйти на улицу, но Айзек быстро перегородил мне дорогу и закрыл дверь на ключ.

— Выпустите меня! — закричала я, колотя в дверь изо всех сил. Но Айзек просто стоял рядом с непреклонным выражением лица, скрестив руки на груди и склонившись к стене, совершенно равнодушный к моим мольбам.

— Милая, посмотри на меня, — сказал он своим пленяющим голосом.

Я остановилась и послушалась его. Он откинул голову в сторону.

— Ты так сильно хочешь уйти? Не так ли? — спросил он тихо. — Больше жизни?

Его слова послали волну мурашек по телу.

— Да.

— Тогда... — Он подошёл к столу налил себе напитка и взял бутылку с собой. — Будешь?

Я покачала головой.

Он выпил свой стакан залпом.

— Если тебе так хочется... Докажи.

Он выплеснул оставшуюся жидкость бутылке по комнате. И прежде, чем я успела среагировать, он швырнул пустую бутылку в горящий камин, пламя взметнулось вверх в ответ на внезапную вспышку жара. Теперь комната превратилась в пороховую бочку, готовую взорваться в любой момент.

Шок полностью взял меня и несколько секунд я просто стояла в ужасе и наблюдала, как резкий запах наполнял воздух. Айзек выбросил ключ от входной двери в огонь.

— Ты с ума сошел?! — закричала я.

— Если так хочешь уйти, выживи сначала, — он уселся на диване. — А если нет, сторим вместе, и ты никуда от меня не денешься.

— Что ты натворил?! — я стала из стороны в сторону, думая, что делать.

Комната, казалось, сомкнулась вокруг меня, и я почувствовала себя в ловушке, задыхаясь от картины, представшей передо мной и веса собственного страха.

Воспоминания о той ночи, боль и чувство вины — всё это возвращалось ко мне в приливе эмоций, которые я не могла контролировать.

— Что со мной такого плохого, Кристал? — прошептал он низким и хрипловатым голосом. — Хуже, чем стореть заживо?

— У тебя явно проблемы, — всё, что я сумела выдать дрожащим голосом.

Уверенная улыбка тронула уголки его губ, а глаза потемнели от желания. Встав со своего места, он остановил меня и взял моё лицо в свои руки.

— Кристал, ты не можешь вечно бежать. Что же эта жизнь? Давай разберёмся со всем одним разом, и ты отпустишь это навсегда.

Его слова поразили меня, как удар молнии, и я почувствовала, что моя решимость пошатнулась.

— Я не могу, — прошептала я, мой голос был едва слышен. — Я столько лет усердно закапывала это внутри...

Но прежде, чем я успела сказать что-либо еще, его губы прижались к моим, заглушая мои протесты. Это был яростный, страстный поцелуй, от которого у меня перехватило дыхание и захотелось большего. В этот раз я даже не попыталась оттолкнуть его. Лишь прижалась теснее к Айзеку, как в последний раз. В этом трепетном поцелуе, я обнаружила, что медленно теряю контроль. Мне хотелось забыться в объятиях этих крепких рук.

Но так же быстро, как это началось, он отстранился, оставив меня хватать ртом воздух и жаждать еще его прикосновений. Времени больше не было.

Адреналин хлынул по моим венам. Смысла ломать дверь не было: она никак не поддавалась. Я приложила все свои силы, чтобы разбить окно. Стекло разлетелось вокруг меня вдребезги. Все, чего я хотела, — это сбежать из удушливой комнаты, наполненной газом и опасностью.

— Айзек, пойдем со мной! — взмолилась я, протягивая к нему окровавленную руку. Но он стоял как вкопанный с выражением покорности на лице.

— Нет.

В тот момент я почувствовала, как моё сердце разбилось, разрывалось необходимостью спасти его. Но времени на нерешительность не было. Газ быстро распространялся, и опасность возрастала с каждой секундой.

Со слезами на глазах я потянула его за руку, пытаюсь вытащить из комнаты. Но он не сдвинулся с места.

— Айзек, пожалуйста! — взмолилась я, мой голос дрожал от волнения. — Я не могу оставить тебя здесь.

Но он покачал головой, его глаза встретились с моими со смесью печали и решимости.

— Это ты хотела уйти.

Я хотела закричать, накричать на него за то, что он сдался, но на это не было времени. Газ душил меня, и я знала, что должна выбраться, пока не стало слишком поздно.

Дверь открыть было невозможно. Я взяла стул и стала долбить им в глухое окно. Почувствовав звук лёгкого треска, я отбежала слегка назад и бросила стул прямо в окно. На удивление, мне удалось попасть, и стекло наконец-то разбилось. Снаружи прохладный ночной воздух обрушился на нас волной облегчения.

— Прямое попадание, — сказал Айзек и стал хлопать в ладоши.

— Пошли, — рявкнула я.

Он стал неохотно выходить.

— Пошевелись!

Честное слово, если огонь его не убьёт, убью я.

Когда он наконец вышел, я спросила:

— Где огнетушитель?

— В шалаше, — ответил он, указывая на небольшую хибару с боку.

Зайдя, я стала глазами искать огнетушитель и бросилась за ним, как только увидела. Когда я наводила его на огонь, мои руки дрожали от нервов, но я взяла себя в руки и нажала на спусковой крючок. Сила удара огнетушителя направила струю пены в сторону пламени, и я испустила легкий вздох облегчения, когда огонь начал уменьшаться.

Однако этого было недостаточно. Огонь все ещё давал о себе знать, и мне нужно было найти более эффективный способ его потушить. Заметив поблизости ведро с водой, я быстро схватила его и начала тушить оставшееся пламя. Вода зашипела, встретившись с жаром, создавая облако пара, которое застилала мне обзор.

Кашляя от дыма, я прошла вперед, отказываясь сдаваться. Я продолжала лить воду в огонь, пока, наконец, последнее пламя не замерцало и не погасло.

— Кристал, всё. Ты потушила огонь, — Айзек взял ведро с моих рук. — Успокойся.

— Зачем ты это сделал?

Мой вопрос был более риторический, нежели нуждающийся в ответе, но Айзек всё равно сказал:

— Я знал, что ты нас вытащишь, — спокойно сказал он. — Ты сильная, Кристал. Сильнее, чем ты сама о себе думаешь. Я попытался тебе это доказать. Сделала всё, что я мог, точнее есть ещё кое-что, но это остаётся за тобой. Дальше ты решаешь сама.

Отступив назад, я оглядела комнату, теперь обугленную и поврежденную пламенем. Реальность того, что только что произошло, поразила меня, и я опустился на землю, переполненная эмоциями.

Мне хотелось разозлиться на него, закричать, но правда заключалась в том, что я была зла больше на себя.

— Что же это? — мой голос звучал сдавленно и тихо после пережитого стресса.

Я поняла, что Айзек не услышал и не стала переспрашивать. Вместо этого, я стала уходить. В этот раз он не стал меня останавливать.

Находясь на достаточно далёком расстоянии, я села на пол и расплакалась.

Как же я сильно устала. Мне хотелось просто свернуться в клубок и уснуть. Но я знаю, что этого делать нельзя.

Внезапный шорох заставил меня вздрогнуть.

Что же это было?

Осмотрев территорию, я ничего не увидела. Не став ждать и секунды, я помчалась вперед. Шорох продолжал преследовать, и теперь я не могла отличить его от звука собственных шагов. Я стала бежать вперед, постоянно оборачиваясь. Из-за этого я не заметила камень и споткнувшись упала. Я услышала треск. Моя голова ударилась о камень с тошнотворным стуком. Боль была невообразимой и мучительной. Осторожно я тронула часть голову, которая гудела больше всего. Почувствовав влажность, я со страхом преподнесла руку к глазам. Кровь. Я попыталась приподняться и встала на ноги, но мое тело отказывалось повиноваться.

Моё зрение затуманилось, и мир вокруг меня закружился в хаотическом вихре. Страх внутри меня нарастал, угрожая захлестнуть меня с головой. Я знала, что должна продолжать двигаться, чтобы найти безопасность и помощь, но что-то мешало мне. Каждое движение было мучительным, каждый вдох — борьбой.

С каждой проходящей секундой темнота подступала к краям моего поля зрения. Я пыталась бороться с этим, оставаться в сознании, но это была проигранная битва. Мои глаза медленно закрылись, и мир вокруг меня растворился в небытии.

Я испытывала странное чувство умиротворения. Ощущение, что теперь можно перестать бороться. Медленно, под звуки природы, я стала уклоняться в сон.

* Действия в этой главе могут иметь нелогический поворот. Прошу помнить, что в первом образе — это метафорическое произведение и главной темой здесь является столкновение с собственными проблемами и озвучивание своих чувств.

* Завершение происходит здесь, но так как я знаю своих читателей — будет ещё и эпилог, где конкретно показан хэппи энд.

Твои воспоминания принадлежат тебе?

Одним из самых интригующих и сбивающих с толку вопросов, который на протяжении веков ставил философов и мыслителей в тупик, касается природы, личной идентичности и памяти. Изучая эту тему, я нашла дискуссию в интернете с названием: «Являются ли воспоминания вообще вашими?»

Чтобы найти исток проблемы главной героини, я решила погрузиться в эту тему.

Основы личной идентичности.

В поисках понимания личной идентичности философы тысячелетиями обсуждали природу «я»*. Одной из известных точек зрения является теория психологической непрерывности, которая утверждает, что личная идентичность связана с непрерывностью психических состояний во времени. Согласно этой точке зрения, наше самоощущение в значительной степени зависит от сохранения воспоминаний, которые связывают наш прошлый опыт с нашим нынешним сознанием.

*«Я-концепция» («Я-образ», «Образ Я», англ. one's self-concept, а также: self-construction, self-identity или self-perspective) — система представлений индивида о самом себе, осознаваемая, рефлексивная часть личности. Эти представления о себе самом в большей или меньшей степени осознаны и обладают относительной устойчивостью.

Эта теория подразумевает, что воспоминания действуют как клей, скрепляющий нашу идентичность. Именно благодаря нашим воспоминаниям мы поддерживаем связное повествование о нашей жизни, позволяя нам установить связь с нашими прошлыми «я» и сформировать ожидания относительно нашего будущего «я».

Однако это поднимает другой вопрос: что происходит, когда воспоминания становятся ненадежными или даже обманчивыми?

Хрупкость памяти.

Воспоминания, хотя и являются неотъемлемой частью нашей идентичности, они подвержены искажениям, манипуляциям и даже полной фальсификации. Психологи давно задокументировали феномен ложных воспоминаний, когда люди вспоминают события, которые никогда не происходили, или неправильно запоминают важные детали.

Пластичность памяти представляет собой серьезную проблему для психологической теории непрерывности личностной идентичности. Если воспоминания могут быть изменены или имплантированы, означает ли это, что наше самоощущение столь же изменчиво? Можем ли мы по-прежнему считать воспоминания надежным показателем того, кто мы есть на самом деле?

Парадокс корабля Тесея.

Существует также знаменитая головоломка под названием парадокс «Корабля Тесея», в которой задаётся вопрос, остается ли корабль прежним, если все его части со временем заменяются? Точно так же мы можем задать вопрос, остались бы мы тем же человеком,

если бы все наши воспоминания были изменены или стерты.

Некоторые люди верят, что личная идентичность выходит за рамки просто воспоминаний. Они думают об этом как о непрерывном путешествии, где наш опыт и взаимодействие с другими людьми также формируют то, кто мы есть. С этой точки зрения, наша идентичность не является фиксированной; она развивается и растет по мере того как мы идем по жизни.

За пределами памяти: Самость как континуум.

В то время как воспоминания, несомненно, формируют нашу идентичность, метафизика открывает двери для альтернативных взглядов на природу «я». Некоторые философы предлагают более целостный взгляд, в соответствии с которым личная идентичность рассматривается как постоянно меняющийся континуум, а не как фиксированная сущность, закрепленная исключительно в памяти.

С этой точки зрения, «я» не ограничено каким-то одним моментом времени, и оно формируется не только воспоминаниями, которые мы носим в себе. Напротив, это развивающаяся сущность, на которую постоянно влияет множество переживаний, эмоций и взаимодействий с другими людьми.

Эта точка зрения признает, что воспоминания играют жизненно важную роль в формировании нашего повествования и понимания самого себя. Однако это также включает в себя представление о том, что наша идентичность изменчива и многогранна, способна адаптироваться и расти на протяжении всей нашей жизни.

Вывод.

Вопрос о том, действительно ли наши воспоминания принадлежат нам, выходит за рамки метафизических исследований, углубляясь в области психологии, нейробиологии и даже этики.

В конце концов, хотя воспоминания составляют неотъемлемую часть нашего самоощущения, не только они определяют, кто мы такие. Природа личной идентичности остается загадочной и увлекательной областью исследований, где метафизика приглашает нас задуматься не только о прошлом, но и о безграничных возможностях, которые лежат впереди. Независимо от того, принадлежат ли наши воспоминания полностью нам или нет, они, несомненно, играют важную роль в формировании повествований о нашей жизни, направляя нас по глубокому пути самопознания.

Случай главной героини.

Травма может глубоко повлиять на то, как обрабатываются и запоминаются воспоминания, и иногда это может привести к диссоциации или провалам в памяти в качестве механизма преодоления. Крайне важно признать, что реакция жертв на травму не умаляет их истинного «я» и не определяет их идентичность.

Люди пережившие травму по сути своей остаются теми, кто они есть. Хотя воспоминания могут быть фрагментарными или ускользающими, они остаются неотъемлемой частью жизненного опыта человека.

Моё личное мнение склоняется к тому, что человек является тем, во что он верит. Если Кристал Мартинез верила во что-то или считала, что какие-то действия произошли — значит в её понимание это таким и было.

***

Кристал Мартинез.

Сейчас.

Я помню.

Незамедлительно я пошла искать Айзека, который сидел на веранде и занимался резьбой.

— Я всё знаю! — сказала я с отдышкой. — Всё!

Он поднял голову и посмотрел на меня, словно его это не удивило.

— Очень хорошо. И?

— И эта вся твоя реакция?

Айзек пожал плечами и вернулся к работе.

— Если до человека не достучаться, что ещё можно сказать? Хочешь вернуться, возьми мою машину и уезжай.

Я открыла рот, но не знала, что и сказать.

— Я так и не спросила, откуда ты узнал?

— Эта долгая история. Ты действительно хочешь знать?

— Да.

Он ухмыльнулся и встал со своего места.

— Пойду поставлю чай.

— Эм... Может без чая?

— Нет, — ответил он.

Господи, этот мужчина доведёт меня до белого колена.

— Может ты начнёшь рассказывать, пока чай вскипит?

— Куда торопиться? К тому же, я не могу сконцентрироваться, пока мои мысли будут с чаем.

Я раздражённо махнула рукой и села напротив Айзека, который стоял, оперившись на стол и скрестив руки на груди.

— Ты специально тянешь время?

Айзек задумчиво наклонил голову в бок и посмотрел мне прямо в глаза улыбаясь.

— Нет.

А хитрая улыбка говорит: «да».

Наконец, когда чай вскипел и он разлил его по стаканам, он снова заговорил:

— О чём мы говорили? — спросил он, кусая арахисовое печенье.

Его смех был столь заразительным, что я еле сдержала улыбку.

— Ладно, ладно прости, — Айзек нежно погладил мою руку. — Просто у тебя такое милое выражение лица, когда ты злишься.

Я продолжала строго смотреть на него.

— Был такой детектив: Алев. Он жив, просто не работает уже. По крайней мере не на этой позиции. Алев был знаменит своим упорством и излишней искренностью. Многим это не нравилось ведь в его кругах было принято молчать и делать как приказано. Преступники, которые могли откупиться не являлись нарушителями закона. Но Алев так не считал и поэтому, когда нужно было заняться серией жестоких убийств, связанных с известной мексиканской мафией, под именем La Amarola, его не хотели брать. Однако он был слишком хорош. И так вопрос со звёздочкой, кто такие La Amarola?

— Семья моего отца.

— Умничка.

Он налил себе ещё чая и продолжил:

— Алев замечает, что все жертвы связаны с наркоторговлей и организованной

преступностью, но в характере насилия есть что-то необычное. Что-то, что отличает их. Каждое место убийства отмечено своеобразным символом: опиумным маком, переплетенным со знаковой эмблемой мексиканской мафии. Эмблема очень красивая кстати, красная такая с черной вырезкой... Опять очень сложный вопрос: что у тебя на повязке висело с крестом?

— Та самая...

— Можно спросить, почему ты её носишь, если ты не на стороне своего отца?

— Это подарок мамы. Насколько бы сильно отец не был ей омерзителен, она не хотела, чтобы я забывала свои корни. Она для меня больше, чем просто символ. Это напоминание об ужасном событии, но также о моей семье и стране. Неужели ты похитил меня из-за неё?

— Дослушать хочешь?

— Да.

— Тогда не перебивай. Я отвечу на твой вопрос после всего рассказа.

— Эй, но ты же сам задал мне вопрос! — воскликнула я.

— Терпение, Кристал.

Я недовольно зашипела.

— Рассказывай давай.

— Так... По мере того как Алев углубляется в расследование, он обнаруживает связь с Афганистаном. Это эпицентр мировой торговли опиумом. Следы ведут в таинственный картель, который относится к La Amaroла. Он контролирует значительную часть наркотрафика из Афганистана в Соединенные Штаты. Алев, конечно же, понимает разрушительные последствия их деятельности. Они используют сложную сеть коррумпированных чиновников, наемников и разные схемы отмывания денег, чтобы сохранить свой контроль над торговлей наркотиками. Детектив понял, что одному ему не справиться. Так мы с ним и встретились. Правда первые три раза я ему отказал.

— Почему?

— Мафия. Наркотики. Тёмные дела. Это всё было не моё.

— Тогда почему ты согласился?

— Алев узнал, что La Amaroла имеют тесные связи с экстремистами в Афганистане, подпитывающими терроризм и нестабильность в регионе. Доходы от опиума финансируют их террористическую деятельность и вооружают преступные группировки по всему миру. Я сражался за мир, а каков был толк в этом, если победа всё равно стояла за теми, у кого больше денег и власти? С Алевом у меня появилась надежда. И так с помощью моих знакомых мы нашли маршрут, контролируемые картелями. Тебе налить ещё чая?

— Нет. А как ты узнал про семейные интриги главы La Amaroла? Не думаю, что это всё было на всеобщем обозрении.

— Он сам мне рассказал. Я просто не думал, что ты выживешь.

— Что? — его слова привели меня в полный шок. — Он хотел убить и меня?

— Да. Да, вообще у них дела плохо пошли, и он перестал думать головой.

— Я так полагаю из-за вас? Что было дальше?

— Несмотря на то, что мы узнали всю важную информацию: мы оказываемся в жёсткой гонке со временем. Надо делать всё быстро, пока La Amaroла не узнает, что мы знаем. Алев должен заключать опасные союзы, использовать политические прикрытия и противостоять важнейшим фигурам как и в Афганистане, так и в Мексике. Тогда он решает объединиться с агентом УБН, который будет работать со мной под прикрытием в картеле La Amaroла. Тогда

мы с агентом наткнулись на отдаленное маковое поле, контролируемое мафией. А ещё мы узнали, что они заключили нечестивый союз с местными полевыми командирами, используя доходы от продажи опиума для финансирования своей повстанческой деятельности против коалиционных сил. В то время я и познакомился с твоим отцом лично. Мы настолько сблизились, что он сам начал рассказывать про свои семейные проблемы. Правда, рассказывал он всё только так, как видел это сам. Несмотря на это, я пытался его уговорить оставить вас в покое. Это все происходило в течении нескольких лет. Мы втёрлись к ним в доверие, смогли получить неоспоримые доказательства и дело оставалось за малым. Алев поручил нам работать под прикрытием до последнего, мало ли что, и в последний месяц, помнится мне, он пришёл и сказал: «Всех убил». Я напрягся думал, что он про наших, а оказывается он говорил про вас, — Айзек посмотрел мне прямо в глаза. — Кристал, я до последнего не знал, кто ты. Не буду врать, мне сразу стало интересно. А уже потом я позвонил Алеву и попросил, чтобы мне дали информацию о тебе. Только так.

Я вздохнула, пытаюсь переварить всю информацию.

— Есть ещё что-то, что ты скрыл от меня?

Он опустил голову вниз.

— Ты была без сознания дольше, чем я сказал. Два месяца.

Я еле сдерживалась.

— Тогда... Тогда после пожара ты сказал, что можешь сделать кое-что для меня, но это должна решить я. Что это?

— А ты не знаешь?

— Это же про месть?

— Да.

Я направила свой взор на улицу.

Мечь?

«Не нужна мне она!» — хочу сказать я, но не могу.

Они проповедуют, что добродетельные души те, кто наделён высоким духом и непоколебимой моралью, не должны ступать на такие темные пути. Но вот здесь я, сломленная птица с изодранными крыльями и вырванным сердцем — Что я на самом деле знаю о таких благородных идеалах?

После всего моё сердце истекло реками боли, и моя душа лежала разбитой, как мозаика из забытых грез. Когда-то я верила в чистоту добра, святость прощения, но теперь я борюсь с тьмой, которая угрожает поглотить меня целиком. Мир видит во мне хрупкое создание, неспособное выдержать тяжесть возмездия, но они не в состоянии понять бурю, которая бушует внутри.

Я пытаюсь всё забыть, стоит дать волю этим гнусным воспоминаниям, они разъедают остатки моего рассудка. Я жажду утешения, передышки от этой сводящей с ума жажды мести, но жажда справедливости становится сильнее, неутолимая в своем стремлении.

Они говорят, что месть — это яд, который отравляет душу, но они не знают о яде, который уже течет по моим венам. Когда-то я верила в свет, но теперь я оказалась в ловушке теней, где каждый шаг приближает меня к краю забвения.

Айзек был прав насчет меня. Я яркий кристалл с тьмой внутри.

Я представляю лишь фасад, которого не существует.

И даже самый яркий кристалл может треснуть под давлением собственной яркости, и так происходит со мной. Тьма внутри угрожает расколоть самую суть того, кто я есть,

угрожает разорвать меня на части, осколок за осколком. Борьба за сохранение фасада и подавление тьмы поглощает меня, но я знаю, что больше не могу отрицать ее существование.

Ибо я не просто кристалл, отражающий свет, но многогранное существо, обладающее как сиянием, так и тенью.

Среди хаоса противоречивых эмоций я нахожу толику утешения в осознании того, что даже самые добродетельные сердца могут быть поглощены тьмой. Я больше не цепляюсь за иллюзию чистоты; вместо этого я принимаю хаос, который обитает внутри меня. Ибо, в конце концов, именно эта разбитая душа решит ход моей судьбы.

Месть может быть ядом, но, возможно, это единственное противоядие, которое может исцелить. Я приму тьму, ибо она не лжива, как свет, она не обнадёживает, а потом ломает, она не дарит тебе лживых миражей и радости, которая ломает тебя. Нет. Под твоим покровом теней есть только реальность, такая, какая она есть на самом деле.

— Что ты предлагаешь сделать? — спросила я.

— Из-за его мексиканского гражданства и связей его не смогли посадить, но он сидит на домашнем аресте.

— Нет, нас посадят. Мы не можем просто так убить его!

Айзек ухмыльнулся.

— Вообще-то убивать собираемся его не мы. Есть некоторые важные люди, которые решили с ним расправиться. Я думал, ты захочешь посмотреть ему в лицо и сказать пару нежных слов напоследок.

Я покраснела и увела взгляд.

— Ну да... Нет, вообще идея чушь. Как ты вообще собираешься это провернуть?

— Об этом не беспокойся. Мне просто нужно немного времени.

— А до этого? — спросила я.

— Я не могу просить тебя остаться, не так ли? — сказал он неуверенно.

В его глазах таилась искорка надежды, и от осознания того, что сейчас я у него её отниму, мне стало плохо. Слезы навернулись у меня на глаза, и я прикусила губу, чтобы не расплакаться. Я знала, что, если останусь, это только ещё больше все усложнит, но от этого уходить было ничуть не легче.

— Мне нужно идти, — сказала я, мой голос был едва громче шепота.

— Могу я хотя бы подвезти тебя? Пожалуйста? — спросил он.

— Да, — тихо сказал я.

В душе я была рада провести с ним больше времени.

Пока я одевалась, комната казалась тяжелой от груза наших невысказанных чувств. Тишина была оглушительной, наполненной всем тем, что мы не могли заставить себя сказать.

Мне не хотелось уходить.

Одевшись, я спустилась к Айзеку.

— Спасибо, — сказала я, и мой голос застрял у меня в горле. — За всё.

Мы молча шли к его машине, никто не знал, что и сказать.

Пока он вел машину, я не могла удержаться и украдкой поглядывала на него, запоминая каждую черточку его лица, каждый изгиб губ.

После мучительной трехчасовой езды, мы добрались до места назначения, он повернулся, чтобы посмотреть на меня, и его глаза наполнились смесью печали и любви.

— Кристал, посиди в машине. Я пойду возьму для тебя номер и попрошу, чтобы пришли

взять твои вещи.

Молча кивнув, я стала наблюдать как Айзек теряется в толпе людей.

Вскоре он вернулся вместе с носильщиком. Мы поднялись на десятый этаж, и мне протянули ключи.

— Если можно, я быстро дам вам информацию, так надо по кодексу, — сказал носильщик. — В вашем распоряжении собственная мини-кухня, обеденный уголок и комната отдыха. Здесь также есть бассейн на крыше с видом на набережную, фитнес-центр, мини гольф и коворкинг-пространство. Ваши окна смотрят на The Battery — прибрежного оазиса с многолетними садами. Нью-Йоркская фондовая биржа, Уолл-стрит и Всемирный торговый центр One World Trade Center также находятся в нескольких минутах ходьбы от отеля. Советуем использовать приложение Sender. Всё, что вам нужно в одном клике. И не надо куда-то звонить или идти. Стойка регистрации работает круглосуточно и без выходных. Опять-таки лучше использовать приложение. На этом всё.

Айзек расплатился с женщиной, и мы остались одни.

— Я всё верну. Мн-

— Не глупи, Кристал. Это ничто.

— Но мне не удобно.

Он упёрся об косяк двери и устремил свой пристальный взгляд на меня. Его холодные, голубые глаза казалось смотрели сквозь меня.

— Кристал, считай это плата за моральный ущерб, — Он засунул руку в карман и достал пластиковую карточку протянул её мне. — Возьми.

— Нет уж, мне ничего от тебя не надо.

Он раздраженно вздохнул и, положив руку мне на талию, притянул к себе. Айзек всунул карту в мой задний карман, попутно ударяя меня по попе. Я ахнула.

— Пусть будет, хотя бы на всякий случай. Не спорь. Хотя бы не сейчас, — его голос был тихий и хриплый. — Я бы хотел, чтобы все было по-другому.

Я протянула руку и коснулась его щеки, ощутив тепло его кожи кончиками пальцев.

— Я тоже, — прошептала я.

Тяжесть нашей предстоящей разлуки тяжело повисла в воздухе. Это был момент, наполненный противоречивыми эмоциями: грустью и желанием, тоской и принятием. Не говоря ни слова, он притянул меня в свои объятия, и я растаяла на его сильной груди.

Его губы нашли мои в яростном и страстном поцелуе, словно Айзек пытался передать все чувства, которые мы не могли выразить словами. Это была смесь глубокой любви и боли, отчаянная попытка удержать друг друга еще хотя бы на несколько драгоценных мгновений.

Его вкус был одновременно знакомым и вызывающим привыкание, и я обнаружила, что теряюсь в ощущении его прикосновений. Его руки блуждали по моему телу, запоминая каждый изгиб и каждый сантиметр моей кожи, возможно, в последний раз.

Я почувствовала, как слеза скатилась с моих глаз, когда я углубила наш поцелуй, осознавая горько-сладкую реальность нашей ситуации.

Но в тот момент были только мы. Ничто другое не имело значения — ни прошлое, ни будущее. Это были только мы двое, вплетенные в танец любви и боли.

Но слишком скоро поцелую пришлось прерваться. Айзек отстранился, его глаза встретились с моими, как будто он пытался запечатлеть в памяти каждую деталь.

— Я позвоню тебе и скажу, когда всё будет готово, — сказал он, смахивая слезу с моей щеки.

Во мне не нашлось сил заговорить, поэтому я лишь покачала головой в знак согласия.

Уходя, Айзек обернулся, чтобы посмотреть на меня. Наши глаза встретились, и я помахала рукой, грустно улыбаясь.

***

Прошел месяц с тех пор как он ушёл, но мне кажется, что прошла вечность. Каждый день кажется борьбой, постоянным сражением за то, чтобы держать себя в руках и продолжать двигаться вперед без него рядом.

Я скучаю по нему так сильно, что сердце сжимается при одной мысли о нём. В моей груди есть боль, которая никуда не денется, пустота, которую невозможно заполнить. Хуже всего по ночам, когда я лежу в постели, не в силах заснуть, тоскуя по его прикосновениям, его теплу, его присутствию.

Куда бы я не пошла, я ищу его везде, надеясь мельком увидеть его, снова услышать его голос. Но я понимала, что сделала правильный выбор, решая двигаться вперёд.

У меня была работа, и скоро я переезжала в новую квартиру, как оказалось за ту, Айзек заплатил за месяц вперед. Иногда я просыпалась, и мне казалось, что Айзек был сном. Но боль была слишком реальная.

Я думала, что смогу быть сильной, что смогу справиться с его отсутствием, но я ошибалась. Чувствуя себя такой потерянной без него, как корабль, дрейфующий по морю, без чувства направления или цели, я порой представить не могла, что делать.

Иногда, неосознанно для себя, я прокручиваю в голове наше совместное времяпрепровождение, и я не могу не задаться вопросом, думает ли он обо мне тоже. Скучает ли он по мне так же, как я по нему? Чувствует ли он такую же пустоту в своей жизни?

Я пытаюсь сказать себе, что это к лучшему, что нам нужно было расстаться, но в это трудно поверить, когда все, чего я хочу, — это снова быть с ним. Сейчас я бы все отдала, чтобы вернуть его, прижать к себе и никогда не отпускать.

Это всё так неправильно! Ведь он похитил меня и развернул мою жизнь на триста шестьдесят градусов! У сейчас была бы работа, которую я хочу, новые друзья и совершенно другое мышление! Мне нужно двигаться дальше, я должна попытаться забыть его и найти счастье в другом месте, но это легче сказать, чем сделать. Ибо всё больше я понимаю, что он оказал мне услугу. Он запечатлелся в моей душе, и я не могу просто вычеркнуть его из своей жизни.

Когда мне бывает слишком плохо, я представляю, что лежу вместе с ним в лесном домике.

— Ты поступила правильно, любовь моя, — тихо прошептал он. — Решение расти и учиться жить одной требует невероятного мужества.

Слезы застилали мне глаза, когда я слушала его.

— Но это так больно, — призналась я, мой голос дрожал от волнения. — Я скучаю по тебе.

— Я тоже скучаю по тебе, — ответил он, и в его голосе прозвучала печаль. — Но иногда мы должны отпустить то, что любим, чтобы позволить этому процветать. Время, проведенное врозь, сделает наше воссоединение еще более прекрасным.

— Но что, если я этого не вынесу? — спросила я.

— Сможешь. Ты сильнее, чем думаешь, — сказал он непоколебимым голосом. — Помни, я верю в тебя, и я знаю, что ты сможешь преодолеть любое испытание, которое

жизнь бросит тебе на пути.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь найти силу в его словах.

— Тоже хочу в это верить, — сказала я дрожащим голосом.

— Поверь в это, любовь моя, — мягко уговаривал он. — И верь, что мы встретимся совсем скоро.

Мысль о нашем будущем воссоединении пробудила в моем сердце проблеск надежды, и я отчаянно цеплялась за него.

— Я буду цепляться за эту надежду, — прошептала я.

— Вот и хорошо, — сказал Айзек. — И помни: я всегда рядом.

Я закрыла глаза, представляя его присутствие рядом со мной, и на мгновение мне показалось, что он прямо здесь, держит меня в своих объятиях.

— Я люблю тебя, — прошептала я, мой голос был полон любви и тоски.

— Я тоже люблю тебя, моя драгоценный камень, — ответил он. — Никогда не забывай это.

По мере того как дни превращались в недели, а недели: в месяц, воспоминания о том, что произошло между мной и Айзеком стали казаться далеким сном. Не было никаких ощутимых следов нашей связи, никаких сообщений или звонков, которые напоминали бы мне о его существовании. Все, что осталось, — это боль в моём сердце. Каждое утро, просыпаясь в мирской рутине новой жизни, было сложно поверить, что он не был плодом моего воображения, созданный чтобы хоть как-то скрасить мою жизнь.

Я пыталась с головой уйти в новую работу, стала активней общаться с коллегами, заполняя свои дни бесконечными заданиями и отвлекающими факторами. Но как бы я ни была занята, я не могла избавиться от мыслей о нем, которые преследовали меня каждое мгновение.

Я жаждала завершения, какого-нибудь знака, который подтвердил бы, была ли наша любовь настоящей или мимолетной иллюзией. Но мир вокруг меня молчал, не предлагая никаких ответов, оставляя меня гадать. Ведь то, что произошло между нами никак не описать.

И вот, порой, я позволяла себе расплакаться, высвобождая сдерживаемые эмоции, которые копились во мне. Я позволила слезам течь свободно, очищая свою душу от печали, которые отягощали ее.

***

Резкий звук моего телефона пронзил ночную тишину, вырвав меня из сна. Мне пришлось повозиться, чтобы ответить на звонок.

— Да? — пробормотала я, мой голос всё ещё был сонным.

Раздался твердый и властный голос в телефоне:

— Будь готова в пятницу в 2 часа дня. Я пришлю тебе все детали встречи завтра.

Айзек.

Моё сердце ёкнуло.

Неужели это случится?

Я села на кровать под внезапным приливом бодрости.

Как бы я не представляла этот момент бесчисленное количество раз в своей голове, теперь, когда он стал реальностью, я почувствовала, как паника захлестнула меня. Была ли я действительно готова встретиться с ним снова? Что я вообще скажу?

Достаточно будет просто плюнуть ему в лицо.

— Ладно, — пробормотала я, сердце колотилось в груди.

До назначенного дня было ещё три дня. Каждый час проходил мучительно медленно, и иногда я находила себя за неотрывной слезкой за часами, словно если на них долго смотреть они пойдут быстрее. Эти ночи спать без лекарств вообще не получилось.

Наконец настала пятница. Часы всё ближе тикали к 14:00, пока я с тревогой металась по комнате. Мои нервы были на пределе. Я хотела, чтобы все было идеально, но неуверенность в том, что меня ждет, заставляла меня нервничать.

Место встречи находилось в другой стороне города, поэтому я взяла такси и отправилась полуторачасовую поездку. Стоило мне перешагнуть порог кафе, как наши взгляды встретились через всё помещение.

Чёрт, теперь я нервничаю сильнее.

Его волосы, собранные сзади в пучок, подчеркивали точеную линию подбородка, а простая одежда из джинсов и рубашки каким-то образом делала его ещё более неотразимым. То, как он смотрел на меня этими напряженными, горящими глазами, заставило мое сердце учащенно забиться, а щеки вспыхнуть ярким красным.

Его улыбка...

Но прежде, чем мы успели обменяться единым словом, нас прервали.

— Айзек, вот ты где, — сказал подошедший к нам мужчина. — А ты, должно быть, Кристал?

Я кивнула, чувствуя себя немного взволнованной под его взглядом.

— Да, это я.

Всё это время Айзек не спускал с меня глаз.

— Кристал, это детектив Алев, про него я тебе рассказывал.

Алев, протянул руку, и я пожалала её, пытаюсь скрыть нервозность за вежливой улыбкой.

— Приятно познакомиться,

— Я много о тебе слышал, — ответил он, подмигнув, заставив меня вновь покраснеть, на что Айзек ударил его локтем.

— Надеюсь хорошие вещи?

Он таинственно ухмыльнулся.

— А как же ещё?

Айзек прочистил горло, его глаза потемнели.

— Не проверить ли тебе твоих парней? А мы тебя догоним, — сказал Айзек твердым тоном, положив свою руку на моей талии.

Алев приподнял бровь, его игривая манера поведения на мгновение сменилась серьезностью.

— А, да. Что ж, тогда я пойду...

Когда Алев ушел, снова оставив нас наедине, напряжение между нами стало ощутимым. Я чувствовала напряженность в его взгляде, яростную страсть, которая отражала мою собственную.

— Как ты? — спросил он, его голос был нежным, когда он протянул руку, чтобы убрать прядь волос с моего лица.

— Нервничаю, — призналась я, чувствуя себя немного уязвимой под его пристальным вниманием.

Его пальцы задержались на моей щеке, и он наклонился ближе, его теплое дыхание касалось моей кожи.

— Не надо, — прошептал он, и от его голоса у меня по спине побежали мурашки. — Я рядом. Всё будет хорошо.

Его слова были одновременно и успокаивающими, и наэлектризованными, зажигая во мне огонь, который я не могла сдержать.

— Я скучала по тебе, — призналась я, не в силах больше сдерживать свои чувства.

Мягкая улыбка тронула уголки его губ.

Не говоря ни слова, его губы впились мои в обжигающем поцелуе.

— Я тоже скучал по тебе, — пробормотал он с нежностью в голосе.

Айзек прижал меня к себе в своих крепких объятиях. Пока мы стояли там, обняв друг друга, я ощутила чувство умиротворения и принадлежности, которого не испытывала уже давно. Нервозность и страх, охватившие меня раньше, испарились, сменившись уверенностью, что я нахожусь там, где должна быть.

— Кристал, обещаешь, что этим ты положишь точку?

— Да.

Вскоре Алев вернулся.

— Извините, что прерываю, но у нас не так много времени, если мы хотим идти.

Айзек кивнул.

— Да, конечно. Спасибо за понимание, — ответил он, не отрывая от меня пристального взгляда.

Детектив вздохнул, явно разрываясь между своим долгом и дружбой с Айзеком.

— Я не хотел ввязывать вас в это, но Айзек настоял, — объяснил он.

Я кивнула, благодарная за его понимание, хотя часть меня чувствовала себя виноватой за то, что ему пришлось рисковать из-за меня.

— Спасибо вам большое, детектив Алев, — искренне поблагодарила я. — Я ценю вашу помощь.

Он ободряюще улыбнулся мне.

— Не за что. Просто пообещай мне, что будешь осторожна.

— Обещаю.

Айзек взял мою руку в свою.

— Пойдем, — тихо сказал он, ведя меня к двери.

Когда мы вышли на улицу, нас окутал прохладный ночной воздух. Я сделала несколько глубоких вдохов, и Айзек посадил меня в машину. Пока мы ехали, Алев решил проговорить план. В салоне автомобиля было душно и тяжесть надвигающейся опасности давила на нас. Детектив вручил мне пуленепробиваемый жилет, посоветовав надеть его для моей собственной безопасности.

— Это даст тебе некоторую защиту, но, помни, держись поближе к нам и не подвергай себя ненужному риску, — предупредил он.

Я надела жилет, чувствуя его тяжесть на своих плечах. Айзек, сидящий рядом со мной, ободряюще сжал мою руку, его глаза встретились с моими, безмолвно сообщая, что он здесь, чтобы защитить меня.

Затем детектив подробно объяснил свой план, и, как я поняла: мы входим в дом после полковника. Я разговариваю с ним, а потом его убирают.

— А почему его убивают именно сейчас? — спросила я.

Алев потёр шею, явно не желающий открывать эту тему.

— Твой отец недавно предпринял несколько смелых действий, наступив на пятки

некоторым очень влиятельным людям. Они увидели в этом шанс нанести удар, пока он был уязвим. После бесчисленных дел, которые были открыты на него и сразу же закрыты, он расслабился и теперь думает, что может позволить себе всё.

— А разве не так?

— Было так. Когда он нужен был мексиканцам. Сейчас же... не очень. Только он сам этого не понимает.

Я кивнула в знак понимания.

Моё сердце бешено колотилось в груди, когда мы приближались к дому. Детектив припарковал машину неподалеку, стараясь, чтобы она не бросалась в глаза. Он вручил мне наушник, объяснив, что будет поддерживать постоянную связь со мной на протяжении всей операции.

На полковнике тоже был микрофон. Алев включил звук на полную громкость, чтобы узнать, что происходит:

— Думаешь, что ты неприкосновенен, дергаешь за ниточки, заключаешь сделки направо и налево. Неужели действительно не видишь какие ошибки ты делаешь? — спросил мужчина.

— Вы думаете, что такой умный? Вы лишь марионетка, танцующая на ниточках, которыми я управляю,

Я замерла, услышав голос отца.

— Ты всегда был таким уверенным в себе, не так ли? Но, видишь ли-

На этом детектив убрал звук, чтобы дать мне указания.

— Выходи медленно и осторожно.

Я кивнула. Это был тот момент, которого я так долго ждала, шанс встретиться лицом к лицу с моим отцом и положить конец тьме, преследовавшей меня всю жизнь.

Теперь дороги назад нет.

Я зашла слишком далеко, и многое было поставлено на карту.

Когда мы приблизились ко входу в дом, я глубоко вздохнула, готовясь к тому, что должно было произойти. Детектив обменялся понимающим взглядом с Айзеком, и мы кивнули друг другу, готовые встретиться лицом к лицу с тем, что ожидало нас внутри. К нам подошёл мужчина, видимо, человек, который предал его, и провёл нас на второй этаж.

Разговор в кабинете напротив был чётко слышен.

— Ты наивен, если думаешь, что это что-то изменит. Город будет продолжать гнить, со мной или без меня, — сказал отец.

— Может быть, но, по крайней мере, я буду лучше спать, зная, что сделал то, что нужно было сделать, — ответил полковник.

Когда разговор между ними подошёл к концу, в комнате воцарилась тишина. Теперь была моя очередь встретиться с ним лицом к лицу.

В тускло освещенной комнате мой отец повернул голову и посмотрел на меня с непроницаемым выражением лица. На мгновение он, казалось, принял меня за свою помощницу, но, когда на его лице появилось узнавание, в уголках его губ появилась зловещая улыбка.

— Здравствуй, отец.

Выражение его лица сменилось с удивления на зловещее веселье, когда он оглядел меня с ног до головы, как будто я была не более чем нежелательным привидением.

— Кристал, неужели это ты?

— Как видишь

— Ну-ну-ну, — усмехнулся он, и в его голосе звучала злоба. — Посмотрите, кто решил появиться. А я думал, что позаботился о вас, — медленно встав со своего места, он стал подходить ко мне.

Его слова поразили меня как удар под дых, но я держалась.

— Неправильно подумал. Не получилось.

Он холодно рассмеялся, от этого леденящего смеха у меня по спине побежали мурашки.

— Вижу. Как ты вообще нашла меня?

Я сжала кулаки.

Его глаза сузились, в них мелькнул опасный блеск.

Я сделала шаг ближе к нему.

— Ты задал неправильный вопрос. Зачем я пришла?

Он снова засмеялся. Походу был пьян.

Этот звук действовал мне на нервы.

Я почувствовала прилив гнева и, сама от себя не ожидая, нанесла удар прямо ему в челюсть. Он отшатнулся, застигнутый врасплох моей внезапной демонстрацией силы.

Мое сердце бешено колотилось в груди, когда я повернулась к нему лицом, мои пальцы подрагивали от предвкушения.

— Что тебе нужно? Деньги? Услуга?

— Нет, — ответила я ровным голосом. — Мне не нужны деньги. Что мне нужно, так это справедливость.

— Правосудие? — он насмеялся. — Ты просто маленькая девочка, глупая и слабая. Такая же, как и твоя мать.

— Моя мать была сильной! Слабый здесь только ты, неспособный справиться с отказом и прибегающий к насилию, чтобы сохранить свою власть. — Я достала кулон из-под кофты. — Всё это время мама так бережно оберегала этот кулон, я думала, что эта простая семейная ценность. — Пальцами я стала раскручивать в сторону ствол цветка. — А оказалось, что у нём меня ждал сюрприз. — Я вытащила маленькую бумажку и раскрыв её показала ему код.

Код к сейфу. Ключ ко всем его секретам.

Его глаза сузились, и я поняла попала в цель. Теперь он знал, что я была серьезна, что я была готова сделать все возможное, чтобы сломить его.

— Ты совершаешь большую ошибку, — сказал он, пытаясь скрыть свое беспокойство за фальшивой бравадой.

— Нет, это ты совершил ошибку, — выпалила я в ответ. — А теперь пришло время заплатить за это.

Он стал пятиться назад.

— Зачем же так не гуманно, а, дочь? Я могу помочь тебе, дать тебе всё, что нужно. Ты знаешь какую жизнь я могу тебе обеспечить?

— Поздно.

С этими словами я подала сигнал, и из тени появилась фигура.

Страх в глазах моего отца был очевиден, когда он понял, что происходит.

— Ты бы не посмела, — пробормотал он запинаясь.

Он стал быстро набирать чей-то номер, но этот человек сбросил.

Наемник двинулся вперед, и мой отец попытался сделать отчаянный шаг, чтобы

убежать, но было слишком поздно. Он был в ловушке, и выхода не было.

Когда прозвучал последний выстрел, в комнате воцарилась тяжелая тишина, и я поняла, что всё наконец закончилось. Царствованию террора моего отца пришел конец.

Сколько же людей пострадало из-за него.

Я посмотрела на его бездыханное жалкое тело в последний раз.

Это был конец главы в моей жизни, главы, которая была наполнена муками, но также и главы, которая сформировала из меня того человека, которым я стала.

Айзек подошел ко мне.

— Ты в порядке? — тихо спросил он, заключая меня в теплые объятия.

— Да, — прошептала я, мой голос был едва слышен.

Он крепко обнял меня, его прикосновения были успокаивающими и нежными.

— Ты сделала то, что должна была сделать, — мягко сказал он. — Ты столкнулась лицом к лицу со своим прошлым и вышла с другой стороны.

— Я знаю. Но это все равно тяжело, понимаешь? Забыть обо всем, что здесь произошло.

— Я понимаю. Но иногда мы должны отпустить прошлое, чтобы освободить место для светлого будущего.

Когда я посмотрела в его глаза, я увидела проблеск будущего, о котором он говорил, — будущего, наполненного надеждой, любовью и обещанием новых начинаний. Но нужно ещё многое сделать перед этим.

— Айзек, что ты планируешь делать?

Усталое выражение лица Айзека смягчилось, и он вздохнул.

— Спать. Последняя неделя была слишком напряженной, — ответил он, на мгновение отмахнувшись от вопроса.

— Нет, я имею в виду вообще. Каковы твои планы на будущее? — я надавила, надеясь заглянуть в его сердце и разум.

Его взгляд встретился с моим, и на мгновение мне показалось, что время остановилось.

— Я возвращаюсь в свой лесной дом, — просто сказал Айзек.

Моё сердце упало, смесь облегчения и печали захлестнула меня. Я представляла себе этот момент бесчисленное количество раз, мечтая быть рядом с ним. Однако реальность оказалась более сложной, чем я себе представляла.

— Айзек, я-я не пойду с тобой. Пока что, — поспешно добавила я, мой голос дрожал от оттенка уязвимости. — Я не готова.

Взгляд Айзека смягчился пониманием, и он нежно погладил меня по щеке, его прикосновение послало электрический разряд по моему телу.

— Я знаю, — прошептал он, и его голос был полон нежности. — Я не буду торопить тебя, Кристал. У нас есть время.

Время. Это было похоже на драгоценный подарок, и всё же неопределенность всего этого разрывала меня на части. Тяжесть недавних событий витала в воздухе, и я знала, что нам обоим нужно пространство, чтобы найти свои собственные пути.

По мере того как полицейские сирены становились громче, реальность возвращалась в момент нашей уязвимости. Мы всё ещё находились в опасной ситуации, и на данный момент нам нужно было расстаться.

Айзек наклонился, касаясь своими губами моих в нежном поцелуе. Это было своего рода прощание.

— Я буду здесь, — прошептал он мне в губы. — Когда ты будешь готова, когда я тебе

понадоблюсь.

И с этими словами я почувствовала чувство комфорта и ободрения. Возможно, на данный момент наши пути разошлись, но связь между нами была крепкой, нерушимой.

Когда я смотрела, как он уходит, мое сердце щемило от тоски и надежды.

— Айзек? — неуверенно позвала я.

Когда он повернулся, я сказала:

— Обещай, что не будешь просто запираяться. Откройся миру и прими то, чему ты сам учил.

Вдали затухали звуки сирен, я знала, что независимо от того, куда заведет нас жизнь, наши сердца всегда будут переплетены, навсегда связаны любовью, которую мы обрели посреди хаоса и тьмы.

— Хорошо.

Сейчас.

Когда я вошла в офис, меня встретила знакомая суета обычного рабочего дня. Мой менеджер, мистер Диккенсон, жестом пригласил меня в свой кабинет, как он обычно это и делал, когда хотел обсудить важные вопросы.

— Доброе утро, мистер Диккенсон. Можем начинать?

Мы прошлись по отчёту, который я предоставила.

Когда мы закончили, я стала уходить, но мужчина меня остановил.

— Кристал, хотел ещё сказать о корпоративной вечеринке, которую мы устраиваем в следующем месяце, точнее уже через неделю. Время летит так быстро, не так ли? — сказал он, приводя в порядок какие-то бумаги на своем столе.

— Корпоративная вечеринка? Да, я слышала о ей. Что-то надо сделать? — ответила я, удивляясь, почему он заговорил об этом сейчас.

— Ты проделала здесь отличную работу, и я хотел бы лично пригласить тебя на такой особый вечер. Это будет большое мероприятие с участием всех топ-менеджеров и гендиректоров, и я думаю, что для тебя это будет отличная возможность пообщаться и завести ценные связи.

Я поблагодарила его за приглашение и заверила, что приду:

— Спасибо за приглашение, я с удовольствием приду. Что-то ещё?

— Нет. Хорошего дня.

Я собиралась уходить из его кабинета, сама того не понимая, я повернулась спросить:

— Вообще-то, мистер Диккенсон, — сказала я ровным голосом, несмотря на бабочек в животе. — Если можно, я бы пришла со своим партерном?

Мужчина улыбнулся.

— Конечно. Сара из соседнего отдела уже устала строить догадки о нём. Как раз мы все познакомимся с ним.

Отработав этот день, я сразу побежала домой. Приближался конец финансового года и работы становилось много. Безмерно уставшая, я искупалась и поела.

Мягкое сияние лампы создавало теплую, уютную атмосферу в моей гостиной, когда я удобно устроилась на диване со своим ноутбуком. На экране появилось лицо Айзека, и я не смогла удержаться от улыбки при виде него.

— Привет, как прошел твой день? — спросила я, искренне радуясь увидеть его.

Айзек наклонился ближе к камере, его темно-синие глаза встретились с моими.

— Весьма продуктивно, — ответил он с ноткой волнения в голосе.

— Это хорошо. Ответы вышли? — спросила я не терпя услышать ответ.

Он повернул голову в сторону, и её радостное выражение лица сменилось серьёзным.

— Умоляю, Айзек, не томи!

Он тихо засмеялся, и его улыбка осветила экран.

— Я сдал.

Да!

— Боже мой! Я так и знала! Ты такой молодец, я горжусь тобой! — я встала со своего места и стала прыгать от радости.

Это означало, что Айзек теперь лицензированный юрист и может заниматься делом,

которым хотел ещё с детства.

— Что ж ты, солнце? Это всё твоя заслуга.

Я тихо хихикнула.

— Ну да, я должна признать, что это всё я со своими мотивирующими цитатами и сериалом Форс-мажоры! — поддразнивала я.

— Перестань, ты знаешь о чём я, — в этот момент Айзек обхватил голову руками, его глаза были устремлены на меня. Сияние экрана смягчало черты его лица, делая его еще более пленительным. — Я говорил, что ты являешься подарком судьбы?

Мы продолжили делиться последними новостями, и я рассказала о случае на сегодняшнем собрании.

Смех Айзека присоединился к моему, и мы оба не могли перестать убиваться над абсурдностью ситуации.

— Нет, это классический мистер Диккенсон момент, — сказал он, весело покачивая головой.

Я кивнула, пытаясь подавить смех.

— Ты не поверишь в это. В самом конце клиент опять сделал саркастический комментарий о том, что проект был «абсолютно идеальным», а мистер Диккенсон сказал: «Да, я знал, что вы оцените нашу безупречную работу».

Было так приятно разделить с ним этот беззаботный момент, даже на расстоянии. Звук его смеха был подобен музыке для моих ушей, и это заставляло моё сердце трепетать от радости.

— Иногда я задаюсь вопросом, думает ли мистер Диккенсон о ком-то, кроме себя? — добавила я, вытирая слезы смеха, которые выступили в уголках моих глаз.

— Этот человек относится к себе слишком серьезно, — ответил Айзек.

Наш смех медленно утих, и я глубоко вздохнула, испытывая чувство легкости и радости от нашего разговора.

— Это не всё. Сегодня он пригласил меня на корпоратив в такой манере словно, он его устраивает и преподнёс это как какой-то Gala event*.

— И что ответила?

— То, что я приду с тобой.

— Ты серьезно?

— Да! Конечно же, если ты не хочешь, я могу сказать, что ты не придёшь.

— О нет, такого я не пропущу. Когда это?

— На следующей неделе. Я скину тебе все детали, когда буду в офисе.

По мере того как ночь подходила к концу, мы неохотно попрощались, пообещав скоро снова поговорить. Я закрыла свой ноутбук, ещё долго сидя на своём месте не двигаясь.

Той ночью я заснула с улыбкой на лице, с нетерпением ожидая того дня, когда мы снова встретимся.

Всю неделю во мне бурлило предвкушение. Я хотела выглядеть на все сто и чувствовать себя уверенной. Поэтому на выходных я пошла сделать покупки и купила длинное бордовое платье. Оно было достаточно изысканное чтобы смотреться красиво само по себе, но и не привлекающее лишнего внимания. Наконец, когда настал этот день, я выпрямила волосы, накрасилась и стала ждать.

В течение этих двух месяцев мы с Айзеком поддерживали нашу связь исключительно посредством видеозвонков. Оправдание, которое я придумала, была его учеба и моя работа.

И хотя в этом была доля правды, это была не вся история. И Айзек знал это прекрасно, но никогда не говорил об этом.

Были ли мои чувства искренними или результатом его игр?

Ответ пришел ко мне с удивительной ясностью: это было и то, и другое. Да, нашей связи, несомненно, способствовали необычные обстоятельства, которые свели нас вместе. И всё же по мере того как проходили недели, а звонки продолжались, я начала понимать, что мои чувства к нему оказались глубже, чем я ожидала.

Я влюбилась в Айзека не только из-за его манипуляционных игр, но и из-за того, каким человеком он на самом деле был, скрываясь за слоями интриг. Именно его характер покорило моё сердце. Его уязвимость, умение слушать и искренность покорили меня. Чем больше я узнавала его, тем больше граней его личности раскрывалось передо мной, и каждая из них только притягивала меня ещё больше.

Я хотела его. Я любила его. И именно с ним мне было хорошо. Остальное уже было не важно.

Раздался звонок в дверь, и моё сердце пропустило удар. Бросив последний взгляд в зеркало, я глубоко вздохнула и направилась к входной двери. Когда я открыла её, Айзек выглядел, как всегда красивым, в сшитом на заказ костюме, который подчеркивал его крепкое телосложение.

Его губы изогнулись в очаровательной улыбке, и я почувствовала, как мои щеки заливают румянец.

— Чёрт... Ты выглядишь бесподобно, мой драгоценный камень.

Его слова вызвали во мне трепет восторга, и я не смогла удержаться от ответной улыбки.

— Спасибо, Айзек. Ты и сам выглядишь не так уж плохо.

— Пойдем? — он указал на новую машину, припаркованную у обочины.

— Мы на этом поедем? Чья эта машина?

Когда я скользнула на пассажирское сиденье, аромат его одеколona окружил меня, окутывая коконом знакомости и комфорта. Присутствие Айзека было одновременно возбуждающим и успокаивающим — сочетание, которое неизменно заставляло мое сердце учащенно биться.

— Твоя. Точнее научись водить — будет твоя. А пока я найму тебе водителя.

Двигатель заурчал, оживая, и мы плавно заскользили по городским улицам.

— Ты шутишь?

— Кристал, ты не можешь жить в этом городе без машины. Ты сама жалуешься, как вечно торопишься и кипячишься из-за такси.

— Я не могу принять такой подарок, ты и так за дом платишь!

Айзек закатил глаза.

— Подарок этот для моего спокойствия и точка.

Рука Айзека нашла мою, его пальцы переплелись с моими. Я попыталась переспорить его, но он включил радио и стал громко подпевать.

Когда мы прибыли на место, Айзек придержал для меня дверь. Его пристальный взгляд не отрывался от моего, когда мы вошли внутрь.

Комната гудела от разговоров и возбуждения, воздух был наполнен музыкой и смехом. Но среди толпы нам с Айзеком казалось, что мы находимся в нашем собственном маленьком пузырьке, в коконе мира, который был только нашим.

По воле судьбы наши пути пересеклись с мистером Диккенсоном. Выражение лица Айзека оставалось невозмутимым, но я могла заметить проблеск озорства, пляшущий в его глазах. Когда мистер Диккенсон протянул руку для рукопожатия, губы Айзека дернулись, и я почувствовала, как его сдерживаемый смех вибрирует по всему телу.

— А, мистер Диккенсон, рада вас видеть, — поприветствовала я, вежливо улыбнувшись. Взгляд мужчины переместился на Айзека, и едва заметная усмешка тронула уголки его губ.

— И кто бы это мог быть? — спросил он, в его тоне слышалась смесь любопытства и пристального изучения.

Позволив Айзеку взять инициативу в свои руки, я с предвкушением наблюдала, как он протягивает руку мистеру Диккенсону.

— Айзек, — представился он ровным и сдержанным голосом. — Приятно с вами познакомиться.

Внимание мистера Диккенсона снова переключилось на меня, и он вежливо улыбнулся. — Юрист, я полагаю?

Ох, какая же ты Ванга. Это явно третий глаз! И далеко не то, что я ему рассказывала про Айзека.

Борьба Айзека с желанием подавить смех стала ещё более очевидной, его губы сжались в тонкую линию, когда он кивнул в ответ. То, как его глаза мерцали едва сдерживаемым весельем, было одновременно милым и веселым.

— Так и знал! — продолжил мистер Диккенсон, и в его тоне появились слегка озадаченные нотки. — Знаешь, они мне никогда по-настоящему не нравились. Все эти юридические тонкости и сложности. Уж лучше подавайте мне цифры!

Нет, тебе лучше зеркало подать.

Я незаметно подтолкнула Айзека локтем, молчаливо напоминая о необходимости поддерживать его профессионализм.

Мистер Диккенсон, казалось, не обращал внимания на внутреннюю борьбу Айзека и продолжал обсуждать свои деловые начинания и предпочтения, пребывая в блаженном неведении об источнике веселья Айзека.

По мере того как разговор продолжался, я обменялась понимающим взглядом с Айзеком. К счастью, уже совсем скоро ему позвонили, и он удалился.

— Был рад познакомиться! Надеюсь, увидеться совсем скоро, — сказал мужчина и убежал.

— Держи пари, он уже забыл моё имя, — сказал Айзек.

Заиграла романтическая музыка, и танцпол так и манил.

— Потанцуем? — спросил он бархатистым шепотом, от которого у меня по спине побежали мурашки.

Улыбка тронула уголки моих губ, когда я протянула к нему руку.

— Конечно, — ответила я, моё сердце трепетало в предвкушении.

Когда его пальцы коснулись моих, волна знакомого и страстного желания захлестнула меня. Прошло некоторое время с тех пор как мы танцевали вместе, но в тот момент мне казалось, что времени вообще не прошло.

Его рука надёжно легла мне на талию, притягивая меня ближе к себе, в то время как моя другая рука нашла свое место на его плече. Приглушенный свет бального зала отбрасывал свет на нас.

Его пальцы скользнули вниз по моей спине, посылая дрожь предвкушения по моей коже. С каждым шагом, с каждым скольжением пространство между нами, казалось, исчезало, и казалось, что мир вокруг нас растворился во мраке.

По мере того как темп музыки усиливался, усиливалось и магнетическое притяжение, которое притягивало нас ближе. Дыхание Айзека щекотало мне ухо. Его губы касались моей кожи. Это ощущение послало прилив жара прямо в мою сердцевину, разжигая огонь, который тлел внутри.

Прикосновение Айзека было нежным, но в то же время собственническим, направляя меня с уверенностью. Каждый шаг, каждый поворот ощущался как синхронный балет, танец двух душ, вплетенных в грациозный вальс. Его рука скользнула с моей талии на поясницу, крепко прижимая меня к своему мощному телу. Жар его тела проникал сквозь ткань моего платья, и я чувствовала, как учащенное биение его сердца совпадает с моим собственным. Наши взгляды встретились.

Медленным, обдуманном движением бедер Айзека скользнуло между моими. У меня перехватило дыхание, когда его рука отважилась опуститься ниже, пальцы коснулись изгиба моего бедра, прежде чем вернуться к пояснице.

— Все смотрят на нас! — прошептала я.

— И пусть. Я не видел тебя так давно. Мне плевать.

Его губы нашли мою шею, легкое, как перышко, прикосновение послало волны удовольствия, каскадом прокатившиеся по мне. Тихий стон сорвался с моих губ, и я выгнулась в его объятиях, делая большего. Границы, которые так долго сдерживали нас, рушились, уступая место ненасытному стремлению, которое требовало удовлетворения.

Когда последние ноты музыки эхом разнеслись в воздухе, губы Айзека встретились с моими в обжигающем поцелуе.

Неохотно мы расстались, и наше дыхание смешалось в разделяющем нас пространстве. Пальцы Айзека задержались на моей талии еще на мгновение, прежде чем он отпустил меня, его взгляд был напряженным и непоколебимым.

— Выйдем? — предложила я.

Я уже чувствую, как офис завтра будет греметь сплетнями обо мне.

Не то чтобы мы с Айзеком были каким-то вау феноменом. Просто работы сейчас было много, а значит люди искали любой повод поговорить.

Мы направились на веранду.

Ночной воздух коснулся моей кожи, неся с собой намек на спокойствие.

Ночь, казалось, затаила дыхание, словно предвкушая волшебство, которое вот-вот должно было раскрыться. Мы нашли тихое местечко. Тишина вокруг нас была почти осязаемой, нарушаемая только тихим шелестом наших дыханий, смешивающихся в воздухе.

— Я нашел работу неподалеку отсюда, — сказал Айзек. — Я собираюсь переехать в Нью-Йорк.

— Айзек, я... Я хочу быть с тобой. Я хочу жить с тобой.

Его рука дернулась, как будто он хотел протянуть руку и дотронуться до меня, чтобы заверить, что чувствует то же самое. Но я остановила его, зная, что я должна высказаться.

— Всё это время я очень усердно думала об этом. Я взвесила все трудности и неопределенности и пришла к решению. Я не могу представить свою жизнь без тебя, Айзек. Да, по началу было трудно разобраться в сложностях наших отношений. Даже сейчас бывают моменты, когда кажется нереальным быть рядом с тобой на публике, как любая другая

нормальная пара. Но меня не волнуют ни мнения, ни трудности.

Мой голос дрогнул, и я замолчала, чтобы собраться с мыслями. Я повернулась к нему лицом, и моё сердце пропустило удар, когда я увидела, что он опустился на одно колено, его глаза смотрели на меня со смесью надежды и предвкушения.

— Кристал, — сказал он мягким и серьезным голосом. — Я полюбил тебя с того самого момента, как встретил. Ты принесла свет в мою жизнь и показала мне, что на самом деле значит любить и быть любимым. Каждое мгновение, проведенное с тобой, было подарком, и я не могу представить себе будущее без тебя рядом со мной.

Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Моё сердце забилось сильнее, и я протянула руку, чтобы коснуться его щеки, мои пальцы нежно коснулись его кожи.

— Айзек, — прошептала я, мой голос был хриплым от эмоций. — Ты показал мне любовь, которая превосходит всё, что я когда-либо могла себе представить.

Слезы хлынули рекой, и я позволила им свободно литься, больше не пытаюсь сдерживать поток эмоций, который грозил захлестнуть меня.

— Да, — сказала я дрожащим, но решительным голосом. — Да, тысячу раз да.

Его глаза загорелись, на лице появилась ослепительная улыбка, когда он полез в карман и достал маленькое мерцающее колечко. Дрожащей рукой он надел его мне на палец, и в тот момент, когда оно легло на место, я почувствовала, как меня захлестывает глубокое чувство счастья.

Когда Айзек встал и притянул меня в свои объятия, я почувствовала прилив уверенности. В этих объятиях, в тепле его любви и обещании нашего общего будущего я поняла, что сделала правильный выбор: быть с ним, строить совместную жизнь и принять предстоящее путешествие со всеми его радостями и испытаниями.

— Айзек, — начала я, мой голос дрожал от пьянящей смеси эмоций. — Я хочу, чтобы мы начали все сначала, с полной честностью. Есть ли что-нибудь, в чем тебе нужно признаться?

Он посмотрел на меня, выражение его лица было открытым и искренним.

— Нет, Кристал, — твердо ответил он. — Я ничего от тебя не скрываю.

Я почувствовала тяжесть на своих плечах, тайну, которую я носила в себе и больше не могла скрывать.

Сделав глубокий вдох, я посмотрела ему в глаза, мое сердце бешено колотилось в груди.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — сказала я, мой голос был едва громче шепота. — Кое-что, что я носила с собой уже долгое время.

Брови Айзека слегка нахмурились, на его лице отразилось беспокойство.

— В чем дело, Кристал? — спросил он мягким и ободряющим голосом.

— Я... — мой голос застрял в горле, слова внезапно показались мне более трудными для произнесения, чем я ожидала. Но я знала, что должна быть честной, поделиться той частью себя, которую я скрывала. — Я беременна.

В тот момент, когда эти слова слетели с моих губ, воздух, казалось, застыл, мир вокруг нас сузился до интенсивности этого откровения. Глаза Айзека расширились, его пристальный взгляд встретился с моим, пока он переваривал то, что я только что сказала.

— Ты беременна? — повторил он.

Я кивнула, дрожа, когда я вглядывалась в его лицо, ожидая реакции. Секунды тянулись, и каждый удар сердца отдавался эхом неуверенности, повисшей между нами.

Наконец выражение лица Айзека смягчилось, по его губам медленно расползлась

улыбка. Он потянулся, взял мое лицо в ладони и большим пальцем вытер случайно набежавшую слезу.

— Кристал, — сказал он, и его голос был полон нежности, которая тронула до глубины моей души. — Это... Это невероятная новость.

Облегчение нахлынуло на меня, смешиваясь с ошеломляющим чувством радости, которое исходило от его слов. Он притянул меня в свои объятия, прижимая к себе так крепко, как будто мог привязать меня к этому моменту, к реальности того, что мы переживали.

В этих объятиях, когда наши сердца бились синхронно, я знала, что предстоящий путь не всегда будет гладким. Были бы проблемы и неопределенность, но мы справлялись с ними вместе — более сильные, сплоченные и готовые отправиться в путешествие, как команда.

* торжественное мероприятие

Больше книг на сайте - Knigoed.net